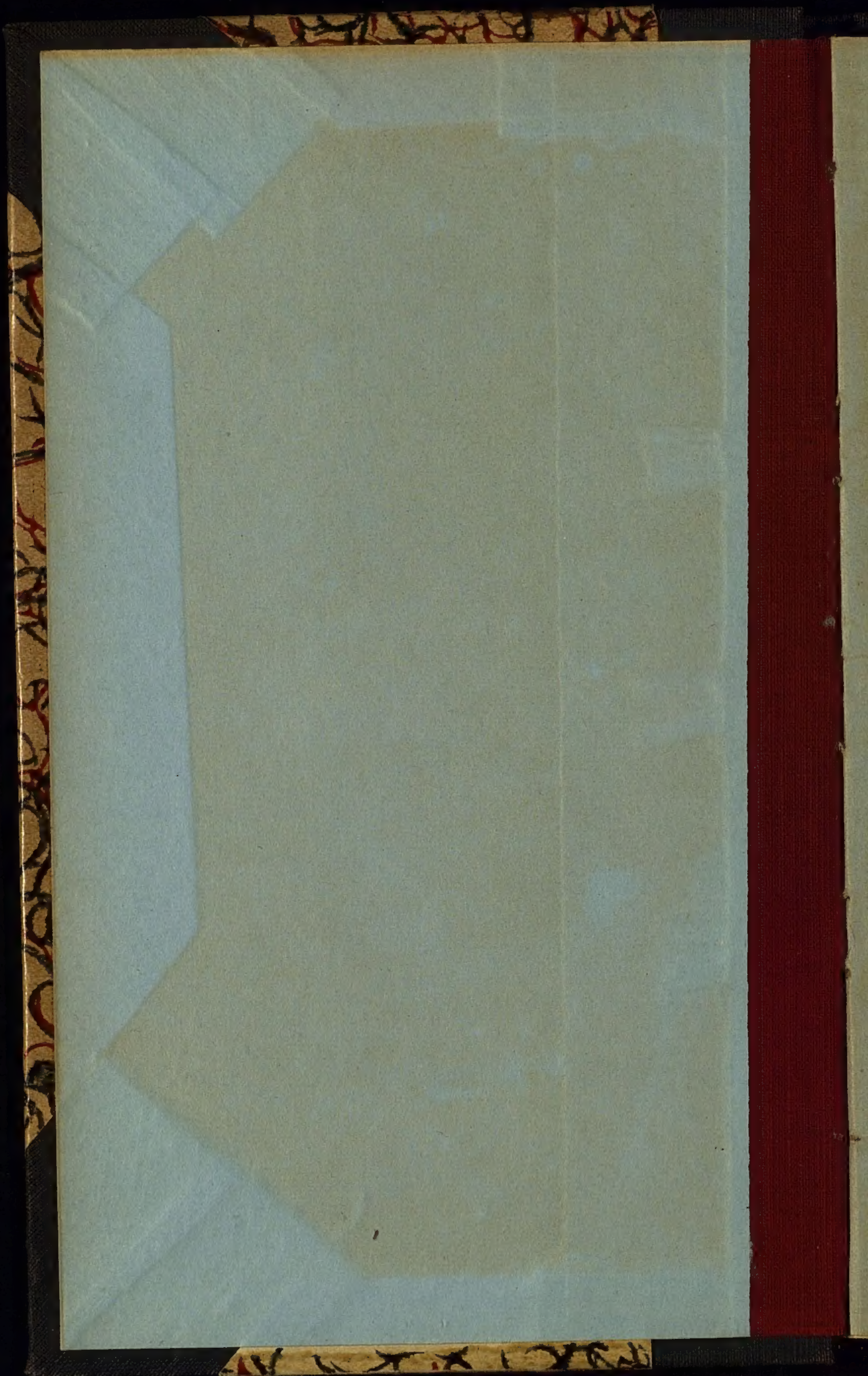
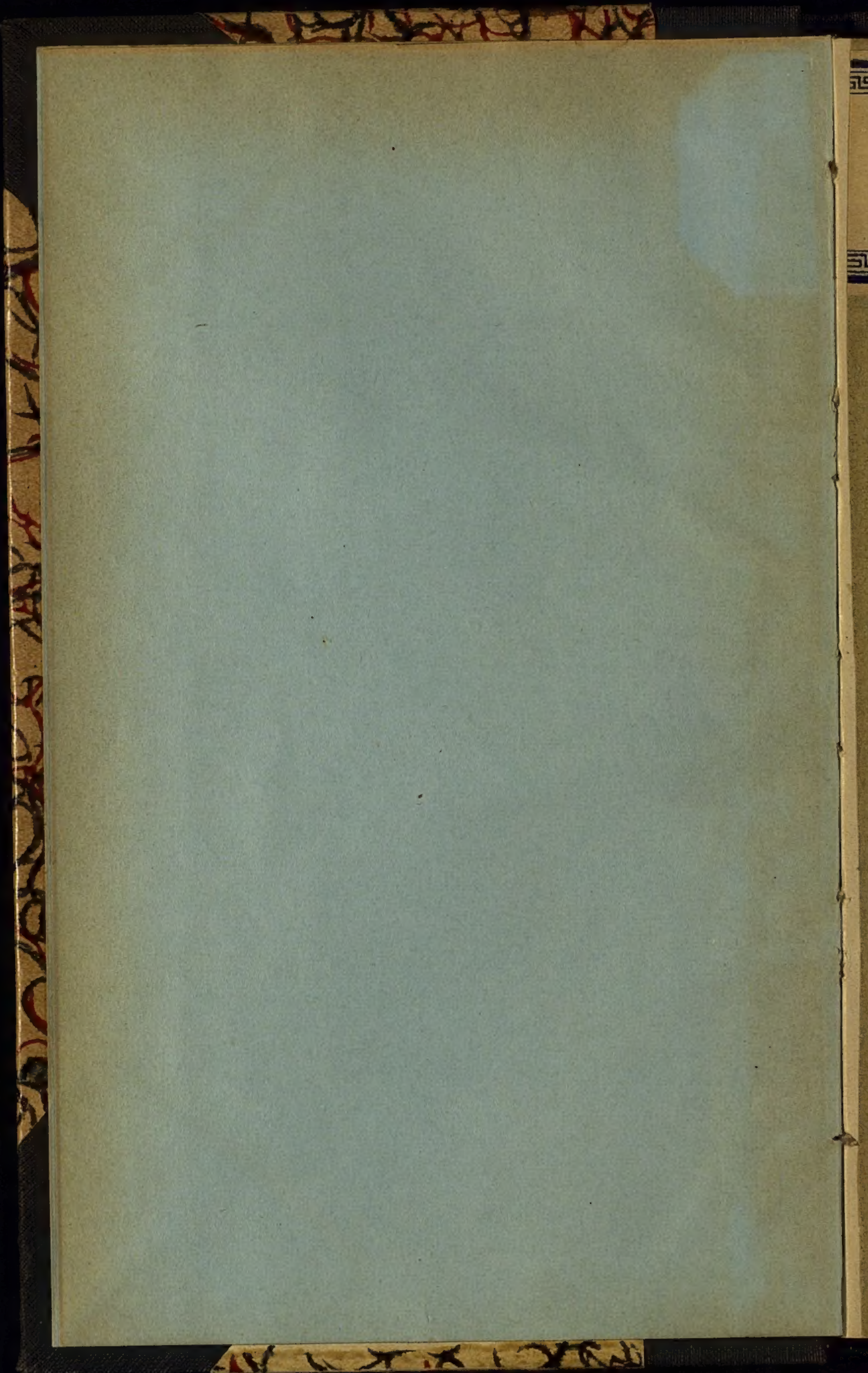
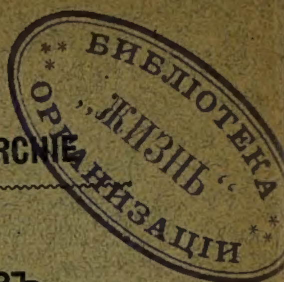

JEAN GRAVE

LA SOCIÉTÉ MOURANTE ET L'ANARCHIE

ЖАНЪ ГРАВЪ

УМИРАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО
И
АНАРХІЯ

ИЗДАНІЕ
ГРУППЫ РУССКИХЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ

Цѣна: 2 франка.

GENÈVE
E. Held, Editeur
1901

УМИРАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО И АНАРХІЯ

JEAN GRAVE

LA SOCIÉTÉ MOURANTE ET L'ANARCHIE

ЖАНЪ ГРАВЪ

УМИРАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО

И

АНАРХІЯ

ИЗДАНІЕ

ГРУППЫ РУССКИХЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ

Цѣна: 2 франка.

GENÈVE

E. Held, Editeur

1901

Жанъ Гравъ

УМИРАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО И АНАРХІЯ

Глава I

ИДЕЯ АНАРХИЗМА И ЕЯ РАЗВИТІЕ.

Анархія есть отрицаніе власти. Власть же мотивируетъ свое существованіе необходимостью защищать различныя общественныя учрежденія — семью, религію, собственность и проч. — и создаетъ съ этою цѣлью цѣлый рядъ орудій, обезпечивающихъ ея дѣятельность и санкцію; главныя изъ этихъ орудій — законъ, судебныя учрежденія, войско, законодательная и исполнительная власть. Вотъ почему, вынужденная давать отвѣтъ на все, идея анархизма должна была бороться со всѣми общественными предразсудками, должна была проникнуться всѣми данными человѣческой науки, съ цѣлью показать, что связанныя съ нею понятія вполнѣ соотвѣтствуютъ какъ физіологической и психологической природѣ человѣка, такъ и изученію естественныхъ законовъ, между тѣмъ какъ современная общественная организація, наоборотъ, противна всякой логикѣ, всякому здравому смыслу, результатомъ чего и является непрочность нашихъ обществъ, которыя постоянно подвергаются революціоннымъ взрывамъ, вызываемымъ накопившимся гнѣвомъ тѣхъ, кого давитъ произволъ существующихъ учрежденій. Когда анархисты борятся съ властью, имъ приходится, такимъ образомъ, критиковать всѣ тѣ учрежденія, защитникомъ которыхъ эта власть является и необходимость которыхъ она ста-

рается доказать для оправданія своего собственнаго существованія.

Поэтому область анархическихъ идей расширяется. Исходя первоначально изъ простого политическаго отрицанія, анархизмъ долженъ былъ затѣмъ подвергнуть критикѣ всѣ экономическіе и общественные предразсудки и выработать такую формулу, которая, отрицая частную собственность, лежащую въ основѣ современнаго экономическаго порядка, выражала бы въ то же время извѣстныя стремленія по отношенію къ будущему. И вотъ рядомъ съ «анархизмомъ» естественно сталъ «коммунизмъ».

Ниже мы увидимъ, что существуютъ утонченные резонеры, которые доказываютъ, что разъ анархизмъ означаетъ полное и всесторонее развитіе личности, онъ не можетъ имѣть ничего общаго съ коммунизмомъ. Мы же, напротивъ, имѣемъ въ виду показать, что личность можетъ развиться именно только въ обществѣ, а это послѣднее можетъ существовать только при условіи свободнаго развитія первой; одно, такимъ образомъ, дополняетъ другое.

Вотъ это-то разнообразіе разсматриваемыхъ и разрѣшаемыхъ вопросовъ и содѣйствовало быстрому развитію анархическихъ идей, которыя были вначалѣ достояніемъ лишь небольшой группы никому неизвѣстныхъ людей, лишенныхъ всякихъ средствъ пропаганды, а теперь проникаютъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и въ науку, и въ искусство, и въ литературу.

Ненависть къ власти, требованія соціальнаго характера существовали издавна: они зарождаются съ того момента, когда человѣкъ начинаетъ чувствовать, что его угнетаютъ. Но черезъ сколько ступеней, черезъ сколько различныхъ системъ должна была пройти эта идея прежде чѣмъ вылиться въ ея настоящую форму?

Первый намекъ на нее мы находимъ у Раблэ, въ его описаніи Телемскаго Аббатства, но здѣсь она еще совершенно неясна и онъ считаетъ ее неприложимой ко всему обществу въ его цѣломъ: доступъ въ его аббатство разрѣшается только привиллегированному меньшинству, при которомъ состоитъ цѣлый штатъ прислуги.

Въ 93 году уже говорятъ объ «анархистахъ». Жакъ

Ру и такъ называемые «неистовые» поняли, по нашему мнѣнію, лучше другихъ смыслъ революціи и больше всего сдѣлали для того, чтобы обратить ее на пользу народа. Потому то буржуазные историки и оставили ихъ въ тѣни: ихъ исторія еще не написана, скрытые въ архивахъ и библіотекахъ документы еще ждутъ человѣка, у котораго хватило бы времени и энергіи на то, чтобы вынести ихъ на свѣтъ божій и объяснить многое изъ того, что до сихъ поръ остается намъ непонятнымъ въ этомъ трагическомъ періодѣ исторіи. Мы не можемъ поэтому сдѣлать никакой оцѣнки ихъ программы.

Чтобъ найти анархизмъ какъ оппозицію власти и государству и какъ начинающую складываться теорію, нужно дойти до Прудона. Но анархизмъ здѣсь не больше какъ теоретическій врагъ государства: на практикѣ, въ своихъ планахъ общественной организаціи, Прудонъ оставляетъ подъ различными названіями всѣ тѣ части административной машины, которыя составляютъ самую сущность правительства. До самаго конца Имперіи анархизмъ существуетъ во Франціи лишь въ видѣ смутнаго мютюэллизма, который въ первые годы послѣ Коммуны вырождается въ движеніе производительныхъ и потребительныхъ товариществъ — движеніе вполнѣ ошибочное, пошедшее по совершенно ложному пути.

Но еще гораздо раньше этого безсильнаго движенія, отъ новаго дерева народился другой отпрыскъ. Интернаціоналъ создалъ въ Швейцаріи «Юрскую Федерацію», въ которой Бакунинъ проповѣдовалъ идею Прудона — анархію враждебную власти, — но притомъ развивъ, расширивъ ее и сливъ ее съ соціальными требованіями. Съ этого-то времени и начинается настоящее развитіе современнаго анархическаго движенія. Конечно, многіе предразсудки еще жили въ умахъ, въ высказываемыхъ идеяхъ еще было много нелогичнаго. Въ организаціи, принятой тогдашними пропагандистами, еще сохранялось много зародышей власти, много переживаній государственныхъ идей, но какъ бы то ни было первый шагъ былъ сдѣланъ: идея стала затѣмъ рости, очищаться и все болѣе и болѣе ясно опредѣляться. И когда, не больше какъ какихъ нибудь 20 лѣтъ тому назадъ, анархизмъ

впервые заявилъ о себѣ во Франціи на одномъ изъ конгрессовъ, то несмотря на то, что новая идея была высказана лишь ничтожнымъ меньшинствомъ и что противъ нея были не только защитники существующаго порядка, но и тѣ псевдо-революціонеры, которые видятъ въ народныхъ требованіяхъ только средство придти ко власти — несмотря на все это въ ней оказалось достаточно способности къ развитію, чтобъ утвердиться (хотя у ея сторонниковъ не было никакихъ средствъ пропаганды, кромѣ собственной энергіи), достаточно силы, чтобы заставить защитниковъ существующаго капиталистическаго строя бороться и преслѣдовать ее, а людей добросовѣстныхъ — ее обсуждать. Это — лучшее доказательство ея жизнеспособности и силы.

Такимъ образомъ, несмотря на крестовый походъ, предпринятый противъ нея всѣми тѣми, кого можно считать представителями различныхъ фракцій общественнаго мнѣнія, несмотря на клевету, на осужденія, на тюрьму, анархическая идея проложила себѣ дорогу. Основываются группы; во Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Голландіи, Англіи, Норвегіи, Америкѣ, Австраліи создаются органы для пропаганды на всевозможныхъ языкахъ — славянскихъ, нѣмецкомъ, еврейскомъ, армянскомъ — и во всевозможныхъ мѣстностяхъ. Но, что еще важнѣе, отъ небольшой группы недовольныхъ анархическія идеи проникаютъ во всѣ классы общества, повсюду, гдѣ только работаетъ человѣческій умъ. Искусство, наука, литература проникаются новыми идеями и служатъ ихъ носителями.

Въ началѣ, эти идеи были не больше какъ мало сознательными формулами, неясными требованіями — часто скорѣе простыми проявленіями протеста, чѣмъ дѣйствительными убѣжденіями. Теперь же анархическія идеи не только ясно формулируются, но люди которые ихъ распространяютъ вполнѣ сознаютъ, что распространяютъ именно анархизмъ, и не страшатся назвать его собственнымъ его именемъ.

Итакъ, уже не одни анархисты находятъ теперь, что существующій порядокъ дуренъ весь цѣликомъ и что его нужно измѣнить. Жалобы на существующее и стремленіе

къ лучшему можно встрѣтить даже у тѣхъ, кто считаетъ себя защитникомъ современнаго положенія вещей. Мало того: люди начинаютъ чувствовать, что нельзя довольствоваться безплодными пожеланіями, что нужно работать для осуществленія своего идеала, начинаютъ понимать и проповѣдовать пропаганду дѣломъ и примѣромъ. Иначе говоря, сравнивая то удовлетвореніе, которое доставляетъ человѣку сознаніе, что онъ поступаетъ согласно своимъ убѣжденіямъ, и тѣ непріятности, которыя ему можетъ доставить нарушеніе существующихъ законовъ, люди стараются по возможности согласовать свою жизнь съ своими взглядами — насколько темпераментъ данной личности можетъ сопротивляться преслѣдованіямъ общественнаго возмездія. Эта быстрота развитія анархическихъ идей зависитъ отъ того, что, хотя съ самаго начала они противорѣчатъ многимъ принятымъ идеямъ и установившимся предразсудкамъ и пугаютъ тѣхъ, кто слышитъ о нихъ въ первый разъ, онѣ въ сущности отвѣчаютъ на рядъ затаенныхъ чувствъ и смутныхъ запросовъ и даютъ человѣчеству въ конкретной формѣ тотъ идеалъ благосостоянія и свободы, о которомъ оно прежде едва осмѣливалось мечтать. Эти идеи казались страшными съ перваго взгляда, потому что проповѣдовали ненависть и презрѣніе ко многимъ изъ тѣхъ учрежденій, которыя считались необходимыми для жизни общества, и доказывали, въ противуположность принятымъ взглядамъ, что эти учрежденія вредны по самому своему существу, а не потому только, что они находятся въ рукахъ слабыхъ или дурныхъ личностей. Онѣ говорили толпѣ, что не нужно довольствоваться смѣной личностей, стоящихъ у власти, и частичными улучшеніями въ учрежденіяхъ, но нужно прежде всего разрушить то, что дѣлаетъ людей дурными и даетъ возможность меньшинству пользоваться всѣми силами общества для угнетенія большинства. Онѣ показывали, что то, что до сихъ поръ считалось причиной зла, отъ котораго страдаетъ человѣчество, есть ничто иное какъ послѣдствіе зла гораздо болѣе глубокаго, что нужно, слѣдовательно, измѣнить самыя основы общественнаго устройства.

Но, какъ мы уже видѣли выше, въ основаніи современнаго общества лежитъ частная собственность. Защита

капитала — единственная цѣль существованія власти. Организація семьи, чиновничества, арміи, суда прямо вытекаетъ изъ существованія частной собственности. Задача анархистовъ состояла, слѣдовательно, въ томъ, чтобы доказать несправедливость захвата земли и продуктовъ труда прошлыхъ поколѣній меньшинствомъ тунеядцевъ и подорвать авторитетъ власти, показавъ ея вредъ для человѣческаго развитія, ея роль покровительницы привиллегированныхъ классовъ и ничтожество тѣхъ принциповъ, на которые она опиралась для оправданія своихъ учрежденій.

То, что отталкивало отъ анархизма людей личныхъ интригъ и личнаго тщеславія, заставляло, наоборотъ, людей мыслящихъ изучать и обдумывать тѣ идеи, которыя онъ приносилъ съ собою. Дѣло въ томъ, что въ нихъ нѣтъ мѣста ни личнымъ соображеніямъ, ни мелкому самолюбію; онѣ не могутъ служить средствомъ для тѣхъ, кто видитъ въ рабочихъ требованіяхъ не больше какъ способъ завоевать себѣ мѣсто въ рядахъ эксплуататоровъ. Мотылькамъ политики нечего дѣлать въ рядахъ анархистовъ. Тамъ нѣтъ, или почти нѣтъ, мѣста ни мелкимъ личнымъ интересамъ, ни ряду кандидатуръ, открывающихъ поле всевозможнымъ надеждамъ и компромиссамъ. Въ партіяхъ политиковъ или соціалистовъ-государственниковъ какой-нибудь карьеристъ всегда можетъ подготовить незамѣтнымъ образомъ свое «обращеніе» такъ, что товарищи замѣчаютъ его уже много времени спустя послѣ того какъ оно совершилось. У анархистовъ это невозможно: всякій, кто согласился бы занять какой нибудь постъ въ современномъ обществѣ, послѣ того какъ онъ самъ доказывалъ, что всѣ тѣ, кто занимаетъ эти мѣста могутъ держаться на нихъ только при условіи быть вмѣстѣ съ тѣмъ защитниками существующаго порядка, будетъ тотчасъ же заклейменъ названіемъ ренегата, потому что у него не можетъ быть никакихъ оправданій для его «эволюціи». Вотъ почему то самое, что навлекало на идею анархизма ненависть интригановъ, вызывало вмѣстѣ съ тѣмъ на размышленіе людей искренних; этимъ и объясняется ея быстрый успѣхъ.

Что, въ самомъ дѣлѣ, возразить людямъ, которые дока-

зываютъ, что если вы хотите, чтобъ ваши дѣла шли хорошо, вы должны дѣлать ихъ сами, а не давать на это полномочій другимъ? Въ чемъ можно упрекнуть людей, которые говорятъ, что если вы хотите быть свободными, то вы не должны никому поручать «управлять» собою? Что отвѣтить тѣмъ, кто показываетъ вамъ причины бѣдствій, отъ которыхъ вы страдаете, указываетъ средства избавиться отъ нихъ, и при этомъ не только не говоритъ, что эти средства находятся у него въ рукахъ, но, напротивъ, старается внушить вамъ, что только вы, вы сами, можете судить о томъ, что вамъ нужно и чего, наоборотъ, вамъ слѣдуетъ избѣгать.

Если какая-нибудь идея обладаетъ достаточною силою чтобы внушить людямъ твердыя убѣжденія, за распространеніе которыхъ они борятся и страдаютъ, ничего не ожидая въ смыслѣ непосредственныхъ результатовъ — такая идея уже по одному этому является въ глазахъ искреннихъ людей достойной изученія; такъ именно случилось и здѣсь. И вотъ, несмотря на крики негодованія однихъ, на злобу другихъ, на преслѣдованія правительствъ, идея все ростетъ и развивается, доказывая буржуазіи, что голосъ правды ни заглушить, ни заставить замолчать нельзя. Рано или поздно съ нимъ приходится считаться.

Анархизмъ имѣетъ своихъ мучениковъ — умершихъ, заключенныхъ въ тюрьмы, изгнанныхъ, — но онъ остается живымъ и полнымъ силъ, и число его пропагандистовъ все ростетъ. Среди нихъ есть и пропагандисты сознательные, понявшіе все величіе идеи, и пропагандисты случайные, которые просто выражаютъ свою ненависть къ учрежденіямъ, задѣвающимъ ихъ сокровенныя чувства или ихъ инстинктивную потребность правды и справедливости. По своей ширинѣ анархическія идеи привлекаютъ всѣхъ тѣхъ, въ комъ живо чувство собственнаго достоинства, кто жаждетъ справедливости и красоты истины. Быть свободнымъ отъ всякаго принужденія, отъ всякаго стѣсненія — не есть ли это, въ самомъ дѣлѣ, идеалъ человѣка, и не съ этой ли цѣлью производились всѣ революціи? Вѣдь если люди все еще терпятъ надъ собой гнетъ эксплуататоровъ, если человѣческій умъ до сихъ поръ томится въ тискахъ понятій капиталистическаго общества,

то это потому что общепринятые взгляды, рутина, предразсудки и невѣжество брали всегда верхъ надъ мечтами о свободѣ и стремленіемъ къ независимости и заставляли тѣхъ самыхъ людей, которые только что изгнали тѣхъ, кто господствовалъ надъ ними, вмѣсто освобожденія, избрать себѣ новыхъ господъ.

Анархическія идеи пролили свѣтъ не только въ умы рабочихъ, но и въ умы всевозможныхъ мыслителей, которымъ онѣ помогли разобраться въ своихъ собственныхъ чувствахъ, показали настоящія причины окружающей бѣдности и средства для ея устраненія, показали въ чемъ цѣль и гдѣ ведущій къ ней путь, объяснили, почему всѣ прошлыя революціи кончались неудачей.

Именно этой тѣсной связью анархическихъ идей съ сокровенными чувствами человѣка и объясняется ихъ быстрое развитіе; именно она придаетъ имъ силу и дѣлаетъ ихъ неуязвимыми. Напрасно направляется на нихъ и на ихъ пропагандистовъ и злоба правительствъ, и различныя репрессивныя мѣры, и ненависть неудовлетвореннаго тщеславія: онѣ уже проложили себѣ дорогу и ничто не можетъ помѣшать имъ развиваться и стать идеаломъ всѣхъ обездоленныхъ, лозунгомъ всѣхъ ихъ попытокъ къ освобожденію.

Капиталистическое общество такъ узко и мелочно, всякое широкое стремленіе въ немъ такъ подавляется, оно убиваетъ столько хорошихъ побужденій, оскорбляетъ въ большей или меньшей степени личное достоинство стольких людей, не могущихъ примириться съ узостью господствующихъ въ немъ понятій, что если бы даже ему удалось заглушить на время голосъ современныхъ анархистовъ, то скоро само угнетеніе вызвало бы къ жизни новое поколѣніе ихъ, такое же непримиримое.

Глава II

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ И СОЛИДАРНОСТЬ.

«Анархія и коммунизмъ несовмѣстимы», говорятъ намъ многіе недобросовѣстные противники, мало заботящіеся о выясненіи вопроса. «Коммунизмъ, это — организація; онъ стѣсняетъ развитіе личности, а потому мы не хотимъ его. Мы — индивидуалисты, анархисты и больше ничего», говорятъ съ другой стороны нѣкоторые, даже искренніе люди — люди, которымъ хочется быть болѣе крайними, чѣмъ ихъ товарищи, и которые, не обладая оригинальностью мысли, стараются преувеличить извѣстныя идеи, доводя ихъ до абсурда. А около нихъ группируются и тѣ личности, которыхъ правительствамъ всегда выгодно послать въ среду своихъ противниковъ для поселенія въ ней раздора.

И вотъ анархисты начинаютъ спорить объ анархизмѣ, коммунизмѣ, иниціативѣ, организаціи, о вредномъ или полезномъ вліяніи группировки, объ эгоизмѣ и альтруизмѣ и еще о массѣ вещей одна нелѣпѣе другой, потому что въ результатѣ этихъ споровъ между добросовѣстными противниками въ концѣ концовъ оказывается, что всѣ стремятся къ одному и тому же, только подъ различными названіями.

Въ самомъ дѣлѣ, анархисты, заявляющіе себя коммунистами, первые готовы признать, что не личность создана для общества, а наоборотъ общество имѣетъ цѣлью доставить личности наиболѣе благопріятныя условія для ея развитія. Когда нѣсколько человѣкъ соединяются вмѣстѣ и соединяютъ свои усилія, то они очевидно дѣлаютъ это для того, чтобы получить возможно большую сумму наслажденій при наименьшей тратѣ силъ. Они вовсе не имѣютъ намѣренія принести свою иниціативу, свою волю,

свою личность въ жертву какой-то отвлеченности, которая не существовала передъ тѣмъ какъ они соединились и перестанетъ существовать какъ только они разойдутся.

Сберечь свои силы и вмѣстѣ съ тѣмъ добиться отъ природы предметовъ необходимыхъ для существованія, получить которыя можно только соединенными усиліями — такова была, несомнѣнно, цѣль первыхъ начавшихъ группироваться человѣческихъ существъ; во всякомъ случаѣ, эта цѣль, если и не была сознана, то молчаливо подразумѣвалась въ первыхъ человѣческихъ обществахъ. которыя, можетъ быть, даже были временными и распадались какъ только намѣченное дѣло было выполнено.

Итакъ, никто изъ анархистовъ не собирается подчинить существованіе личности потребностямъ общества.

Полная свобода личности во всѣхъ проявленіяхъ ея дѣятельности — таково наше общее требованіе. Когда же являются люди, которые отрицаютъ организацію, признаютъ только личность и говорятъ, что имъ нѣтъ дѣла до общества, что правиломъ поведенія долженъ быть личный эгоизмъ, что поклоненіе собственному *я* должно стоять выше всѣхъ гуманныхъ соображеній, — и при этомъ считаютъ себя болѣе крайними чѣмъ другіе, то это показываетъ только одно: что они никогда не изучали психической и физической организаціи человѣка и даже никогда не пытались отдать себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ чувствахъ; они не имѣютъ никакого представленія о жизни современнаго человѣка, о его физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ потребностяхъ.

Въ современныхъ обществахъ намъ приходится иногда видѣть такихъ полныхъ эгоистовъ: Делобелли, Гіальмары Эйкдали нерѣдки и встрѣчаются не только въ романахъ. Иногда — хотя и не особенно часто — случается встрѣчать такихъ людей, думающихъ только о себѣ, не видящихъ ничего въ мірѣ кромѣ собственной личности. Если они сидятъ за столомъ, они безъ церемоніи берутъ себѣ лучшій кусокъ; они расточительны внѣ дома, въ то время какъ ихъ семья умираетъ съ голоду. Они принимаютъ какъ должное всевозможныя жертвы со стороны всѣхъ—отца, матери, жены, дѣтей—а сами спокойно сидятъ сложа руки, или безъ церемоній пользуются жизнью. Чужія страданія не идутъ въ счетъ

— лишь бы только въ ихъ собственномъ существованіи все шло гладко. Мало того, они даже не замѣчаютъ, что другіе страдаютъ ради нихъ и изъ-за нихъ: когда они сыты и довольны, имъ кажется, что и все человѣчество счастливо и отдыхаетъ. Таковъ типъ настоящаго эгоиста въ абсолютномъ смыслѣ слова, но это вмѣстѣ съ тѣмъ и типъ вполнѣ ничтожной личности. Даже самый отвратительный буржуа не приближается къ этому типу: онъ все таки иногда любитъ своихъ близкихъ или, во всякомъ случаѣ, питаетъ къ нимъ какое-то чувство, похожее на любовь. Мы не думаемъ, чтобы даже самые искренніе сторонники индивидуализма хотѣли возвести этотъ типъ въ идеалъ будущаго человѣчества. Съ другой стороны и анархисты-коммунисты вовсе не хотятъ проповѣдовать для будущаго общества самопожертвованіе личности и ея отказъ отъ собственнаго блага. Но, отрицая отвлеченное понятіе объ «обществѣ», они отрицаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то отвлеченное понятіе объ «индивидуумѣ», которое стремились создать ихъ противники, доводя, такимъ образомъ, теорію до абсурда.

Личность имѣетъ право на полную свободу, на удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей — это несомнѣнно. Но такъ какъ на земномъ шарѣ существуетъ больше милліарда такихъ личностей, если и не съ равными потребностями, то съ равными правами, то всѣмъ этимъ правамъ нужно дать удовлетвореніе такъ, чтобы они не мѣшали другъ другу: иначе произойдетъ угнетеніе однихъ другими и совершаемая революція окажется безполезной.

Нашъ чудовищный общественный строй, основанный на антагонизмѣ интересовъ, ставитъ людей въ враждебное отношеніе другъ къ другу и заставляетъ ихъ грызться для обезпеченія себѣ возможности существовать; это въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ путаницѣ въ понятіяхъ. Въ настоящемъ обществѣ приходится быть или воромъ, или обкрадываемымъ, или угнетателемъ, или угнетаемымъ — середины нѣтъ. Тотъ, кто хочетъ помочь другому, часто рискуетъ быть одураченнымъ; отсюда плохо разсуждающій человѣкъ выводитъ заключеніе, что люди не могутъ жить не борясь другъ съ другомъ.

Анархисты же говорятъ, напротивъ, что общество дол-

жно быть основано на самой тѣсной солидарности. Въ томъ обществѣ, къ осуществленію котораго они стремятся, счастье одного не должно, даже въ самой малѣйшей степени, быть въ ущербъ другому; наоборотъ, благосостояніе одной личности должно вытекать изъ благосостоянія всѣхъ; если независимости или благополучію одной какой-нибудь личности будетъ нанесенъ ущербъ, то нужно чтобы этотъ ущербъ чувствовался и всѣми остальными, чтобы они въ силу этого могли исправить сдѣланное зло. Пока же этотъ идеалъ не осуществится, пока эта цѣль не будетъ достигнута, всѣ ваши общества, будутъ только организованнымъ произволомъ, противъ котораго угнетенныя личности будутъ имѣть полное право протестовать.

Если бы человѣкъ могъ жить одинъ, если бы онъ могъ вернуться къ первобытному состоянію, намъ нечего было бы говорить о томъ, какъ онъ будетъ жить: каждый жилъ бы какъ хочетъ. Земля достаточно велика, чтобы дать пріютъ всѣмъ, но дала ли бы она достаточное для всѣхъ пропитаніе, если ее предоставить самой себѣ? Въ этомъ далеко нельзя быть увѣреннымъ; результатомъ, вѣроятно, явилась бы ожесточенная борьба между личностями, «борьба за существованіе» первобытныхъ временъ во всемъ ея ужасѣ. Весь ходъ эволюціи пришлось бы начинать сначала: болѣе сильные стали бы притѣснять болѣе слабыхъ, а затѣмъ ихъ мѣсто заняли бы люди ловкіе, причемъ сила денегъ замѣнила бы собою силу физическую.

Если намъ пришлось пережить весь этотъ періодъ кровопролитія, нищеты и эксплуатаціи, называемый человѣческой исторіей, то это зависѣло именно отъ того, что человѣкъ былъ эгоистомъ въ полномъ смыслѣ слова, безъ всякаго смягченія, безъ всякаго противодѣйствующаго вліянія. Во всякой ассоціаціи онъ видѣлъ прежде всего удовлетвореніе своей непосредственной потребности. Когда ему представлялась возможность поработить болѣе слабаго, онъ дѣлалъ это безъ всякихъ стѣсненій; онъ не видѣлъ ничего кромѣ той работы, которую можетъ произвести порабощенный, и не думалъ о томъ, что необходимость надзора за нимъ и необходимость подавлять въ будущемъ различныя возстанія въ концѣ концовъ

потребуетъ столько же труда и что выгоднѣе было бы работать вмѣстѣ, помогая другъ другу. Такимъ образомъ установились власть и собственность, и если мы хотимъ ихъ уничтожить, то уже во всякомъ случаѣ не для того, чтобы начать съизнова всю прошлую эволюцію.

Если мы примемъ, что человѣкомъ долженъ руководить лишь одинъ чистый эгоизмъ, лишь поклоненіе собственному *я*, то это будетъ значить, что онъ долженъ броситься очертя голову въ общую свалку и стремиться только удовлетворить самого себя, не заботясь о томъ, не мѣшаетъ ли это кому-нибудь другому. Сказать это — значитъ сказать, что будущая революція должна произойти въ пользу болѣе сильныхъ, что новое общество должно быть основано на вѣчныхъ столкновеніяхъ между личностями. А если такъ, то намъ нечего было бы ссылаться ни на какую идею всеобщаго освобожденія; тогда оказалось бы, что мы возмущаемся противъ современнаго общества только потому, что его капиталистическая организація мѣшаетъ лично намъ пользоваться его благами.

Возможно, что среди людей, называвшихъ себя анархистами, и были такіе, которые становились на эту точку зрѣнія. Можетъ быть именно отъ этого зависитъ фактъ измѣны и превращеній тѣхъ, которые сначала были самыми ярыми, а затѣмъ перешли въ ряды защитниковъ существующаго строя, потому что это оказалось для нихъ болѣе выгоднымъ.

Конечно, мы боремся съ современнымъ обществомъ потому что оно не даетъ удовлетворенія нашимъ стремленіямъ, но мы понимаемъ, что въ нашихъ интересахъ, чтобы это удовлетвореніе потребностей было распространено на всѣхъ членовъ общества.

Человѣкъ всегда эгоистъ, онъ всегда стремится сдѣлать изъ своего *я* центръ вселенной. Но по мѣрѣ того, какъ его умъ развивается, онъ начинаетъ понимать, что если его *я* требуетъ удовлетворенія, то есть и другія *я*, которыя требуютъ того же самаго и, чувствуя себя неудовлетворенными, начинаютъ заявлять о своихъ правахъ. Вотъ почему мистики и сантименталисты стали проповѣдовать самоотреченіе и самопожертвованіе ради другихъ.

Понемногу, однако, несмотря на продолжающуюся проповѣдь принесенія личности въ жертву обществу — проповѣдь, не меньше грубой силы содѣйствовавшую его поддержанію — произволъ началъ смягчаться, предоставляя все большій просторъ развитію личности. Если узкій, дурно понятый эгоизмъ мѣшаетъ развитію общества, то съ другой стороны самоотреченіе и духъ самопожертвованія оказываются вредными для личности. Не всякій можетъ жертвовать собою для другихъ, особенно если эти другіе ему посторонніе. Въ концѣ концовъ такое самопожертвованіе можетъ оказаться даже вреднымъ для человѣчества, потому что оно даетъ просторъ господству умовъ узкихъ и эгоистическихъ, въ дурномъ смыслѣ этого слова и такимъ образомъ доставляетъ преобладаніе наименѣе совершенному типу человѣчества. Чистый альтруизмъ въ точномъ смыслѣ слова точно также не можетъ поэтому прочно утвердиться, какъ и эгоизмъ.

Но если, взятые въ отдѣльности и доведенные до крайности, эгоизмъ и альтруизмъ оказываются оба вредными какъ для личности, такъ и для общества, то, соединившись въ одно, они образуютъ третье начало, которое и должно лечь въ основаніе будущихъ обществъ. Это начало — солидарность.

Предположимъ, что насъ нѣсколько человѣкъ и что мы соединяемся съ цѣлью удовлетворенія какой нибудь потребности. Если въ нашей ассоціаціи нѣтъ ничего принудительнаго, никакого произвола, а она обусловливается исключительно нашими нуждами, то мы очевидно внесемъ въ нее тѣмъ больше силы и энергіи, чѣмъ сильнѣе мы будемъ чувствовать данную потребность. Всѣ мы участвуемъ въ производствѣ и всѣ имѣемъ очевидно право на потребленіе, а такъ какъ для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить потребностямъ всѣхъ, эти потребности будутъ разсчитаны заранѣе (включая сюда и новыя потребности, которыя можно будетъ предвидѣть), то въ распредѣленіи продуктовъ безъ труда установится солидарность. Недаромъ говорятъ, что взглядъ человѣка можетъ обнять больше чѣмъ сколько входитъ въ его желудокъ: чѣмъ сильнѣе будетъ у него какое нибудь желаніе, тѣмъ дѣятельнѣе будетъ онъ стремиться

къ его осуществленію, и такимъ образомъ произведетъ не только все то, что нужно для его сотоварищей, но сможетъ удовлетворить даже и тѣхъ, у которыхъ явится желаніе обладать даннымъ предметомъ только тогда, когда онъ будетъ уже существовать. Потребности человѣка безконечно разнообразны; также безконечно разнообразны будутъ виды его дѣятельности и средства къ удовлетворенію этихъ потребностей, и именно это разнообразіе будетъ содѣйствовать общей гармоніи.

Въ нашемъ обществѣ, гдѣ люди, для полученія необходимыхъ для жизни предметовъ, привыкли всегда разсчитывать на чужой трудъ, они преслѣдуютъ только одну цѣль: достать себѣ побольше денегъ, чтобы имѣть возможность купить себѣ что угодно; а такъ какъ ручной трудъ едва позволяетъ человѣку не умереть съ голоду, то всякій, кто можетъ, старается добыть себѣ денегъ какъ нибудь инымъ путемъ, только не трудомъ: одинъ становится чиновникомъ, другой журналистомъ (причемъ не останавливается и передъ шантажемъ); тотъ, у кого есть нѣкоторый капиталъ, начинаетъ торговать, увеличивать свой доходъ, обманывая своихъ согражданъ, занимается спекуляціей и ажіотажемъ, или же эксплуатируетъ чужой трудъ. Люди прибѣгаютъ къ всевозможнымъ низостямъ и не дѣлаютъ единственнаго дѣла, которое могло бы удовлетворить всѣхъ: не занимаются полезнымъ, производительнымъ трудомъ. Каждый заботится только о себѣ, совершенно не думая о тѣхъ, кому онъ наноситъ ущербъ; отсюда тотъ безразсудный эгоизмъ, который сталъ, повидимому, единственнымъ двигателемъ человѣческихъ поступковъ.

Но по мѣрѣ того какъ человѣкъ развивается, онъ перестаетъ жить только ради себя одного; типъ дѣйствительно развитого эгоиста, это — человѣкъ, который страдаетъ отъ страданія окружающихъ, который не можетъ наслаждаться, когда онъ знаетъ, что его наслажденіе покупается благодаря недостаткамъ нашего общественнаго устройства, цѣною чужого страданія. Въ средѣ буржуазіи встрѣчаются люди съ очень развитою чувствительностью; если вліяніе среды, воспитанія, наслѣдственности не помѣшаетъ имъ думать объ обще-

ственныхъ бѣдствіяхъ и отдавать отчетъ въ собственной жизни, они начинаютъ стараться по возможности облегчить эти бѣдствія путемъ благотворительности. Развиваются различныя благотворительныя учрежденія; но вслѣдствіе привычки смотрѣть на настоящее общественное устройство какъ на нормальное, а на бѣдность — какъ на явленіе долженствующее существовать вѣчно, всѣ эти учрежденія носятъ сухой, инквизиторскій характеръ.

Дѣло въ томъ, что для человѣка родившагося, воспитавшагося, развившагося въ тепличной атмосферѣ благосостоянія и роскоши, очень трудно, даже невозможно безъ какихъ нибудь исключительныхъ обстоятельствъ, начать сомнѣваться въ законности того положенія, которымъ онъ пользуется. Что же касается разбогатѣвшаго выскочки, то для него это еще труднѣе, потому что онъ убѣжденъ, что достигъ своего настоящаго положенія исключительно благодаря своему труду и своимъ талантамъ. Религія, политическая экономія и буржуазное самодовольство столько разъ повторяли намъ, что трудъ — наказаніе, а бѣдность — послѣдствіе непредусмотрительности, что трудно ожидать, чтобы человѣкъ, которому никогда не приходилось бороться съ судьбой, не считалъ себя существомъ высшей породы. Съ того момента, когда онъ начнетъ въ этомъ сомнѣваться, когда онъ примется изучать современное общественное устройство, если только онъ способенъ понять его недостатки, всѣ его удовольствія будутъ отравлены въ самомъ ихъ источникѣ. Мысль, что роскошь, которою онъ пользуется, покупается цѣною бѣдствій цѣлой массы рабочихъ, что каждое его удовольствіе оплачено страданіями тѣхъ, кто жертвовалъ собою чтобы создать его, сдѣлается для него источникомъ страданій. И если въ этомъ человѣкѣ, наравнѣ съ чувствительностью, развито и стремленіе къ борьбѣ, то изъ него выйдетъ революціонеръ, борющійся съ существующимъ общественнымъ строемъ, который не можетъ обезпечить ему даже умственнаго и нравственнаго удовлетворенія.

Не нужно забывать, въ самомъ дѣлѣ, что соціальный вопросъ не исчерпывается одною матеріальною стороною жизни. Конечно, мы боремся прежде всего за то, чтобы

всѣ были сыты, но наши требованія на этомъ не останавливаются: мы боремся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и за возможность для всякаго развивать свои способности, пользоваться тѣми умственными наслажденіями, которыхъ требуетъ его мозгъ. Для многихъ анархистовъ вопросъ правда ставится иначе, и отсюда-то и вытекаютъ всѣ эти разнообразныя толкованія и споры объ эгоизмѣ, альтруизмѣ и т. под. Вопросъ о хлѣбѣ — вопросъ первостепенной важности, но для самаго успѣха революціи было бы очень опасно ограничиваться имъ однимъ, потому что въ такомъ случаѣ можно было бы принять и идеалъ соціалистическаго государства, которое можетъ и должно обезпечить всѣмъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей.

Если бы будущая революція ограничилась въ своихъ требованіяхъ однимъ вопросомъ матеріальной жизни, ей грозила бы опасность остановиться на полъ-пути, выродиться въ какую-то оргію, послѣ которой революціонеры легко сдѣлались бы добычей штыковъ буржуазной реакціи. Къ счастью, этотъ вопросъ, наиболѣе важный — мы вполнѣ съ этимъ согласны — для міра рабочихъ, совершенно лишенныхъ, вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающейся безработицы, возможности быть увѣренными въ завтрашнемъ днѣ, не есть единственный вопросъ, разрѣшеніе котораго предстоитъ будущей революціи. Несомнѣнно, что первое, что должны будутъ сдѣлать анархисты для обезпеченія успѣха революціи, это — завладѣть общественнымъ богатствомъ, призвать обездоленныхъ, захватить магазины, орудія и землю, устроиться въ здоровыхъ квартирахъ, разрушить тѣ трущобы, въ которыхъ они вынуждены жить теперь; возставшій народъ долженъ будетъ уничтожить всѣ документы, устанавливающіе права на собственность; нотаріальные документы, кадастры, записи — все это должно будетъ быть пересмотрѣно и «очищено». Но для выполненія всей этой работы мало людей просто голодныхъ: для этого нужны люди сознающіе свое личное достоинство, ревниво стоящіе за свои права, твердо стремящіеся къ завоеванію ихъ и умѣющіе ихъ защитить. Вотъ почему для этого переворота недостаточно разрѣшенія одного вопроса матеріальнаго обезпеченія. И вотъ почему, рядомъ съ тре-

бованіемъ права на существованіе, которое ставятъ анархисты, возникаютъ всевозможные вопросы науки, искусства, философіи, которые анархистамъ приходится изучать и выяснять, такъ что анархическія идеи должны обхватывать собою всѣ области человѣческаго знанія. Повсюду онѣ черпаютъ аргументы въ свою пользу, повсюду онѣ находятъ сторонниковъ, которые приносятъ имъ свои требованія и свои знанія. Человѣческія знанія такъ обширны, что даже наиболѣе одаренные умы могутъ вмѣстить лишь часть ихъ; поэтому идея анархизма не можетъ сконцентрироваться въ умахъ нѣсколькихъ личностей, которыя начертали бы ей границы и предписали бы программу: она можетъ разрабатываться только общими усиліями, когда каждый вкладываетъ въ нее свои знанія, и это-то именно и составляетъ ея силу, потому что только такое сотрудничество всѣхъ можетъ дать ей возможность стать выразительницей стремленій человѣчества.

Глава III

МОЖНО ЛИ УПРЕКНУТЬ НАСЪ ВЪ ОТВЛЕЧЕННОСТИ?

«Ваши идеи слишкомъ отвлеченны», часто говорятъ намъ многіе изъ тѣхъ, кто думаетъ, что, обращаясь преимущественно къ рабочимъ, мы достигли бы своей пропагандой бо́льшихъ результатовъ, если бы не ставили вопросы такъ широко.

Выше мы уже видѣли, что само развитіе идей заставляетъ насъ заниматься такими вопросами, которые не всегда доступны нашей публикѣ; это — неизбѣжное явленіе, которому намъ приходится подчиняться и противъ котораго мы ничего не можемъ сдѣлать. Не споримъ, для людей только что начинающихъ знакомиться съ общественными вопросами, наша литература кажется иногда сухой и отвлеченной; но развѣ наша вина, если таковъ самъ предметъ, который мы разсматриваемъ и должны разсматривать? Развѣ наша вина, если защищаемыя нами идеи тѣсно сплетаются между собою, сливаются со всѣми отраслями человѣческаго знанія и, въ силу этого, заставляютъ всякаго, кто хочетъ выяснить ихъ себѣ, заняться изученіемъ такихъ предметовъ, въ которыхъ онъ раньше вовсе не предвидѣлъ надобности? Да, кромѣ того, развѣ предварительная работа, которой намъ предлагаютъ ограничиться, не сдѣлана уже тѣми соціалистами, которые были нашими предшественниками? Развѣ сама буржуазія не разрушаетъ своего общества? Развѣ даже различные честолюбцы — радикалы и болѣе или менѣе истинные соціалисты — не стараются всѣми силами доказать рабочимъ, что современное общество ничего не можетъ для нихъ сдѣлать, что его нужно измѣнить? Анархистамъ остается только разобраться во всей этой громад-

ной работѣ, привести ее въ порядокъ и сдѣлать выводъ. Ихъ роль ограничивается тѣмъ, чтобы указать средства избавиться отъ угнетающаго насъ зла, чтобы доказать, что устранить всѣ нежелательныя явленія, которыя такъ успѣшно критикуютъ разные стремящіеся ко власти буржуа, можно только тогда, если мы не будемъ довольствоваться измѣненіемъ только одной какой-нибудь части общей машины. Именно потому и сложна наша работа что идеи, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло, сами по себѣ отвлеченны. Если бы мы согласились удовольствоваться одной декламацiей и голословными утвержденіями, то и наша задача, и задача нашихъ читателей была бы очень легка. Не было бы ни трудныхъ вопросовъ, ни надобности въ аргументахъ и логикѣ, потому что говорить и писать фразы въ родѣ: «Товарищи! хозяева насъ грабятъ! Буржуа — негодяи, правительственныя лица — мошенники! Возстанемъ, убьемъ всѣхъ капиталистовъ, подожжемъ фабрики!» и т. под. очень нетрудно. Но вѣдь и до того, какъ начали это писать, эксплуатируемые убивали иногда своихъ эксплуататоровъ, угнетаемые совершали революціи, бѣдные возставали противъ богатыхъ, и однако все это не измѣнило положенія. Правители смѣнялись; въ 1789 году собственность перешла изъ однѣхъ рукъ въ другія; послѣ того было сдѣлано еще нѣсколько революцій въ надеждѣ совершить новое ея перемѣщеніе, и все таки правительства продолжаютъ угнетать своихъ подданныхъ, а богатые живутъ на счетъ эксплуатируемыхъ ими бѣдняковъ; въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось.

Затѣмъ, уже послѣ того, какъ эти мысли были высказаны въ литературѣ, точно также были новыя революціи, и все таки положеніе вещей осталось тѣмъ же! Дѣло въ томъ, что недостаточно говорить и писать, что рабочаго эксплуатируютъ: нужно еще объяснить ему, что, мѣняя своихъ правителей, онъ не перестаетъ быть эксплуатируемымъ и что если бы онъ даже самъ сталъ на ихъ мѣсто, онъ сдѣлался бы въ свою очередь такимъ же эксплуататоромъ, а позади него осталась бы эксплуатируемая масса, которая выставила бы противъ его господства тѣ же самыя обвиненія, которыя онъ теперь выставляетъ противъ тѣхъ, кого онъ хочетъ смѣстить. Нужно объяснить кро-

мѣ того рабочимъ, какимъ образомъ буржуазія съумѣла привязать ихъ къ существующему обществу и заставить ихъ защищать интересы эксплуататоровъ даже тогда, когда они думаютъ, что защищаютъ свои собственные, — все это благодаря такому устройству, которое не можетъ дать рабочему ничего, кромѣ никогда не исполняющихся обѣщаній.

Само буржуазное общество, всей своей организацией, основанной на антагонизмѣ интересовъ, ведетъ рабочихъ къ революціи; они всегда и дѣлали революціи, но точно также всегда и позволяли обратить ихъ въ пользу другихъ, потому что они «не знали» заранѣе. Роль пропагандистовъ состоитъ именно въ томъ, чтобы «научить» рабочихъ, а чтобы «научить» нужно «доказать». Голословное утвержденіе можетъ создать людей вѣрующихъ, но не людей сознательныхъ.

Въ тѣ времена, когда даже у самыхъ крайнихъ соціалистовъ власть считалась основой всякой организаціи, имѣть только вѣрующихъ не представляло никакихъ неудобствъ; это даже облегчало задачу тѣхъ, кто брался ими руководить: они могли ограничиваться одними утвержденіями и имъ вѣрили или не вѣрили, смотря по степени того вліянія, которое они съумѣли пріобрѣсти. А такъ какъ эти руководители вовсе не стремились къ тому, чтобы ихъ послѣдователи понимали, почему ихъ заставляютъ дѣйствовать такъ или иначе, а требовали отъ нихъ только вѣры, которая побуждала бы ихъ слѣпо повиноваться полученнымъ приказаніямъ, то имъ и нечего было ломать себѣ голову надъ доставленіемъ имъ аргументовъ. Масса вѣрила въ высшихъ личностей, поставленныхъ для того, чтобы думать и дѣйствовать за нее, и не нуждалась въ знаніи: вѣдь у вождей есть, думала она, заранѣе выработанный, готовый планъ общественнаго переустройства, который они приложатъ на практикѣ какъ только придутъ ко власти. Все, что требовалось отъ людей изъ толпы, это — умѣть драться и умирать. А какъ только вожди придутъ ко власти, народъ можетъ больше не безпокоиться: все будетъ сдѣлано въ свое время.

Но съ появленіемъ анархическихъ идей все это измѣ-

нилось. Отрицая необходимость «посланныхъ свыше» личностей, борясь съ властью, требуя для каждаго человѣка права и обязанности дѣйствовать только по его собственному желанію, внѣ всякаго принужденія, внѣ всякаго стѣсненія его свободы, считая личную инициативу основой всякаго прогресса, всякой дѣйствительно свободной ассоціаціи, анархическая идея не можетъ уже довольствоваться тѣмъ, чтобы создавать вѣрующихъ: она должна стремиться, главнымъ образомъ, создавать людей убѣжденныхъ, знающихъ, почему именно они вѣрятъ, людей, которые взвѣсили и обсудили представленные имъ аргументы и сами оцѣнили ихъ. А это ведетъ къ тому, что пропаганда становится болѣе трудной, болѣе отвлеченной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе плодотворной.

Но разъ поступки людей зависятъ только отъ ихъ собственной инициативы, то они должны имѣть возможность и приложить эту инициативу. Для того же, чтобы она могла свободно согласоваться съ дѣйствіями другихъ, она должна быть сознательной, разумной, основанной на логикѣ и фактахъ; чтобы всѣ отдѣльныя дѣйствія вели къ одной общей цѣли, они должны основываться на одной общей идеѣ, ясно понятой и хорошо выработанной, а только строгое, логическое и точное обсужденіе можетъ повліять на умъ ея сторонниковъ и заставить ихъ думать самостоятельно.

Этимъ и обусловливается нашъ способъ дѣйствія: когда мы имѣемъ дѣло съ какой нибудь идеей, мы не извлекаемъ изъ нея фейерверка эффектныхъ фразъ, а разсматриваемъ ее со всѣхъ сторонъ и анализируемъ во всѣхъ подробностяхъ, чтобы почерпнуть изъ нея всѣ возможные аргументы.

Совершить такой общественный переворотъ, къ какому мы стремимся, а въ особенности — какъ это желательно для насъ — переворотъ повсемѣстный, конечно, дѣло нелегкое. Люди, живущіе въ нашемъ обществѣ, мало склонны, какъ бы жестоко ни оказывалось по отношенію къ нимъ это общество, стремиться, какъ стремимся мы, къ полному общественному перевороту: они все таки привыкли видѣть въ существующемъ обществѣ нѣкоторое обезпеченіе возможности благосостоянія для себя. Они

понимаютъ, что общество не исполняетъ своихъ обѣщаній по отношенію къ нимъ, но не могутъ понять необходимости его полнаго разрушенія: у каждаго есть въ запасѣ маленькая реформа, которая должна послужить смазкой для колесъ общественной машины и пустить ее въ ходъ къ вящему удовольствію всѣхъ. Поэтому они хотятъ знать, послужитъ ли этотъ переворотъ имъ во вредъ или въ пользу, и задаютъ цѣлый рядъ вопросовъ, изъ которыхъ вытекаетъ обсужденіе всѣхъ пріобрѣтеній человѣческаго ума съ цѣлью узнать, будутъ ли они продолжать существовать послѣ той революціи, которую мы стремимся вызвать.

Понятны, поэтому, тѣ затрудненія, съ которыми встрѣчается рабочій, когда передъ нимъ ставится рядъ вопросовъ, о которыхъ благоразумно умалчиваютъ въ школахъ, вопросовъ, въ которыхъ ему трудно разобраться и о которыхъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, слышитъ въ первый разъ. А между тѣмъ, если онъ только хочетъ умѣть воспользоваться той свободой, къ которой онъ стремится, если онъ не хочетъ потратить свои силы себѣ во вредъ, а главное — если онъ хочетъ умѣть обходиться безъ «посланныхъ свыше» личностей, внимательное изученіе и разрѣшеніе этихъ вопросовъ для него необходимо.

Когда передъ пропагандистомъ анархической идеи возникаетъ какой-нибудь, хотя бы самый отвлеченный, вопросъ, онъ не можетъ устранить этой присущей ему отвлеченности, не можетъ обойти его молчаніемъ подъ тѣмъ предлогомъ, что его слушатели никогда не слыхали о немъ или неспособны его понять. Все, что онъ можетъ сдѣлать, это — изложить ее яснымъ, точнымъ и сжатымъ языкомъ, избѣгая тѣхъ словъ, которыя одинъ мой товарищъ сравнилъ съ многоножками, т. е. словъ понятныхъ только для посвященныхъ, не зарывать мысль въ громкой и напыщенной фразеологіи, не стремиться къ фразамъ и эффектамъ — однимъ словомъ сдѣлать ее понятной и дать ей возможность проникнуть въ массу. Но мы не можемъ уродовать идею подъ тѣмъ предлогомъ, что она недоступна этой массѣ.

Если только захотѣть оставить въ сторонѣ всѣ тѣ вопросы, которыхъ большинство читателей не пойметъ

съ перваго же раза, то пришлось бы удовольствоваться декламаціей и нанизываніемъ ничего не значущихъ фразъ. Буржуазные фразеры слишкомъ хорошо играютъ эту роль для того, чтобы мы стремились ее у нихъ отнять.

Если рабочіе дѣйствительно хотятъ освободиться, они должны понять, что это освобожденіе не придетъ само собою, что его нужно завоевать и что саморазвитіе есть одна изъ формъ соціальной борьбы. Возможность и продолжительность ихъ эксплуатаціи буржуазнымъ классомъ обусловливается ихъ невѣжествомъ; если они хотятъ быть способными освободиться матеріально, они должны съумѣть освободиться и умственно. А если они останавливаются передъ трудностями этого освобожденія, зависящаго исключительно отъ ихъ желанія, что же будетъ когда они станутъ лицомъ къ лицу съ трудностями болѣе активной борьбы, гдѣ потребуется несравненно большая сила воли и характера?

Несмотря на всю безполезность, на весь вредный характеръ буржуазіи, въ умахъ нѣкоторыхъ изъ ея представителей, во всякомъ случаѣ, сосредоточились всѣ научныя знанія, нужныя для развитія человѣчества, и если мы не хотимъ, чтобы революція была шагомъ назадъ, нужно, чтобы рабочій оказался способнымъ замѣнить того буржуа, котораго онъ хочетъ свергнуть, чтобы онъ не задержалъ своимъ невѣжествомъ развитіе уже пріобрѣтенныхъ знаній. Если даже онъ не можетъ какъ слѣдуетъ владѣть этими знаніями, онъ долженъ быть, во всякомъ случаѣ, способнымъ ихъ понять, когда ему придется съ ними столкнуться.

Мы вполнѣ понимаемъ, что терпѣть трудно, что человѣкъ, который голодаетъ, хотѣлъ бы наконецъ дожить до того дня, когда онъ сможетъ утолить свой голодъ; что тѣмъ, которые едва переносятъ иго власти и ждутъ съ нетерпѣніемъ возможности его свергнуть, хотѣлось бы слышать слова, соотвѣтствующія ихъ настроенію, выражающія ихъ ненависть, ихъ желанія, ихъ стремленія, ихъ жажду справедливости. Но какъ бы сильно ни было это нетерпѣливое ожиданіе, какъ бы ни были законны эти требованія и потребность ихъ осуществленія, идея

тѣмъ не менѣе прокладываетъ себѣ дорогу лишь постепенно и овладѣваетъ умами только тогда, когда она созрѣетъ и выработается.

Вспомнимъ, что та буржуазія, которую мы хотимъ свергнуть, употребила цѣлые вѣка на то, чтобы подготовиться къ сверженію королевской власти, и подумаемъ, сколько еще намъ предстоитъ подготовительной работы! Въ XIV-мъ вѣкѣ, когда Этьенъ Марсель сдѣлалъ попытку захватить власть въ пользу буржуазіи, уже организованной въ то время въ корпораціи, эта буржуазія уже чувствовала свою силу; она уже давно стремилась къ власти и организовывалась съ этою цѣлью, уже давно была образована, развита и работала надъ своимъ освобожденіемъ въ формѣ борьбы общинъ съ феодализмомъ. И, несмотря на все это, прошло еще четыре вѣка прежде, чѣмъ она достигла этой давно желанной цѣли.

Конечно, мы надѣемся, что намъ не придется такъ долго ждать нашего освобожденія отъ буржуазной эксплуатаціи. Разложеніе буржуазіи уже теперь, послѣ такого короткаго владычества, быстро ведетъ ее къ паденію; но не будемъ забывать, что если въ 89 году буржуазія съумѣла утвердить свое господство вмѣсто владычества «божественнаго права», то это потому, что она была умственно готова къ этому, и что чѣмъ быстрѣе идетъ теперь ея паденіе, тѣмъ больше должны мы, рабочіе, спѣшить умственно подготовиться — не къ тому, чтобы замѣнить ее у власти, которую мы должны уничтожить, — а къ тому, чтобы организоваться такъ, чтобы никакая новая аристократія не могла стать на мѣсто свергнутой буржуазіи.

Итакъ, повторяемъ, разъ мы признали идею свободной иниціативы личности, мы должны сдѣлать такъ, чтобы эта личность могла разсуждать и пользоваться своей иниціативой. Если же у нея не хватаетъ силы воли освободиться отъ собственнаго невѣжества, то какъ же она сможетъ внушить другимъ то, чего сама не могла узнать? Не будемъ, поэтому, бояться обсуждать хотя бы самые отвлеченные вопросы: всякое рѣшеніе ихъ есть шагъ впередъ по пути къ освобожденію.

Разъ мы отрицаемъ необходимость вождей, мы должны стремиться къ тому, чтобы знанія, сосредоточивавшіяся

прежде въ ихъ умахъ, растворились въ умахъ толпы, а для этого есть только одно средство: это, не переставая, идти впередъ и заставить толпу интересоваться тѣми вопросами, которые интересуютъ насъ. Опять таки повторяю, будемъ выражаться насколько возможно ясно, но не будемъ уродовать свою мысль: иначе, вмѣсто того чтобы поднять массу, мы сами спустимся до ея уровня, вмѣсто того, чтобы пойти впередъ, пойдемъ назадъ. А это, нужно согласиться, очень странный способъ пониманія прогресса.

Глава IV

ДУРЕНЪ ЛИ ЧЕЛОВѢКЪ САМЪ ПО СЕБѢ?

Сторонники власти говорятъ для оправданія своей точки зрѣнія, что «человѣкъ слишкомъ дуренъ для того, чтобы ему можно было предоставить самому руководить собою.» «Для этого нужно передѣлать человѣка», отвѣчаютъ обыкновенно анархистамъ, когда они говорятъ объ обществѣ, основанномъ на солидарности, на полномъ равенствѣ, на полной свободѣ личности, объ обществѣ безъ всякихъ законовъ и безъ всякаго принужденія.

Что человѣкъ дуренъ, это — правда, но, можетъ быть, онъ способенъ измѣниться къ лучшему, или къ худшему? Можетъ ли онъ, въ его настоящемъ состояніи, измѣниться въ хорошую или дурную сторону? Можетъ ли онъ усовершенствоваться или, наоборотъ, понизиться въ своемъ физическомъ и нравственномъ уровнѣ? Если эволюція его въ ту или другую сторону возможна — что показываетъ намъ исторія — то мы должны разсмотрѣть, какова въ ней роль всѣхъ унаслѣдованныхъ отъ прошлаго законовъ, всего механизма прошлыхъ учрежденій: стремятся ли они сдѣлать человѣка лучше, или, наоборотъ, хуже? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы разрѣшимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и другой вопросъ, а именно: что нужно прежде всего преобразовать — современнаго ли человѣка или современное общественное устройство?

Никто въ настоящее время не отрицаетъ огромнаго вліянія физической среды на физическое строеніе человѣка; тѣмъ менѣе можно отрицать вліяніе среды нравственной и умственной на его психологію.

На чемъ основано современное общество? Содѣйствуетъ ли оно установленію гармоніи между людьми, устроено ли оно такъ, что всякій вредъ, нанесенный одному изъ

его членовъ, чувствуется всѣми и всѣ имѣютъ возможность уменьшить или предупредить данное вредное вліяніе? Вытекаетъ ли въ немъ частное благосостояніе изъ общаго и не заинтересованъ ли кто-нибудь въ нарушеніи правильности его функціонированія? Даетъ ли общество, управляемое всевозможными властями, королями, священниками и купцами, просторъ широкимъ, гуманнымъ идеямъ и не старается ли оно, напротивъ, подавить ихъ? Не пользуется ли оно для угнетенія слабыхъ сильными грубой силой денегъ, отдающей наиболѣе безкорыстныхъ и наименѣе эгоистичныхъ людей въ распоряженіе корыстолюбивыхъ и беззастѣнчивыхъ?

Достаточно изучить механизмъ буржуазнаго общества, чтобы увидать, что отъ него нельзя ждать ничего хорошаго. Въ самомъ дѣлѣ, стремленіе ко всему доброму и прекрасному должно было быть очень живучимъ въ человѣкѣ, если его до сихъ поръ не подавило то корыстолюбіе, тотъ узкій, безсмысленный эгоизмъ, который наше оффиціальное общество прививаетъ ему съ колыбели. Это общество основывается, какъ мы уже говорили, на антагонизмѣ интересовъ и дѣлаетъ изъ каждаго человѣка врага другого. Интересъ продавца противуположенъ интересу покупателя; скотоводъ и земледѣлецъ только и хотятъ, чтобы хозяйство сосѣда пострадало отъ эпидеміи или града, чтобы продать подороже свои собственные продукты; иногда они, кромѣ того, обращаются къ государству, которое «покровительствуетъ» имъ, налагая высокія пошлины на ихъ конкуррентовъ; развитіе машинъ вноситъ все большее и большее раздѣленіе въ среду рабочихъ: они оказываются выброшенными на улицу и борятся другъ съ другомъ за полученіе работы, спросъ на которую становится все ниже и ниже предложенія. Все въ нашемъ традиціонномъ обществѣ ведетъ къ противуположенію интересовъ. Почему, напримѣръ, существуетъ бѣдность и безработица? Потому что магазины переполнены товарами. Почему людямъ до сихъ поръ не пришло въ голову сжечь ихъ, или завладѣть ими въ свою пользу, чтобы создать тѣ рынки, которыхъ ихъ эксплуататоры ищутъ въ далекихъ странахъ, и получить ту работу, въ которой имъ отказываютъ теперь?

«Потому что они боятся полиціи», отвѣтятъ намъ. Этотъ страхъ несомнѣнно существуетъ, но его одного еще недостаточно для объясненія такой бездѣятельности со стороны бѣдняковъ. Сколько бываетъ въ ежедневной жизни случаевъ, когда человѣкъ можетъ сдѣлать какое-нибудь зло безъ всякаго риска, и все таки не дѣлаетъ его, изъ какихъ-то другихъ соображеній, помимо страха полиціи. Да кромѣ того, если бы всѣ бѣдняки какого нибудь большого города, напримѣръ Парижа, собрались вмѣстѣ, то ихъ оказалось бы такъ много, что имъ нечего было бы бояться полиціи: они могли бы выдержать борьбу съ нею втеченіи цѣлаго дня, а за это время очистить магазины и хоть разъ наѣсться до сыта. Развѣ страхъ удерживаетъ людей, идущихъ въ тюрьмы за бродяжничество и нищенство, между тѣмъ какъ для нихъ было бы нисколько не опаснѣе взять самимъ то, что они теперь выпрашиваютъ? Нѣтъ, все зависитъ оттого, что помимо страха у людей есть общественные инстинкты, которые мѣшаютъ имъ дѣлать зло ради зла и заставляютъ ихъ подчиняться самымъ большимъ стѣсненіямъ только потому, что они считаютъ ихъ необходимыми для правильнаго функціонированія общества.

Неужели можно было бы силой поддержать уваженіе къ собственности, если бы въ умѣ людей не существовало вмѣстѣ съ тѣмъ понятія о ней какъ о чемъ-то законномъ, пріобрѣтенномъ личнымъ трудомъ? Развѣ когда нибудь самыя суровыя наказанія мѣшали нарушать ее тѣмъ, кто, не заботясь, законна она или незаконна, хотѣлъ жить на чужой счетъ? Если бы у людей въ самомъ дѣлѣ была та наклонность ко злу, которую имъ приписываютъ, то можно себѣ представить, что произошло бы, когда, разобравшись въ своемъ бѣдственномъ положеніи, они увидали бы, что его причина лежитъ въ частной собственности: общество перестало бы существовать, а вмѣсто него воцарилась бы «борьба за существованіе» въ самомъ жестокомъ смыслѣ слова; это было бы настоящее возвращеніе къ варварству. Именно его стремленіе къ «добру» было причиной того, что человѣкъ всегда позволялъ себя угнетать, порабощать, обманывать и эксплуатировать и что до сихъ поръ онъ избѣгаетъ пользоваться, хотя бы для

своего окончательнаго освобожденія насильственными средствами.

Въ сущности, когда намъ говорятъ, что человѣкъ дуренъ самъ по себѣ, и что ни на какое измѣненіе въ этомъ отношеніи разсчитывать нечего, это сводится къ слѣдующему разсужденію: «Человѣкъ дуренъ, общество плохо устроено; къ чему же терять время на достиженіе для человѣчества такого совершенства, которое для него невозможно? Постараемся лучше, по возможности, проложить дорогу себѣ самимъ. И если даже наши удовольствія будутъ куплены цѣною слезъ и крови тѣхъ жертвъ, которыми мы усѣемъ нашъ путь, то не все ли равно? Нужно топтать другихъ, если не хочешь быть самому растоптаннымъ, а затѣмъ пусть тотъ, кто падаетъ, устраивается какъ хочетъ!»

Привиллегированные классы съумѣли установить свое господство, усыпить рабочихъ и превратить ихъ въ своихъ защитниковъ, сначала обѣщая имъ лучшую жизнь — въ другомъ мірѣ, — затѣмъ, когда вѣра въ бога исчезла, проповѣдуя мораль, патріотизмъ, общественную пользу и т. под., наконецъ, въ настоящее время, внушая имъ надежду на то, что всеобщее избирательное право дастъ имъ всевозможныя реформы и улучшенія, въ дѣйствительности неосуществимыя (потому что нельзя уничтожить зло современнаго общества до тѣхъ поръ пока не разрушена самая причина этого зла, пока не преобразовано само общество); но пусть только эти эксплуататоры бѣдняковъ попробуютъ провозгласить чистое право сильнаго, и они увидятъ, долго ли продолжится ихъ господство: на силу имъ отвѣтятъ силой!

Въ тѣ времена, когда человѣкъ впервые началъ группироваться съ другими себѣ подобными, онъ былъ, вѣроятно, скорѣе еще животнымъ, чѣмъ человѣкомъ и представленія о нравственности и справедливости у него не существовало. Ему приходилось бороться съ другими животными, бороться со всей окружающей природой; первыя человѣческія общества были, поэтому, вызваны по всей вѣроятности не чувствомъ солидарности, а необходимостью соединить отдѣльныя силы. Эти общества, несомнѣнно были вначалѣ лишь временными и имѣли въ

виду лишь ловлю добычи, устраненіе различныхъ препятствій, а позднѣе — отраженіе или уничтоженіе нападавшаго врага. Только по мѣрѣ того какъ общества функціонировали, люди начинали понимать всю ихъ важность; общества стали тогда переживать первоначально намѣченную цѣль и понемногу сдѣлались постоянными.

Но въ то же время эта жизнь, полная непрерывной борьбы должна была неизбѣжно развить въ личностяхъ кровожадные и деспотическіе инстинкты: слабымъ приходилось подчиняться гнету сильныхъ, а иногда и служить имъ въ пищу. Лишь гораздо позднѣе, вѣроятно, наступило время, когда наравнѣ съ силою начала господствовать хитрость.

Нужно сознаться, что когда мы изучаемъ человѣка въ эту раннюю пору его существованія, онъ представляется намъ довольно несимпатичнымъ животнымъ; но разъ онъ могъ развиться до своего теперешняго состоянія, разъ онъ могъ усвоить себѣ понятія и идеи, которыя отсутствовали у него раньше, то почему бы ему остановиться на этой точкѣ и не пойти дальше? Отрицать возможность дальнѣйшаго прогресса было бы также нелѣпо, какъ если бы, въ то время когда человѣкъ жилъ въ пещерахъ и не имѣлъ ничего другого для своей защиты кромѣ каменнаго оружія или палки, кто-нибудь сказалъ, что онъ никогда не будетъ способенъ строить блестящіе города и пользоваться паромъ и электричествомъ. Почему человѣку, съумѣвшему приспособить къ своимъ нуждамъ подборъ домашнихъ животныхъ, не съумѣть направить свой собственный подборъ по пути добра и красоты, о которыхъ онъ уже начинаетъ составлять себѣ понятіе?

Человѣкъ мало по малу развивался и продолжаетъ развиваться каждый день. Его понятія подвергаются постояннымъ измѣненіямъ. Физическая сила, если и служитъ до сихъ поръ авторитетомъ, то во всякомъ случаѣ уже не является предметомъ прежняго поклоненія. Развились представленія о нравственности, справедливости, солидарности; теперь они уже пріобрѣли такую силу, что привиллегированные классы должны, для поддержанія своихъ привиллегій, внушать людямъ, что ихъ эксплуатируютъ и угнетаютъ для ихъ же пользы.

Но этотъ обманъ не можетъ длиться долго. Люди уже начинаютъ чувствовать, что имъ тѣсно въ нашемъ плохо устроенномъ обществѣ; стремленія, зародившіяся цѣлые вѣка тому назадъ, но до сихъ поръ бывшіе лишь неполными и единичными, начинаютъ принимать опредѣленную форму и находить себѣ сочувствіе даже въ рядахъ тѣхъ, кого можно включить въ число привиллегированныхъ личностей нашей современной общественной организаціи. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы хоть разъ въ жизни не почувствовалъ себя возмущеннымъ противъ современнаго общества, находящагося подъ властью умершаго прошлаго, — общества, которое точно задалось цѣлью оскорблять насъ во всѣхъ нашихъ чувствахъ, поступкахъ и стремленіяхъ, и отъ котораго человѣкъ тѣмъ больше страдаетъ, чѣмъ больше онъ развивается. Идеи свободы и справедливости получаютъ болѣе опредѣленное выраженіе, люди, провозглашающіе ихъ, еще пока составляютъ меньшинство, но меньшинство уже настолько сильное, что правящіе классы начинаютъ безпокоиться и бояться.

Итакъ, мы видимъ, что, подобно всѣмъ другимъ животнымъ, человѣкъ есть ничто иное какъ продуктъ процесса развитія, обусловленнаго средою, окружающей его, и условіями существованія, которымъ онъ долженъ подчиняться или съ которыми долженъ бороться. Но въ отличіе отъ другихъ животныхъ — или, по крайней мѣрѣ, въ большей степени, чѣмъ они — онъ выучился понимать свое происхожденіе и имѣть извѣстныя стремленія по отношенію къ будущему; отъ него самого зависитъ поэтому устранить то зло, которое ошибочно считаютъ связаннымъ съ самимъ его существованіемъ. А разъ онъ создастъ себѣ иныя условія жизни, то онъ измѣнится и самъ.

Помимо этого, вопросъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: имѣетъ ли право человѣкъ — хорошъ онъ или дуренъ — жить какъ ему хочется и возмущаться когда его эксплуатируютъ или когда его хотятъ принудить къ такимъ условіямъ жизни, которыя внушаютъ ему отвращеніе? Въ настоящее время люди, стоящіе у власти и пользующіеся привиллегіей матеріальнаго благосостоянія, считаютъ себя лучшими, но стоитъ только «худшимъ»

свергнуть ихъ, занять ихъ мѣсто и помѣняться ролями, какъ у нихъ будетъ ровно столько же права считать себя лучшими, какъ и у тѣхъ.

Существованіе частной собственности, вслѣдствіе которой все общественное богатство сосредоточивается въ рукахъ немногихъ, дало этимъ немногимъ возможность жить паразитами на счетъ эксплуатируемой массы, весь трудъ которой идетъ на поддержаніе ихъ роскошной и бездѣятельной жизни или на защиту ихъ интересовъ. Такое положеніе, въ несправедливости котораго тѣ, которые страдаютъ отъ него, уже увѣрились, не можетъ долго продолжаться. Рабочіе потребуютъ возможности свободно пользоваться продуктами своего труда и, если имъ будутъ продолжать въ этомъ отказывать, прибѣгнутъ къ возстанію; тогда буржуазія можетъ сколько угодно прятаться за соображеніе о томъ, что человѣкъ вообще дуренъ: революція все равно совершится. И вотъ, если дѣйствительно человѣкъ неспособенъ къ совершенствованію — а мы видѣли, что это невѣрно, — тогда начнется борьба аппетитовъ; буржуазія, какъ бы не была она жадна, окажется во всякомъ случаѣ побѣжденной, потому что она будетъ въ меньшинствѣ. Если же человѣкъ дуренъ только потому, что его дѣлаютъ такимъ существующія учрежденія, то онъ сможетъ подняться до такого общественнаго строя, который будетъ содѣйствовать его нравственному, умственному и физическому развитію, и съумѣетъ преобразовать общество въ направленіи солидарности интересовъ. Но, какъ бы то ни было, революція во всякомъ случаѣ, произойдетъ. Сфинксъ ставитъ передъ нами этотъ вопросъ и мы безъ страха отвѣчаемъ на него, потому что мы, анархисты — разрушители законовъ и собственности — знаемъ ключъ къ его разгадкѣ.

Глава V

СОБСТВЕННОСТЬ.

Прежде, чѣмъ продолжать изложеніе нашихъ взглядовъ, не лишнее будетъ разсмотрѣть тѣ учрежденія, къ уничтоженію которыхъ мы стремимся, тѣ основы, на которыхъ покоится современное буржуазное общество, и объективную цѣнность этихъ основъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, почему нельзя преобразовать общество, не измѣнивъ всей его организаціи цѣликомъ и почему, пока это измѣненіе не совершится, никакое улучшеніе въ немъ не будетъ дѣйствительно. Мы увидимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какія именно причины заставили насъ сдѣлаться анархистами и революціонерами.

Защита частной собственности и ея передача по наслѣдству — вотъ основы современнаго общественнаго строя. Изъ нея вытекаетъ правительственная власть, современная семья, судебная власть, армія, — всѣ эти гнетущія и раззоряющія насъ учрежденія. Есть еще религія, но мы не будемъ заниматься ею: наука, хотя и буржуазная, уже убила ее. Оставимъ мертвыхъ въ покоѣ.

Мы не имѣемъ въ виду дать историческій обзоръ развитія собственности: соціалисты всѣхъ фракцій уже дѣлали это много разъ и вполнѣ доказали, что она есть ничто иное, какъ результатъ воровства, обмана или пользованія правомъ сильнаго. Намъ остается только привести нѣкоторые факты въ доказательство ея несправедливости и показать, что именно отъ нея происходятъ всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ мы страдаемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы увидимъ, что всѣ предложенныя реформы — не болѣе какъ приманки, способныя только усыпить эксплуатируемыхъ, и что для устраненія существующаго зла

нужно уничтожить его въ самомъ его источникѣ — собственности и капитализмѣ.

Современная наука показала намъ, что земля образовалась изъ космическаго вещества, отдѣлившагося отъ солнечной туманности. Вслѣдствіе вращенія вокругъ своей оси и вокругъ центральнаго свѣтила это ядро сгустилось и, какъ дѣтище солнца, начало, подобно произведшему его свѣтилу, свѣтить собственнымъ свѣтомъ въ видѣ маленькой звѣзды среди млечнаго пути. Позднѣе, масса его охладилась, перешла изъ газообразнаго состоянія въ жидкое и полу-жидкое, а затѣмъ, все больше и больше уплотняясь, стала совершенно твердой. При этомъ газы, находившіеся въ раскаленной массѣ, образовали между собою различныя соединенія и дали начало тому основному матеріалу, который входитъ въ составъ земли— минераламъ, металламъ, атмосфернымъ газамъ.

По мѣрѣ того, какъ земля все больше и больше охлаждалась, дѣйствіе воды и атмосфернаго воздуха на минералы давало начало слоямъ почвы; вмѣстѣ съ тѣмъ, соединеніе водорода, кислорода, углерода и азота произвело, въ глубинѣ водъ, нѣчто вродѣ органической студенистой массы, не имѣвшей ни опредѣленной формы, ни органовъ, ни сознанія. Эта масса обладала однако способностью двигаться, выпуская изъ себя отростки въ томъ направленіи, въ которомъ она хотѣла перемѣщаться, или, вѣрнѣе, въ которомъ на нее дѣйствовало извѣстное притяженіе, и способностью ассимилировать захваченныя ею постороннія тѣла и ими питаться; наконецъ, у нея была еще одна способность: дѣлиться, по достиженіи извѣстной ступени развитія, на двое и, такимъ образомъ, давать начало новому организму, вполнѣ сходному съ первымъ.

Таково скромное начало существованія человѣчества— настолько скромное, что лишь гораздо позднѣе, послѣ долгой эволюціи, послѣ образованія цѣлаго ряда типовъ въ цѣпи живыхъ существъ, стало возможнымъ отличить животное отъ растенія. Прослѣдить здѣсь весь рядъ формъ до человѣка значило бы изложить тотъ ходъ эволюціи, который современная наука объясняетъ такъ ясно и такъ понятно для всякаго непредубѣжденнаго чело-

вѣка. Намъ остается только отослать къ ней читателя, а самимъ воспользоваться лишь нѣкоторыми фактами для доказательства той мысли, что часть земли была произвольно захвачена группой личностей, обратившихъ ее въ свою собственную пользу и въ пользу своихъ потомковъ, въ ущербъ, какъ менѣе благопріятно поставленнымъ личностямъ, такъ и будущимъ поколѣніямъ.

Очевидно, что такое объясненіе появленія человѣка на землѣ разрушаетъ всѣ чудесные разсказы о его сотвореніи. Въ немъ нѣтъ мѣста ни богу, ни какой бы то ни было другой творческой силѣ; человѣкъ есть ничто иное, какъ продуктъ эволюціи жизни земли, которая сама есть результатъ извѣстнаго соединенія газовъ, а эти газы, въ свою очередь, прошли черезъ цѣлый рядъ превращеній, прежде чѣмъ, соединившись при надлежащей плотности и въ надлежащихъ пропорціяхъ, дать начало первому проявленію жизни. Но если мы устранимъ такимъ образомъ представленіе о сверхъестественномъ происхожденіи человѣка, то точно также теряетъ подъ собою почву и представленіе о божественномъ происхожденіи общества въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, съ его раздѣленіемъ на богатыхъ и бѣдныхъ, на управляющихъ и управляемыхъ. Государственная власть, столько времени опиравшаяся на легенду о своемъ сверхъестественномъ происхожденіи и державшаяся по меньшей мѣрѣ постольку же этой легендой, поскольку и грубой силой, уже подается подъ напоромъ критики и грозитъ разрушиться; въ настоящее время ей приходится уже прятаться за всеобщее избирательное право и законъ большинства. Она могла существовать только до тѣхъ поръ, пока не подвергалась критикѣ, а теперь, какъ мы увидимъ ниже, держится только благодаря силѣ. Мы можемъ поэтому сказать, что подъ вліяніемъ этой критики собственность и власть постепенно умираютъ: то, что обсуждается, уже не пользуется авторитетомъ; то, что опирается только на силу, можетъ точно также и быть разрушено силою.

Растеніе питается на счетъ минеральнаго міра и атмосферы, животное — насчетъ растенія и уже гораздо позднѣе — на счетъ другихъ животныхъ, но во всемъ этомъ нѣтъ никакой заранѣе изобрѣтенной іерархіи живыхъ

существъ, никакого плана, созданнаго Творцомъ міра или Природой, взятой въ отвлеченномъ смыслѣ. Никѣмъ не предустановлено, чтобы растеніе должно было служить въ пищу животному, животное и растеніе — въ пищу человѣку, а одна категорія людей — быть слугами другой и доставлять этимъ избраннымъ возможность наслаждаться жизнью. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, кромѣ эволюціи, совершающейся подъ вліяніемъ естественныхъ законовъ: сгущеніе газовъ дало начало минераламъ; питаться этими минералами могъ только растительный міръ, который, превращая ихъ въ органическія вещества, сдѣлалъ возможнымъ впослѣдствіи развитіе жизни животной.

Если же мы признаемъ это эволюціонное происхожденіе человѣка, то для насъ станетъ очевиднымъ, что и послѣ появленія на землѣ первыхъ мыслящихъ существъ, для облегченія ихъ дальнѣйшаго развитія не нужно было содѣйствія никакого Провидѣнія, никакого высшаго существа, которое дало бы въ удѣлъ однимъ власть надъ своими ближними, другимъ — собственность на землю, а большинству — нужду и лишенія, повиновеніе своимъ господамъ и, какъ единственную функцію — работу въ пользу этихъ послѣднихъ.

Но дѣло въ томъ, что борьба за существованіе, была вначалѣ единственною основою жизни; единственной заботой человѣка было съѣсть другого, чтобы не быть съѣденнымъ самому. Когда же люди начали безсознательно пользоваться инымъ, гораздо болѣе высокимъ принципомъ, — принципомъ ассоціаціи для совмѣстной борьбы, — то въ образовавшемся такимъ образомъ обществѣ должно было неизбѣжно проявиться стремленіе къ борьбѣ и господству, переданное человѣку по наслѣдству отъ предыдущихъ поколѣній. Личности, у которыхъ это стремленіе было сильнѣе, взяли верхъ надъ тѣми, у которыхъ оно было слабѣе. Установившаяся такимъ образомъ власть видоизмѣнялась затѣмъ сообразно развитію человѣческаго ума; общественный строй подвергался различнымъ превращеніямъ соотвѣтственно тому, царили ли въ обществѣ сила, религіозный духъ, или коммерческій разсчетъ. Въ этихъ разнообразныхъ формахъ власть удержалась до нашихъ дней и будетъ держаться до тѣхъ

поръ, пока человѣкъ не избавится отъ своихъ ошибокъ и предразсудковъ, не завоюетъ себѣ независимость и не перестанетъ порабощать другихъ, изъ боязни быть самому порабощеннымъ болѣе сильными.

Когда легенда о божественномъ происхожденіи власти и собственности оказалась разрушенной самой буржуазной наукой, буржуазія постаралась дать имъ другую основу, болѣе прочную и болѣе естественную. Политико-экономы возвели въ «естественные законы» тѣ факты общественной жизни, которые въ дѣйствительности происходятъ отъ плохой организаціи общества, приняли ихъ за причину того, чего они въ сущности являются лишь слѣдствіями, и украсили всѣ эти нелѣпости названіемъ науки. Чтобы узаконить самыя безобразныя общественныя преступленія, самую страшную эксплуатацію со стороны капитализма, они хотѣли свалить всю вину въ существующей бѣдности на самихъ же бѣдняковъ; они возвели въ законъ самосохраненія общества самый уродливый эгоизмъ, который, какъ мы видѣли выше, можетъ вести лишь къ общественнымъ столкновеніямъ, къ тратѣ силъ и общественному регрессу, — если только онъ не смягчается другимъ, болѣе развивающимъ и болѣе гуманнымъ началомъ — солидарностью.

Буржуазное общество основано на капиталѣ, а этотъ послѣдній является въ формѣ денегъ; но, чтобы замаскировать ту исключительную роль, которую онъ играетъ въ производствѣ и обмѣнѣ, политико-экономы включаютъ въ понятіе о капиталѣ все. Человѣкъ, который женится и производитъ на свѣтъ дѣтей, затрачиваетъ капиталъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и создаетъ его вновь, потому что ребенокъ, когда онъ выростетъ, сдѣлается въ свою очередь капиталомъ! Мышечная сила, которую рабочій тратитъ въ производствѣ есть капиталъ! Замѣтимъ, что помимо своихъ рукъ рабочіе всегда вносятъ въ свою работу — какова бы она ни была — и извѣстное количество умственнаго труда, часто превышающее соотвѣтственный трудъ предпринимателя, но такъ какъ, въ такомъ случаѣ, пришлось бы считать на долю рабочихъ двойную пропорцію капитала, а это стѣснило бы политико-экономовъ въ

ихъ разсчетахъ, то они и обходятъ этотъ фактъ молчаніемъ.

Но такъ какъ сведеніемъ всей человѣческой дѣятельности на понятіе о капиталѣ все таки нельзя объяснить происхожденіе капитала, то они и изобрѣли слѣдующее: «капиталъ — это та доля пріобрѣтеннаго трудомъ, которую предусмотрительные люди не потребили сразу, а сберегли въ виду будущихъ потребностей.» И вотъ здѣсь-то интересно сдѣлать нѣкоторый разсчетъ.

Всякій капиталъ, пущенный въ оборотъ, говорятъ политико-экономы, долженъ принести: 1) извѣстную сумму, равную затраченной, чтобы цѣликомъ возстановиться, и 2) извѣстную прибыль, представляющую какъ бы страховую премію за рискъ, которому подвергается капиталъ. А такъ какъ рабочій, которому платятъ за его трудъ, ничѣмъ не рискуетъ, то онъ имѣетъ право лишь на первую долю, которая дастъ ему возможность возмѣстить потраченный имъ капиталъ, т. е. питаться, одѣваться, имѣть помѣщеніе и вообще возстановлять свои силы. Имѣть дѣтей онъ долженъ не больше, чѣмъ позволяетъ ему избытокъ его заработка.

Что же касается хозяина, то это — дѣло совсѣмъ другое. Онъ вноситъ прежде всего первоначальный капиталъ, который идетъ на плату рабочимъ и на необходимыя покупки и представляетъ собою сумму тѣхъ удовольствій, которыхъ онъ лишалъ себя въ прошломъ. Какъ и капиталъ рабочаго, этотъ капиталъ долженъ прежде всего возстановить самого себя и кромѣ того принести еще страховую премію за рискъ; эта премія составитъ прибыль эксплуататора. Кромѣ того, если дѣло идетъ о промышленномъ предпріятіи, то въ него вкладывается еще и стоимость построекъ и машинъ, которая также должна вернуться капиталисту и принести ему страховую премію. Мало того: его умъ, тоже представляетъ собою капиталъ, и капиталъ не малый. Капиталистъ долженъ съумѣть выгодно помѣстить свой капиталъ, долженъ умѣть управлять своими дѣлами и самимъ собою узнавать, какіе предметы выгоднѣе производить, гдѣ существуетъ на нихъ спросъ и т. под. Этотъ третій капиталъ тоже долженъ быть возвращенъ ему изъ его предпріятія. Прибавьте къ этому, что, если

предприниматель — инженеръ, ученый, врачъ, то вознагражденіе должно быть еще гораздо больше, потому что для образованія этого капитала потребовалось много затратъ, а, слѣдовательно, и возстановленіе его стоитъ дороже.

Затѣмъ, разъ только это тонкое различіе между различными элементами, участвующими въ производствѣ, установлено, то существующее распредѣленіе оказывается вполнѣ справедливымъ: капиталистъ получаетъ свои три доли изъ общаго продукта — вотъ и все. Вѣдь рабочій получилъ свою часть, чего же ему еще нужно? Пусть тоже сберегаетъ, а затѣмъ вложитъ свои сбереженія въ какое нибудь промышленное предпріятіе; тогда онъ тоже будетъ получать тройную долю. Если онъ хочетъ чего нибудь добиться, пусть прежде всего научится ограничивать себя! Пусть не тратитъ безмысленно своихъ денегъ по кабакамъ! Пусть не производитъ на свѣтъ такъ много дѣтей! Борьба тяжела и человѣкъ долженъ умѣть отказывать себѣ въ удовольствіяхъ въ настоящемъ, если хочетъ увеличить ихъ въ будущемъ!...

Рѣшаются ли господа экономисты, толкующіе намъ объ умѣ капиталистовъ, утверждать, что тотъ, кто наживаетъ милліоны биржевой игрой, спекуляціями и монопольнымъ захватомъ, тратитъ въ милліонъ большую умственную силу, чѣмъ — я не говорю уже рабочій, котораго можно считать артистомъ своего дѣла, — но даже самый простой рабочій, въ самомъ обыденномъ ремеслѣ? Возьмите любого рабочаго — изъ тѣхъ, кому судьба наиболѣе благопріятствуетъ, кто получаетъ сравнительно хорошую заработную плату, никогда не остается безъ работы, никогда не болѣетъ. Сможетъ ли этотъ рабочій жить той широкой жизнью, которою должны были бы пользоваться всѣ, сможетъ ли онъ удовлетворять, продолжая работать, всѣмъ своимъ физическимъ и умственнымъ потребностямъ? Да что объ этомъ говорить: онъ не сможетъ удовлетворить даже сотой доли своихъ потребностей, если даже онѣ будутъ у него самыя ограниченныя, а если онъ захочетъ сберечь себѣ хоть что нибудь на старость, то ему придется еще больше сокращать ихъ. И все таки, какъ бы онъ ни былъ бережливъ, ему никогда не удастся ско-

пить столько, чтобы имѣть возможность жить не работая. Сбереженій, сдѣланныхъ въ производительную пору его жизни, едва хватитъ на пополненіе того дефицита, который принесетъ съ собою старость — если только онъ не получитъ наслѣдства или, вообще, въ его жизни не произойдетъ какой нибудь счастливый случай, не имѣющій ничего общаго съ трудомъ.

А сколько на одного такого привиллегированнаго рабочаго приходится бѣдняковъ, никогда не имѣющихъ возможности утолить свой голодъ! Развитіе машинъ даетъ возможность эксплуататорамъ уменьшить свой рабочій персоналъ, безработныхъ рабочихъ, которые понижаютъ заработную плату и увеличиваютъ безработицу, становится все больше и больше; кромѣ того, заработокъ уменьшается еще вслѣдствіе болѣзней, такъ что, въ концѣ концовъ, рабочій, пользующійся достаткомъ, все больше и больше обращается въ миѳъ: онъ не только не можетъ разсчитывать выбраться изъ нужды, но если буржуазное общество продержится еще долго, ему предстоитъ все глубже и глубже погружаться въ нее.

Представимъ себѣ теперь случай, когда такой достаточный рабочій, вмѣсто того чтобы продолжать откладывать свои сбереженія въ видѣ денегъ, заводитъ, накопивъ нѣкоторую сумму, собственное предпріятіе. Это точно также дѣлается все менѣе и менѣе осуществимымъ, потому что примѣненіе машинъ требуетъ соединенія очень большихъ капиталовъ и не даетъ возможности существовать отдѣльному предпринимателю; но допустимъ, что это возможно и что нашъ самостоятельный рабочій-хозяинъ работаетъ одинъ. Если политико-экономы правы, говоря, что всякая человѣческая способность представляетъ собою капиталъ, вложенный въ предпріятіе и обогащающій ея обладателя, то мы видимъ здѣсь человѣка, вложившаго и денежный капиталъ, и капиталъ въ видѣ рабочей силы, и капиталъ умственный; а такъ какъ ему при этомъ не съ кѣмъ дѣлиться, то очевидно его капиталъ долженъ скоро удесятериться, а самъ онъ — сдѣлаться милліонеромъ.

Въ дѣйствительности же рабочихъ, которые бы работали одни, сами на себя, почти не существуетъ, а мелкій

хозяинъ, нанимающій двухъ или трехъ человѣкъ, живетъ лишь очень немногимъ лучше своихъ рабочихъ, причемъ онъ долженъ работать столько же, какъ и они, если не больше, потому что ему постоянно грозятъ различные платежи; онъ не можетъ разсчитывать ни на какое улучшеніе своего положенія и долженъ считать себя счастливымъ, если ему удастся удержаться на высотѣ своего сравнительнаго благосостоянія и избѣгнуть банкротства. Большіе доходы, крупныя состоянія, широкая жизнь составляютъ привиллегію только крупныхъ собственниковъ, крупныхъ акціонеровъ, крупныхъ фабрикантовъ, крупныхъ спекуляторовъ, которые сами не работаютъ, а нанимаютъ цѣлыя сотни рабочихъ. Это ясно показываетъ, что капиталъ — дѣйствительно накопленный трудъ, но только трудъ другихъ, собравшійся въ рукахъ одного грабителя.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ основного недостатка нашей общественной организаціи является тотъ фактъ, что машины — этотъ величайшій шагъ впередъ, результатъ всѣхъ накопленныхъ знаній, переходившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, машины, которыя должны были бы пойти на пользу всѣхъ человѣческихъ существъ, которымъ онѣ облегчаютъ жизнь, увеличивая ихъ производительную силу и уменьшая трудъ — въ дѣйствительности приносятъ рабочимъ только усиленіе ихъ нужды и лишенія. Изъ употребленія машинъ извлекаютъ пользу одни капиталисты, потому что машины даютъ имъ возможность сокращать рабочій персоналъ и, кромѣ того, вслѣдствіе розни, устанавливающейся благодаря безработицѣ между занятыми и незанятыми рабочими, понижаютъ заработокъ первыхъ, такъ какъ нужда заставляетъ ихъ соглашаться на всякую предложенную плату, даже если она ниже суммы, необходимой для пропитанія ихъ самихъ и ихъ семьи. Такъ называемые естественные законы оказываются, такимъ образомъ, нарушенными благодаря ихъ же собственному дѣйствію, а это показываетъ, что если даже это и «законы», то, во всякомъ случаѣ, не законы «естественные».

Съ другой стороны, очевидно и то, что при всѣхъ своихъ капиталахъ, при всѣхъ своихъ машинахъ, капита-

листы не могли бы ровно ничего производить безъ помощи рабочихъ, тогда какъ рабочіе, если бы они согласились между собою и соединили свои силы, могли бы отлично обходиться безъ капиталистовъ. Но дѣло не въ томъ. Мы хотимъ сдѣлать изъ сказаннаго только тотъ выводъ, что разъ капиталисты не могутъ ничего достигнуть безъ помощи рабочихъ, то изъ этого слѣдуетъ, что самымъ важнымъ факторомъ въ производствѣ являются именно эти послѣдніе и что имъ должна была бы доставаться наибольшая доля продукта. Отчего же происходитъ, что эта доля идетъ, наоборотъ, капиталистамъ, что чѣмъ меньше они работаютъ, тѣмъ больше получаютъ, тогда какъ рабочіе чѣмъ больше производятъ, тѣмъ больше усиливаютъ безработицу и уменьшаютъ свои шансы стать потребителями? Какимъ образомъ происходитъ, что чѣмъ больше магазины ломятся подъ тяжестью продуктовъ, тѣмъ больше производители умираютъ съ голоду, и что, богатство, которое должно было бы быть источникомъ всеобщаго довольства, становится, наоборотъ, причиной бѣдности того, кто его создалъ?

Изъ сказаннаго мы видимъ, что частная собственность доступна только для того, кто эксплуатируетъ другихъ. Исторія человѣчества показываетъ намъ, что эта форма собственности не существовала въ первыхъ человѣческихъ обществахъ, а начала выдѣляться изъ общей собственности рода или клана лишь на гораздо болѣе поздней ступени эволюціи — одновременно съ выдѣленіемъ семьи изъ первоначальнаго смѣшенія половъ. Это, конечно, не могло бы считаться аргументомъ противъ ея законности, если бы только она не была основана на произволѣ; мы хотимъ только показать этимъ, какъ мало цѣны имѣютъ аргументы защитниковъ буржуазіи, утверждающихъ, что собственность существовала всегда въ такомъ видѣ, какъ теперь.

Да кромѣ того, развѣ тѣ люди, которые теперь такъ возмущаются противъ анархистовъ, собирающихся отобрать у нихъ силой ихъ собственность, церемонились сколько нибудь въ 1789 году, когда они отбирали собственность у дворянства, или когда они обманывали надежды крестьянъ, которые взялись за дѣло и стали вѣшать аристо-

кратовъ-помѣщиковъ, разрушать замки и завладѣвать помѣстьями? Развѣ цѣлью всѣхъ этихъ конфискацій и продажъ — фиктивныхъ или по непомѣрно дешевымъ цѣнамъ — не было ограбить въ свою пользу какъ прежнихъ собственниковъ, такъ и крестьянъ, разсчитывавшихъ также получить свою долю? Развѣ это не было простымъ проявленіемъ права сильнаго, которое они только прикрывали законными формами? Развѣ это лишеніе собственности не было еще болѣе несправедливымъ, чѣмъ наше — даже если бы признать, что наше несправедливо, что совершенно невѣрно? Оно совершалось не въ пользу коллективности, а ради обогащенія нѣсколькихъ торгашей, которые поспѣшили объявить войну нападавшимъ на замки крестьянамъ и начали разстрѣливать ихъ какъ разбойниковъ. Поэтому, когда буржуазію хотятъ заставить отдать свою собственность, ей нечего жаловаться, что ее грабятъ: сама эта собственность есть продуктъ кражи.

Глава VI

СЕМЬЯ.

Собственность, семья и власть развивались параллельно. Разъ только люди соединились между собою подъ вліяніемъ потребности устранить какое-нибудь препятствіе, о которое безполезно разбивались всѣ ихъ единичныя усилія, прибыль, получаемая отъ этого соединенія силъ, должна была, несомнѣнно, дѣлиться между всѣми. А такъ какъ, съ другой стороны, общества были временными и ихъ существованіе обусловливалось только достиженіемъ непосредственнаго результата, то эти первыя человѣческія группы должны были быть — какъ это мы видимъ у нѣкоторыхъ млекопитающихъ и у человѣкообразныхъ обезьянъ, — группами семейными, т. е. такими, гдѣ одна или нѣсколько самокъ собираются, вмѣстѣ съ дѣтенышами, вокругъ одного самца, который для поддержанія своей власти, выгоняетъ изъ своей группы молодыхъ самцовъ по мѣрѣ того, какъ они подростаютъ и грозятъ сдѣлаться ему соперниками.

Было бы однако слишкомъ смѣло заключить изъ этого, что власть самца господствовала безпредѣльно и повсюду съ самаго начала зарожденія обществъ: если у многихъ дикихъ племенъ, гдѣ семейныя единицы соединились въ болѣе значительныя группы, мы и находимъ такую власть, то другіе, очень убѣдительные примѣры (напримѣръ существованіе обычая, гдѣ мужчина, во время рожденія ребенка разыгрываетъ роль родильницы) показываютъ намъ, что власть, пользовавшаяся признаніемъ прежде всего, это — власть матери надъ дѣтьми*).

*) Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ фактовъ, потому что не имѣемъ въ виду излагать ихъ, а только хотимъ объяснить,

У однихъ племенъ дѣти входятъ въ родъ матери; у другихъ—власть мужчины уже признается, но наслѣдство переходитъ не къ его дѣтямъ, а къ дѣтямъ его сестры, что составляетъ какъ бы переходную форму между материнской и отцовской властью. Другой такой переходной формой является упомянутый уже обычай, состоящій въ томъ, что при рожденіи ребенка мужчина ложится въ постель, принимаетъ лѣкарства и получаетъ поздравленія, какъ родильница. Для установленія своей власти надъ дѣтьми отцу нужно еще очевидно доказать на дѣлѣ свое отцовское право. Это было бы излишнимъ, если бы такое право не оспаривалось всѣми предыдущими обычаями, уже исчезнувшими, но оставшимися въ памяти благодаря нѣкоторымъ вызваннымъ ими практическимъ пріемамъ.

А сколько разъ измѣнялись формы союза между мужчиной и женщиной? Въ самомъ началѣ существованія человѣчества не было никакихъ формъ брака, и въ отношеніяхъ между полами царилъ полный безпорядокъ: каждый мужчина соединялся съ любой женщиной и каждая женщина принимала или терпѣла ласки всякаго самца.

Когда человѣкъ развился и сталъ нѣсколько менѣе грубымъ, смѣшеніе половъ еще продолжало существовать, но уже начали различаться первыя степени родства. Понятія отца, матери, брата, сестры еще не обозначились ясно, но уже является запрещеніе союзовъ между племенами одного и того же тотема, имѣющими общее происхожденіе; тѣмъ не менѣе женщины еще принадлежатъ всѣмъ мужчинамъ, а мужчины всѣмъ женщинамъ клана. Позже, съ установленіемъ власти мужчины какъ главы семьи, степени родства начинаютъ различаться лучше; однако браки между братьями и сестрами все еще происходятъ и сынъ наслѣдуетъ безъ всякихъ стѣсненій гаремъ отца; для того, чтобы мать наслѣдника не являлась частью наслѣдства, нужно было сдѣлать еще шагъ впередъ. Замѣтимъ, кромѣ того, что если у нѣкоторыхъ племенъ мужчина можетъ владѣть нѣсколькими женами,

---

какъ именно представляемъ мы себѣ семью будущаго. Читателей же, которые захотятъ изучить вопросъ основательнѣе, мы отсылаемъ къ спеціальнымъ трудамъ.

то есть и такія, гдѣ женщины имѣютъ по нѣскольку мужей.

Это постепенное развитіе, это преобразованіе обычаевъ не совершается однако съ логическою правильностью, такъ, чтобы каждая форма исчезала съ появленіемъ новой, болѣе сложной. Онѣ смѣшиваются, переплетаются между собою и составляютъ амальгаму, въ которой очень трудно разобраться. Онѣ образуютъ всевозможныя комбинаціи, сливаются другъ съ другомъ, устраняя въ одномъ мѣстѣ одинъ обычай, въ другомъ — другой, такъ что составить себѣ приблизительное понятіе о ходѣ эволюціи человѣчества можно только пользуясь наблюденіями прежнихъ путешественниковъ надъ прошлыми племенами, а также и наблюденіями надъ племенами, до сихъ поръ существующими.

Было время, когда собственность была организована на совершенно иныхъ началахъ и распредѣлялась иначе чѣмъ теперь; современная ея организація создалась только благодаря силѣ, хитрости и воровству. Въ самомъ дѣлѣ, пока семья была родомъ ассоціаціи, въ ней, очевидно не было частной собственности; если же то, что первоначально принадлежало всѣмъ, обратилось въ собственность нѣсколькихъ, то это могло произойти только благодаря грабежу, въ какой бы то ни было формѣ. Точно также и семья была, какъ мы видимъ, когда то совершенно иной, чѣмъ теперь, и тѣ буржуа, которые увѣряютъ насъ, что эти два учрежденія покоятся на вѣчныхъ и незыблемыхъ законахъ, сами не знаютъ, что говорятъ: нѣтъ никакихъ основаній думать, что то, что развивалось прежде, не способно продолжать развиваться и въ будущемъ. Ихъ слова могли бы служить доказательствомъ лишь одного — что оба эти учрежденія, если только они дѣйствительно не развиваются, близки къ паденію, потому что, на основаніи общаго закона органической жизни, все то, что не идетъ впередъ, погибаетъ и разлагается, уступая мѣсто новымъ организмамъ, еще имѣющимъ передъ собою въ будущемъ цѣлую эволюцію.

Буржуазіи пришлось самой признать эту аксіому и, какъ поправку къ браку, который она вначалѣ хотѣла сдѣлать нерасторжимымъ, ввести разводъ. Правда, раз-

водъ возможенъ только въ извѣстныхъ особыхъ случаяхъ и добиться его можно только посредствомъ судебнаго процесса, безчисленныхъ хлопотъ и значительныхъ затратъ; тѣмъ не менѣе онъ, какъ бы то ни было, является аргументомъ противъ прочности семьи. Послѣ долгаго сопротивленія, необходимость его, все таки пришлось признать, несмотря на то, что, расторгая лежащій въ основѣ бракъ, онъ сильно расшатываетъ семью. Можетъ ли быть болѣе ясное признаніе того, что будущее принадлежитъ свободному союзу и что закрѣплять обрядомъ то, что другой обрядъ можетъ расторгнуть, совершенно безполезно? Зачѣмъ заставлять одного человѣка, опоясаннаго трехцвѣтнымъ шарфомъ, освящать союзъ, который три другихъ человѣка въ судейскихъ тогахъ и шапкахъ смогутъ признать недѣйствительнымъ?

Вотъ почему анархисты отрицаютъ организацію брака и думаютъ, что если два человѣка любятъ другъ друга, то имъ нечего ждать позволенія третьяго, чтобы соединиться; разъ они этого хотятъ, обществу нѣтъ до этого никакого дѣла и ему нечего вмѣшиваться. Кромѣ того, потому только, что они разъ отдались другъ другу, союзъ мужчины и женщины не становится нерасторжимымъ, они не обязаны жить вмѣстѣ до самой смерти, даже если они перестанутъ другъ другу нравиться: то, что ихъ свободная воля сдѣлала, та же свободная воля можетъ и уничтожить.

Можетъ случиться, что подъ вліяніемъ страсти и увлеченія они видѣли другъ въ другѣ только хорошія качества и закрывали глаза на дурныя; но вотъ они сошлись, и совмѣстная жизнь сгладила эти хорошія качества, выдвинувъ наоборотъ недостатки и разныя шероховатости, съ которыми они не умѣютъ справиться. Слѣдуетъ ли изъ этого, что только потому что эти люди обманулись другъ въ другѣ въ моментъ возбужденія, они должны платиться всю жизнь за ошибку, заставившую ихъ принять за вѣчное и глубокое чувство то, что было въ дѣйствительности лишь результатомъ увлеченія?

Конечно нѣтъ! пора намъ придти къ болѣе здравымъ понятіямъ. Какъ будто бы любовь не оказывалась всегда сильнѣе всевозможныхъ законовъ, правилъ приличія и

осужденій, которыми старались окружить проявленія полового влеченія! Развѣ порицаніе, съ которымъ относятся къ женѣ, обманывающей своего мужа (мы не говоримъ о мужчинѣ, который съумѣлъ завоевать себѣ свободу въ этомъ отношеніи), или то положеніе паріи, на которое наши чопорныя общества обрекаютъ незамужнихъ матерей, мѣшали хоть когда нибудь женщинамъ обманывать своихъ мужей, а дѣвушкамъ — отдаваться тому, кто имъ понравился или кто съумѣлъ воспользоваться моментомъ, когда чувство заглушило голосъ разсудка?

Вся исторія, вся литература переполнены разсказами объ обманутыхъ мужьяхъ и обольщенныхъ дѣвушкахъ. Половая потребность — первый двигатель человѣка; тайно или явно, но въ концѣ концовъ онъ всегда уступаетъ ей.

Существуютъ нѣкоторыя страстныя, но слабыя и робкія натуры, убивающія себя вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ, потому что они не рѣшаются порвать съ предразсудками, не имѣютъ достаточно нравственной энергіи чтобы бороться съ препятствіями, которыя ставятъ имъ наши нравы, или глупость родителей; но на этихъ немногихъ приходится цѣлая безчисленная масса людей, не обращающая — втайнѣ — никакого вниманія на предразсудки. Единственное, къ чему это приводитъ, — это что мы становимся обманщиками и лицемѣрами.

Зачѣмъ непремѣнно стремиться регламентировать то, чему удалось уцѣлѣть, несмотря на цѣлые вѣка угнетенія? Признаемъ лучше разъ на всегда, что человѣческія чувства не поддаются никакой регламентаціи и что для ихъ полнаго и нормальнаго развитія нужна полная свобода. Не будемъ такими чопорными: мы станемъ зато откровеннѣе и нравственнѣе.

Мужчина, владѣющій собственностью, стремился передать продуктъ своихъ грабежей наслѣдникамъ; съ другой стороны, женщина до сихъ поръ считалась существомъ низшимъ, скорѣе собственностью, вещью, чѣмъ сотоварищемъ. Понятно, поэтому, что для обезпеченія своего господства надъ женой и возможности передать свое имущество по наслѣдству, мужчина стремился сдѣлать семью нерасторжимой. А, такъ какъ эта семья основывалась не на взаимной привязанности, а на выгодѣ, то чтобы по-

мѣшать ей распасться подъ вліяніемъ противуположности интересовъ, нужна была внѣшняя сила.

Анархисты, которыхъ обвиняютъ въ желаніи разрушить семью, хотятъ, наоборотъ, разрушить именно этотъ антагонизмъ, основать семью на взаимной любви и сдѣлать ее такимъ образомъ болѣе прочной. Если мужчина и женщина хотятъ прожить вмѣстѣ до конца своихъ дней, то анархисты нисколько не хотятъ мѣшать этому, только на томъ основаніи, что союзы стали свободными. И когда они говорятъ, что нужно уважать свободу личности ребенка и не смотрѣть на него какъ на вещь или собственность родителей, они вовсе не думаютъ мѣшать отцамъ и матерямъ воспитывать своихъ дѣтей. Правда, они хотятъ уничтожить юридическую семью и сдѣлать такъ, чтобы мужчина и женщина могли сходиться или расходиться когда имъ угодно. Они отрицаютъ вмѣшательство глупаго и единообразнаго закона въ такія сложныя чувства, какъ тѣ, которыя связаны съ любовью.

Если дѣйствительно, какъ говорятъ защитники регламентаціи брачныхъ отношеній, человѣкъ склоненъ къ непостоянству, если его любовь не можетъ прочно остановиться на одномъ предметѣ, то что же дѣлать? Разъ до сихъ поръ всѣ стѣсненія ни къ чему не повели и только создали новые пороки, то предоставимъ лучше человѣческой природѣ свободу: пусть она развивается въ томъ направленіи, куда влекутъ ее ея стремленія. У человѣка хватитъ теперь настолько ума чтобы различить, что для него полезно и что вредно, и увидать на опытѣ, въ какомъ именно направленіи нужно идти. Если законамъ эволюціи будетъ предоставлена свобода, то мы увѣрены, что шансы пережить и оставить потомство окажутся на сторонѣ наиболѣе приспособленныхъ, наилучше одаренныхъ.

Если же, какъ мы думаемъ, стремленія человѣка влекутъ его, наоборотъ, къ единоженству, къ прочному союзу двухъ существъ, которые, разъ встрѣтившись, научились понимать и цѣнить другъ друга и въ концѣ концовъ какъ бы слились въ одно, потому что ихъ союзъ становится все полнѣе и тѣснѣе, ихъ воля, желанія и мысли все болѣе и болѣе тождественными, то для такихъ людей законы, принуждающіе ихъ жить вмѣстѣ, еще менѣе

нужны: ихъ собственная воля служитъ лучшей гарантіей нерасторжимости ихъ союза.

Когда мужчина и женщина перестанутъ чувствовать себя прикованными другъ къ другу, то если они дѣйствительно другъ друга любятъ, каждый изъ нихъ будетъ стараться заслужить любовь избраннаго имъ существа. Когда каждый будетъ чувствовать, что любимый человѣкъ всегда можетъ бросить семейное гнѣздо, разъ только онъ не находитъ въ немъ того удовлетворенія, о которомъ мечталъ, онъ будетъ стараться сдѣлать все возможное чтобы привязать его къ себѣ вполнѣ. Какъ нѣкоторыя птицы, которыя въ пору любви одѣваются, для привлеченія самокъ въ яркія перья, люди будутъ культивировать въ себѣ такія нравственныя качества, которыя смогутъ внушить къ нимъ любовь и сдѣлать ихъ общество пріятнымъ. И такого рода чувства сдѣлаютъ союзы гораздо болѣе нерасторжимыми, чѣмъ самые жестокіе законы и самое сильное угнетеніе.

Мы, собственно, не занимаемся здѣсь критикою современнаго брака, который въ сущности равносиленъ самой наглой проституціи: браки по разсчету, въ которыхъ чувство не играетъ никакой роли, браки, заранѣе устраиваемые семьями — особенно семьями буржуазными, — причемъ у тѣхъ, кого соединяютъ такимъ образомъ, не спрашивается согласія; браки неравные, гдѣ разрушающіеся старики соединяются, благодаря своимъ деньгамъ, съ полными свѣжести и красоты молоденькими дѣвушками; браки, гдѣ старухи покупаютъ за деньги любовь молодыхъ людей, платящихся своимъ тѣломъ, да еще нѣкоторымъ позоромъ, за свою жажду обогащенія. Эти браки уже много, много разъ критиковали, и возвращаться къ этому — лишнее. Съ насъ достаточно было показать, что половой союзъ не всегда былъ окруженъ одними и тѣми же формальностями и что онъ сдѣлается наиболѣе достойнымъ тогда, когда избавится отъ всякихъ стѣсненій. Другого выхода безполезно и искать*).

*) Здѣсь слѣдовало бы изложить нашъ взглядъ на воспитаніе дѣтей въ будущемъ обществѣ, но это уже было сдѣлано въ книжкѣ „Общество на другой день послѣ революціи“ (Société au lendemain de la revolution) въ главѣ о „Ребенкѣ въ новомъ обществѣ“.

Глава VII

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ*)

Вопросъ о государственной власти такъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о собственности, что, говоря о послѣдней, мы были вынуждены говорить и о развитіи первой. Теперь мы не будемъ возвращаться къ этому, а ограничимся разборомъ современной намъ формы власти — той, которая основана на всеобщемъ избирательномъ правѣ и законѣ большинства.

Мы уже видѣли, что легенда о божественномъ происхожденіи собственности и власти исчезла, и что буржуазіи пришлось искать для нихъ другое, болѣе прочное основаніе. Она сама содѣйствовала уничтоженію «божественнаго права», сама помогала борьбѣ противъ права сильнаго; на мѣсто его она постаралась, прежде всего, поставить силу денегъ, въ формѣ извѣстнаго ценза для права выбора въ палату, т. е. такого порядка, при которомъ избирателями могли быть только люди, платившіе извѣстную сумму налоговъ. Позже стали говорить о томъ, чтобы присоединить къ этимъ избирателямъ еще и людей «способнѣйшихъ»: это было требованіе раззорившейся части буржуазіи. Но все это не могло долго тянуться: разъ только государственная власть становилась предметомъ обсужденія, она уже теряла часть своей силы; тѣ, которые раньше не участвовали въ выборѣ правителей, начинали также требовать права голоса въ этомъ вопросѣ.

---

*) Въ этой главѣ авторъ разбираетъ, главнымъ образомъ, ту форму правленія, которая существуетъ во Франціи; но очевидно, что если его аргументы вѣрны по отношенію къ этой, наиболѣе демократической формѣ, то они тѣмъ болѣе приложимы къ другимъ.

Прим. пер.

Буржуазія боялась народа и не соглашалась ни на какія уступки; власть была въ ея рукахъ и ей хотѣлось ее сохранить. Чтобы добиться всеобщаго избирательнаго права, рабочимъ пришлось прибѣгнуть къ революціи. Но тѣ буржуа, которымъ они при этомъ дали въ руки власть, прежде всего поспѣшили урѣзать по возможности пріобрѣтенныя народомъ права, съ цѣлью какъ нибудь обуздать это чудовище, которое, какъ имъ казалось, вотъ — вотъ поглотитъ ихъ. Лишь долгое время спустя, лишь увидавъ на практикѣ, какъ функціонируетъ это новое право, они поняли, что оно не грозитъ никакой опасностью ихъ привиллегированному положенію, что оно — не больше какъ инструментъ, на которомъ нужно только умѣть играть, и что этотъ знаменитый органъ рабочихъ требованій, который рабочіе уже считали своимъ достояніемъ, (вѣдь они купили его цѣною своей крови!) есть въ сущности лишь усовершенствованное орудіе господства, порабощающее людей, которые имъ пользуются, въ то время какъ сами они, наоборотъ, думаютъ, что освобождаются.

Что такое въ самомъ дѣлѣ всеобщее избирательное право, какъ не право управляемаго выбирать того человѣка, который будетъ имъ управлять, право выбирать ту розгу, которая будетъ его сѣчь? Избиратель свободенъ.... въ выборѣ себѣ господина, но онъ не имѣетъ права не хотѣть никакого господина, потому что иначе имъ будетъ править тотъ, кого выберутъ его сосѣди. Въ тотъ моментъ, когда онъ опустилъ въ урну свой избирательный бюллетень, онъ подписалъ свое отреченіе: онъ долженъ теперь подчиняться всѣмъ капризамъ избранныхъ имъ правителей; они будутъ создавать законы, будутъ прилагать ихъ къ нему, а если онъ будетъ противиться — посадятъ его въ тюрьму.

Мы не имѣемъ намѣренія ни критиковать здѣсь систему всеобщаго избирательнаго права, ни разсматривать всѣ тѣ поправки, которыя стремятся въ нее внести съ цѣлью заставить выборныхъ исполнять свои обѣщанія и такимъ образомъ оградить избирателя отъ ихъ капризовъ и дать ему возможность свободно проявлять свою верховную власть. Это завело бы насъ слишкомъ далеко, да кромѣ

того и не имѣло бы для насъ значенія, потому что мы хотимъ показать, что ни власти большинства, ни власти «божественнаго права» существовать не должно и что вообще личность не должна подчиняться никакому другому закону кромѣ своей собственной воли. Кромѣ того, если мы разберемъ механизмъ правленія большинства, то увидимъ, что нами въ сущности управляетъ даже не большинство, а самое ничтожное меньшинство, взятое изъ состава другого меньшинства, которое, въ свою очередь, есть опять таки меньшинство всей управляемой массы.

Во первыхъ, права принимать участіе въ голосованіи лишены, совершенно произвольно, женщины и дѣти, которыя однако подчиняются законамъ, какъ и всѣ. Если, кромѣ того, мы вычтемъ всѣхъ тѣхъ, кто по тѣмъ или другимъ причинамъ не пользуется этимъ «правомъ», то у насъ останется меньшинство, которое совершенно произвольно считается единственно способнымъ выбирать правителей для всѣхъ.

Во-вторыхъ, когда происходятъ выборы, то теоретически вопросъ о томъ или другомъ избранномъ долженъ зависѣть отъ рѣшенія большинства; на практикѣ же всегда бываетъ нѣсколько — шесть, восемь, десять и иногда и больше — кандидатовъ, и голоса избирателей распредѣляются между ними, не говоря уже о тѣхъ избирателяхъ, которые, не находя среди толпы кандидатовъ представителя своего мнѣнія, подаютъ голосъ въ противорѣчіи сами съ собою. Такимъ образомъ, избранный является здѣсь представителемъ опять таки меньшинства, уже второго.

Въ-третьихъ, когда избранные соберутся вмѣстѣ, то, теоретически, вопросы должны точно также рѣшаться среди нихъ большинствомъ, но на практикѣ и здѣсь мнѣнія дробятся на множество группъ и подраздѣленій и, въ результатѣ, рѣшающій голосъ остается за маленькими кучками честолюбцевъ, которые держатся по серединѣ между крайними мнѣніями и отдаютъ свои голоса то тѣмъ, то другимъ, смотря по тому, что для нихъ оказывается болѣе выгоднымъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, къ какимъ скромнымъ размѣрамъ сводится пресловутое всемогущество избира-

теля; замѣтимъ при этомъ, что для того, чтобы не запутывать читателя, мы упростили вопросъ и предположили, что каждый поступаетъ честно и послѣдовательно. Если же мы примемъ въ разсчетъ всѣ связанные съ этимъ интриги, обманы, личные разсчеты, если мы вспомнимъ, что, прежде чѣмъ стать окончательными, проэкты законовъ должны пройти черезъ другое законодательное собраніе — Сенатъ, избираемый другою категоріею избирателей, если мы подумаемъ о томъ, что въ Палатѣ находится пятьсотъ съ лишнимъ депутатовъ, а каждый избиратель выбираетъ только одного, такъ что его воля представляетъ не болѣе, какъ одну — пятисотую общей воли, да и то Сенатъ можетъ ее еще сократить, то мы увидимъ, что участіе каждаго въ управленіи такъ ничтожно, что его нельзя и вычислить.

Мало того: всеобщее избирательное право имѣетъ еще и другія вредныя послѣдствія въ томъ отношеніи, что оно ведетъ къ царству ничтожества и посредственности. Мы сейчасъ это докажемъ.

Всякая новая идея, идущая впереди своего времени, уже по этому одному имѣетъ за себя вначалѣ только меньшинство. Широкихъ умовъ, способныхъ ее воспринять и стать ея защитниками, бываетъ очень немного. Это — общеизвѣстная истина, изъ которой прямо слѣдуетъ, что люди дѣйствительно развитые и обладающіе широкимъ умомъ всегда бываютъ въ меньшинствѣ. Большинство же стоитъ за среднія, общепринятыя идеи и выбираетъ того депутата, который, именно съ цѣлью быть избраннымъ, старается не идти на перекоръ предразсудкамъ и привычнымъ взглядамъ избирателей. Чтобы сгруппировать вокругъ себя какъ можно больше лицъ, ему нужно, наоборотъ, сгладить нѣкоторые острые углы и приготовить цѣлый запасъ общихъ мѣстъ для разговоровъ съ тѣми, чьихъ голосовъ онъ добивается. Чтобы не испугать ихъ, ему придется показаться еще глупѣе, чѣмъ они, и чѣмъ онъ будетъ безцвѣтнѣе, ничтожнѣе и посредственнѣе, тѣмъ больше будетъ у него вѣроятности быть избраннымъ.

Посмотрите на то, какъ идетъ жизнь всевозможныхъ обществъ — комитетовъ, профессіональныхъ рабочихъ

союзовъ, обществъ взаимопомощи, различныхъ обществъ художниковъ, литераторовъ и т. подобное: въ ихъ іерархической организаціи, основанной на избраніи, всѣ должности оказываются занятыми наиболѣе посредственными личностями — такими, которыя стоятъ ниже другихъ по своему тщеславію, желанію выдвинуться и стать извѣстными или создать себѣ положеніе на счетъ другихъ, по своей большей или меньшей склонности къ интригамъ. Всякій независимый умъ, стремящійся только къ осуществленію своего идеала, всегда будетъ непріятно поражать тѣхъ многочисленнныхъ людей, которые слѣдуютъ только рутинѣ, и всегда такіе люди будутъ его травить. Тому, кто ищетъ правды и стремится къ ея распространенію, некогда унижаться до мелкихъ закулисныхъ интригъ, и его всегда побьетъ въ избирательной борьбѣ тотъ, кто не имѣетъ за душою ничего своего, живетъ общепринятыми идеями и поэтому очень легко можетъ сгладить различные острые углы (которыхъ у него, впрочемъ, и нѣтъ), такъ чтобы не вооружать противъ себя никого. Чѣмъ больше мы будемъ стремиться удовлетворить всѣхъ, тѣмъ ниже долженъ будетъ быть уровень нашихъ идей, тѣмъ полнѣе должны мы будемъ отбросить все новое и оригинальное, тѣмъ наши мысли будутъ ничтожнѣе, блѣднѣе и посредственнѣе. Вотъ къ чему сводится вся избирательная система; это — ничто иное, какъ натянутая ослиная шкура, издающая звукъ только тогда, когда ее хотятъ заставить звучать.

Къ несчастью, несмотря на то, что власть уже подвергается критикѣ, что ее уже осуждаютъ и осмѣиваютъ, самый принципъ еще крѣпко держится въ нашихъ нравахъ. Люди такъ привыкли чтобы ими руководили, что имъ кажется, что они пропадутъ, если только не будетъ никого, кто бы велъ ихъ на помочахъ. Они такъ привыкли встрѣчать во всѣхъ случаяхъ жизни жандарма, мэра, надоѣдливыхъ и грубыхъ чиновниковъ, лисьи физіономіи полицейскаго и судьи, что приспособились въ концѣ концовъ къ этому отвратительному общенію и стали думать, что все это — учрежденія, конечно, непріятныя, которыя при случаѣ недурно какъ нибудь надуть, но обойтись безъ нихъ нечего даже и думать, потому что тогда

человѣчество сразу погибло бы. Странное противорѣчіе человѣческаго ума! Люди съ неудовольствіемъ переносятъ эту власть, насмѣхаются надъ ней, стараются гдѣ возможно обмануть ее — и вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ себя погибшими, какъ только рѣчь заходитъ объ ея уничтоженіи! Все, должно быть, зависитъ отъ привычки.

Это тѣмъ болѣе нелогично, скажемъ больше: тѣмъ болѣе безсмысленно, что для каждаго отдѣльнаго человѣка идеалъ хорошаго правительства, это — такое правительство, которое бы онъ всегда могъ прогнать, если только оно помѣшаетъ ему дѣлать что онъ хочетъ. И вотъ для того-то, чтобы поддѣлаться подъ этотъ идеалъ, буржуазія и выдумала такъ называемое «всеобщее» избирательное право.

Если идея республики такъ популярна среди рабочихъ, если, несмотря на столько разочарованій, они все таки смотрятъ на всеобщее избирательное право какъ на орудіе своего освобожденія, то это происходитъ отъ того, что имъ внушили, что, замѣнивъ однихъ людей, стоящихъ у власти, другими, они смогутъ замѣнить угнетающую насъ систему эксплуатаціи другимъ общественнымъ строемъ, который дастъ всѣмъ довольство и счастье. Это — глубокая ошибка — ошибка, благодаря которой разнымъ интриганамъ удается увлечь рабочихъ на путь достиженія якобы реформъ, которыя нисколько не могутъ измѣнить ихъ положенія, а только пріучаютъ ихъ ждать всего отъ перемѣнъ въ составѣ лицъ того, созданнаго для нашего угнетенія, механизма, который называется Государствомъ. Эта ошибка повела къ тому, что во всѣхъ революціяхъ различные интриганы обращали въ свою пользу побѣду народа, занимали синекуры прежнихъ правителей, снесенныхъ революціонной бурей, и образовывали новый слой эксплуататоровъ, съ новыми интересами, которые, разъ утвердившись, заставляли замолчать и подчиниться тѣхъ самыхъ наивныхъ людей, которые имѣли глупость предоставить имъ власть.

Сколько въ человѣческомъ умѣ гнѣздится противорѣчій! Когда мы разсуждаемъ съ людьми болѣе или менѣе разумными, то они часто готовы бываютъ согласиться съ тѣмъ, что «если бы всѣ люди вели себя какъ слѣдуетъ,

то не было бы надобности въ правительствѣ; мы сами, пожалуй, обошлись бы и безъ него. Но, къ несчастью, не всѣ люди таковы: нашлись бы такіе, которые захотѣли бы злоупотребить своей силой для угнетенія другихъ, жить на ихъ счетъ и ничего не дѣлать; а поэтому нужна власть, которая взялась бы ихъ образумить». Другими словами, это значитъ, что, взятые всѣ вмѣстѣ, люди слишкомъ дурны, чтобы съумѣть между собою столковаться, но что взятые въ отдѣльности, или кучками, они съумѣютъ управлять другими; поэтому нужно поскорѣе облечь ихъ властью, которая дала бы имъ возможность заставить себѣ повиноваться. Бѣдная логика! Чего только не дѣлаетъ съ тобой человѣческій умъ!

Какъ будто бы люди, правящіе другими, не будутъ всегда — пока только они будутъ существовать — во враждѣ съ управляемыми! Какъ будто бы у людей, стоящихъ у власти, даже если они искренни, не будетъ своихъ собственныхъ взглядовъ, которые они будутъ стараться провести въ жизнь! Эти взгляды могутъ быть хорошими, но могутъ быть и дурными. Если бы они растворились въ массѣ, они остались бы безъ вліянія, но если въ рукахъ ихъ сторонниковъ находится власть, они будутъ силою навязаны тѣмъ, кто съ ними несогласенъ. И чѣмъ искреннѣе будутъ стоящіе у власти люди, тѣмъ безжалостнѣе они будутъ по отношенію къ своимъ противникамъ, потому что они будутъ убѣждены, что работаютъ на пользу человѣчества.

Мы уже видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, что наше политическое рабство зависитъ отъ нашего экономическаго положенія; если у насъ существуютъ жандармы, судьи, министры и т. под., то это оттого, что у насъ есть банкиры, собственники и т. д., — одно неразрывно связано съ другимъ. Если намъ удастся свергнуть тѣхъ, кто эксплуатируетъ насъ въ мастерской, если мы избавимся отъ тѣхъ, кто моритъ насъ голодомъ, то не будетъ надобности и въ силѣ, которая бы ихъ защищала, и существованіе этой силы станетъ совершенно безцѣльнымъ.

Въ настоящее время нужно правительство, нужны законы, нужны депутаты, которые бы ихъ издавали, судьи, которые бы ихъ прилагали, полиція, которая бы заботи-

лась объ исполненіи рѣшеній судей, потому что люди, захватившіе себѣ все, нуждаются въ силѣ, чтобы защищаться противъ требованій тѣхъ, кого они ограбили. Но рабочій, что ему защищать? На что ему вся эта правительственная машина, поддерживаемая исключительно на его счетъ и не приносящая ему никакой пользы, кромѣ развѣ того, что она напоминаетъ ему, что у него есть всего одно право: право умереть съ голоду посреди созданныхъ имъ богатствъ.

Въ мрачные дни народныхъ возстаній, когда обострившаяся нужда заставляетъ рабочія массы выйти на улицу, передъ ними опять таки встаютъ тѣ же «общественныя» учрежденія и опять таки загораживаютъ ему путь къ лучшему будущему. Мы должны, поэтому, разрушить ихъ и ни въ какомъ случаѣ не создавать новой аристократіи, у которой будетъ всегда только одна цѣль: какъ можно лучше и какъ можно скорѣе поспѣшить воспользоваться жизнью на счетъ своихъ «облагодѣтельствованныхъ» подданныхъ. Не все ли намъ равно, какая рука насъ бьетъ: мы хотимъ, чтобы насъ больше совсѣмъ не били.

Не будемъ забывать, что, какимъ бы именемъ не прикрывалась новая власть, какой бы невинной она не казалась, какія бы поправки въ нее не вносили, какъ бы не вербовались входящія въ составъ правительства личности, — всегда будетъ два возможныхъ случая: или ея рѣшенія будутъ имѣть силу закона и будутъ обязательными для всѣхъ — тогда для поддержанія этихъ законовъ ей будутъ нужны всѣ учрежденія, существующія теперь, и тогда нужно отказаться отъ мысли быть свободными; или же личности будутъ имѣть право обсуждать правительственныя рѣшенія, сообразоваться съ ними, если имъ это нравится, и не обращать никакого вниманія на власть, если они этого не хотятъ — тогда мы остаемся вполнѣ свободными, но правительство становится безполезнымъ: оно въ такомъ случаѣ только лишняя помѣха и лишняя угроза. Выводъ изъ этого можетъ быть только одинъ: намъ не нужно никакого правительства.

Глава VIII

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Мы уже видѣли, что власть вытекаетъ изъ того права, которое присвоиваетъ себѣ сила. Но по мѣрѣ того, какъ умственный горизонтъ человѣка расширялся, этой власти приходилось оправдывать чѣмъ нибудь свое существованіе; и вотъ она стала опираться на религію и поддержку духовенства, приписала себѣ божественное происхожденіе и создала особую замкнутую касту, которая впослѣдствіи начала даже противиться грубой силѣ короля и высшей аристократіи: такъ создалась судебная власть. Когда же въ 1789 году, власть перешла въ руки буржуазіи, то она, конечно, оставила въ неприкосновенности этотъ „столпъ" общественнаго порядка, тѣмъ болѣе, что высшія судебныя должности находились, какъ и военныя, въ ея рукахъ. Все ограничилось тѣмъ, что способъ замѣщенія этихъ должностей былъ преобразованъ въ соотвѣтствіи съ духомъ времени.

Казнь Людовика XVI нанесла сильный ударъ „божественному праву", и судебной власти, если она не хотѣла подвергнуться той же все уравнивающей участи, уже не приходилось больше опираться на него. И вотъ тогда-то изобрѣли, или, вѣрнѣе, возвели на степень божества, законъ, а судебная власть стала его „неподкупной" блюстительницей и исполнительницей. Цѣль была, такимъ образомъ, достигнута: самое опасное учрежденіе, самое необходимое орудіе для защиты привиллегированныхъ классовъ удержалось на мѣстѣ, сдѣлавшись жрецомъ новаго божества — закона, — созданнаго новыми властителями.

Подчиненіе Франціи царству закона представляетъ собою одно изъ тѣхъ завоеваній 89 года, которыя осо-

бенно охотно прославляютъ буржуазные историки. Сведеніе всей власти къ своду законовъ повело прежде всего къ тому, что узаконило самый ужасный произволъ: всѣ французы оказались теперь равны передъ закономъ, и народу больше ничего не оставалось требовать. У всѣхъ былъ теперь только одинъ властелинъ; передъ нимъ, правда, нужно было преклоняться, но это все таки вносило нѣкоторое равенство. Такимъ властелиномъ сталъ **законъ**.

Но если, вмѣсто того, чтобы обманывать себя словами, мы разберемъ, что выиграли рабочіе отъ этой перемѣны, то увидимъ, что они только лишній разъ оказались обманутыми. Въ самомъ дѣлѣ, когда во времена неограниченной королевской власти король или аристократы заставляли простого человѣка служить себѣ, то положеніе было ясно: «такова наша воля» говорили они, и это ясно показывало, откуда вытекаетъ ихъ право. Они опирались только на свою шпагу, на которую разсчитывали гораздо больше, чѣмъ на волю божью, т. е. черпали свое право только изъ силы. Ихъ приказанія исполняли, ихъ капризы сносили, но только потому, что нельзя было имъ сопротивляться; не было, по крайней мѣрѣ, глупцовъ, которые бы говорили, повторяя слова заинтересованныхъ лицъ, что таковъ законъ, а закону каждый обязанъ подчиняться, пока онъ не отмѣненъ.

Но признавая, что законъ можетъ измѣняться, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что онъ можетъ сдѣлаться отсталымъ, а слѣдовательно, по самому существу своему, для кого нибудь вреднымъ, потому что всегда есть люди, идущіе впереди своего времени. Но въ такомъ случаѣ законъ окажется несправедливымъ и не сможетъ претендовать на то уваженіе, которымъ его хотятъ окружить. Въ самомъ дѣлѣ, если законъ угрожаетъ моимъ интересамъ или моей свободѣ, то на какомъ основаніи меня принуждаютъ ему подчиняться и гдѣ тотъ вѣчный и неизмѣнный принципъ, который оправдывалъ бы это насиліе надо мной?

Когда въ наукѣ, ученые, послѣ долгихъ трудовъ и изысканій, формулируютъ то, что называется естественнымъ закономъ, то при этомъ не бываетъ накакого большинства, никакой группы людей, которые бы сочли себя

стоящими выше всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ и рѣшили, что согласно ихъ желанію, естественнымъ силамъ природы предписывается слѣдовать тому или иному пути эволюціи. Если бы кто нибудь вздумалъ предъявить такія претензіи, то ему только разсмѣялись бы въ лицо. Когда говорятъ о какомъ нибудь естественномъ законѣ, то это значитъ, что если такое-то явленіе, такое-то химическое соединеніе происходитъ, то это потому, что при данныхъ условіяхъ, въ присутствіи такой-то силы или такого-то химическаго сродства, оно не могло не произойти. Такія-то силы, приходящія въ дѣйствіе при такихъ-то обстоятельствахъ, приводятъ къ такимъ-то результатамъ; это вычисляется съ математическою точностью. Открытый законъ, такимъ образомъ, не управляетъ явленіями, а только объясняетъ ихъ причины. Можно оспаривать эти законы, сомнѣваться въ нихъ, даже отрицать ихъ; различныя тѣла, составляющія нашу вселенную, не перестанутъ отъ этого соединяться сообразно своимъ свойствамъ и своему сродству, земля не перестанетъ вертѣться — и при этомъ не будетъ никакой надобности въ силѣ, которая бы охраняла правильность ихъ эволюціи и наказывала тѣхъ, кто захотѣлъ бы ее нарушить.

Въ нашемъ обществѣ дѣло стоитъ совершенно иначе: законы какъ будто бы только для того и существуютъ, чтобы ихъ нарушали. Это зависитъ отъ того, что люди, которые ихъ создавали, сообразовались только съ своими личными вкусами, съ интересами того общественнаго класса, который они представляютъ, съ среднимъ уровнемъ нравственнаго развитія своего времени, а вовсе не съ характеромъ, стремленіями и склонностями тѣхъ, кого хотѣли подчинить; это было бы, впрочемъ, и невозможно въ виду разнообразія индивидуальныхъ характеровъ и наклонностей. Каждой частности соотвѣтствуетъ свой законъ; въ соціологіи также не можетъ быть единаго и всеобщаго закона для всѣхъ случаевъ, какъ и въ физикѣ; такой законъ оказался бы произвольнымъ и неприложимымъ. И дѣйствительно, въ нашемъ обществѣ нѣтъ ни одного закона, который не былъ бы вреднымъ для тѣхъ или другихъ изъ составляющихъ его членовъ — или по отношенію къ ихъ интересамъ, или по отношенію къ ихъ

идеямъ, — ни одного закона, который бы каждая партія, одержавшая побѣду, не могла обратить въ оружіе противъ своихъ враговъ. Всякая партія, разъ она пришла ко власти, становится выразительницей закона, потому что именно она, черезъ посредство своихъ органовъ, его примѣняетъ.

Мы можемъ, поэтому, заключить, что разъ законъ есть лишь проявленіе воли сильнаго, ему слѣдуетъ подчиняться только тогда, когда нѣтъ силъ противиться; но онъ ничѣмъ не оправдывается и пресловутая законность есть лишь вопросъ о большей или меньшей силѣ. Поэтому когда нѣкоторые шарлатаны, говоря съ рабочими, ссылаются на законность, какъ на главный аргументъ, рабочіе имѣютъ право разсмѣяться имъ въ лицо и спросить, совѣтовались ли съ ними тѣ люди, которые выдумывали эти законы. А если бы даже эти законы когда нибудь и были ими приняты, то во всякомъ случаѣ они могутъ имѣть силу только до тѣхъ поръ, пока принявшіе ихъ считаютъ ихъ полезными и соглашаются съ ними сообразоваться. Странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, если бы, только потому что мы въ тотъ или другой моментъ приняли извѣстную линію поведенія, насъ хотѣли заставить держаться ея во всю остальную нашу жизнь, не внося въ нее никакихъ измѣненій, только потому что это можетъ не понравиться нѣкоторымъ другимъ людямъ, которые въ силу различныхъ причинъ находятъ существующій порядокъ вещей хорошимъ и хотятъ удержать его навсегда. Но что еще смѣшнѣе — это желаніе заставить насъ подчиняться законамъ прошлыхъ поколѣній, увѣрить насъ, что мы обязаны уважать тѣ измышленія, которые нѣсколькимъ человѣкамъ вздумалось какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ возвести въ законъ; смѣшна эта дерзость, съ которой люди рѣшаются порабощать настоящее понятіямъ, ставшимъ достояніемъ прошлаго.

Но тутъ мы слышимъ возраженія всѣхъ изобрѣтателей законовъ, всѣхъ тѣхъ, кому ихъ существованіе выгодно, а также и наивныхъ людей, идущихъ за ними: „какъ!“ восклицаютъ они, „общество не могло бы существовать безъ законовъ; люди перегрызлись бы между собою, если бы не было власти, пекущейся о нихъ и удерживающей

ихъ въ предѣлахъ страха и уваженія къ существующимъ положеніямъ". Но мы увидимъ, что никакіе законы, никакое принужденіе не могутъ ни устрашить, ни предупредить преступленій, потому что эти преступленія — результатъ нашей дурной общественной организаціи; нужно поэтому заботиться не объ удержаніи или измѣненіи существующихъ законовъ, а о преобразованіи всего нашего общественнаго строя.

Но больше всего насъ возмущаетъ то, что находятся люди, которые рѣшаются быть судьями другихъ. Еще можно понять, что въ тѣ времена, когда власть опиралась на божественное происхожденіе и правосудіе считалось исходящимъ отъ самого Бога, носители его могли считать себя особыми существами, надѣленными, по волѣ божьей, частицей его всемогущества и непогрѣшимости, и способными распредѣлять награды и наказанія среди обыкновенныхъ смертныхъ.

Но въ нашъ вѣкъ науки и свободной критики, когда всѣ признаютъ, что всѣ люди созданы одинаковыми, подвержены однимъ и тѣмъ же страстямъ, однимъ и тѣмъ же увлеченіямъ и ошибкамъ; когди умирающее Божество уже не вдохновляетъ всегда рискующій ошибиться человѣческій умъ, мы совершенно не понимаемъ, какъ могутъ существовать люди, у которыхъ хватаетъ дерзости или умственной ограниченности принимать на себя сознательно и хладнокровно такую страшную отвѣтственность, какъ отнять у другого человѣка жизнь или часть его свободы.

Каждый день, въ самыхъ обыкновенныхъ жизненныхъ дѣлахъ намъ приходится останавливаться не только передъ разрѣшеніемъ вопроса о причинахъ, побудившихъ къ тому или другому поступку окружающихъ насъ людей, но даже передъ объясненіемъ своихъ собственныхъ побужденій; какимъ же образомъ мы можемъ быть настолько высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы считать себя способными разобраться въ дѣлѣ, гдѣ намъ не извѣстны ни начало, ни участники, ни побудительныя причины, гдѣ все является въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ, съ комментаріями разныхъ участвующихъ въ немъ или даже только слышавшихъ о немъ людей?

Вы, являющіеся строгими и непогрѣшимыми судьями

этого человѣка, укравшаго или убившаго, — развѣ вы знаете побудившія его на это причины? Развѣ вы знаете всѣ условія среды, наслѣдственности, даже случайныя обстоятельства, повліявшія на его мозгъ и заставившія его совершить тотъ поступокъ, который вы ставите ему въ упрекъ? Вы, непогрѣшимые люди, налагающіе проклятіе на того „подсудимаго", котораго полиція привела и поставила передъ вами, — задавались ли вы когда нибудь вопросомъ о томъ, не поступили ли бы и вы такъ же какъ онъ, если бы вы были поставлены въ тѣ же условія? Даже если бы вы, въ самомъ дѣлѣ, были такими непогрѣшимыми, нравственными людьми, какими васъ считаютъ, то и тогда, имѣя въ рукахъ право безжалостно разбить человѣческую жизнь и свободу, вы не рѣшились бы высказывать своихъ приговоровъ, если бы вы дѣйствительно подумали о непрочности всего человѣческаго. Если бы вы сознали, что вы дѣлаете, вы въ ужасѣ отвернулись бы отъ этого дѣла! Неужели послѣ этого вы могли бы проводить ночи безъ кошмаровъ? Неужели васъ не мучили бы призраки жертвъ вашего такъ называемаго правосудія? Нѣтъ, только безсознательность — результатъ глупости и привычки — даетъ вамъ силу не сломиться подъ тяжестью упрековъ совѣсти и призраковъ вашихъ жертвъ.

Наше время критики и положительной науки не признаетъ законности какой нибудь высшей власти, награждающей добрыхъ и наказывающей злыхъ. Этотъ принципъ былъ вполнѣ логиченъ на извѣстной ступени развитія человѣчества, но теперь онъ устарѣлъ и мы противупоставляемъ ему другой. Каждый изъ насъ считаетъ дѣйствія другихъ людей хорошими или дурными, смотря по тому, пріятны они ему или непріятны, и самъ поступаетъ соотвѣтственно этому. Онъ одобряетъ, восторгается, или нападаетъ смотря по тому, соотвѣтствуетъ ли данный поступокъ его выгодѣ, его чувству, или его понятію объ идеалѣ. Общая потребность въ солидарности, заставляющая людей, подверженныхъ однимъ и тѣмъ же нападеніямъ, соединяться для общей защиты, кажется намъ лучшей гарантіей будущаго общественнаго строя, болѣе спокойнаго, чѣмъ нашъ. Мы не судимъ: мы только дѣйствуемъ и боремся, и думаемъ, что всеобщая гармонія

сама явится результатомъ свободной дѣятельности личностей, какъ только уничтоженіе частной собственности сдѣлаетъ невозможнымъ, чтобы какая-нибудь горсть людей держала въ порабощеніи всѣхъ остальныхъ.

Итакъ, мы не признаемъ, чтобы черезъ какихъ нибудь шесть недѣль, или шесть лѣтъ послѣ совершенія извѣстнаго поступка, горсть людей, опирающихся на вооруженную силу, имѣла право собраться и, во имя отвлеченнаго понятія, наказывать или награждать совершившаго этотъ поступокъ человѣка. Все это — одна трусость и лицемѣріе: вы обвиняете этого человѣка въ убійствѣ и, чтобы показать ему, что онъ поступилъ дурно, сами убиваете его черезъ посредство палача — наемнаго убійцы на службѣ у общества. Ни у васъ, ни у этого палача, не будетъ даже того смягчающаго обстоятельства, что вы рискуете своею жизнью: вы дѣйствуете подъ прикрытіемъ защищающей васъ вооруженной силы. Мы, борющіеся съ господствующимъ классомъ, говоримъ судьямъ: признайте прямо, что вы его защитники, и оставьте насъ въ покоѣ съ вашими громкими фразами; поддерживайте тѣ привиллегіи, защита которыхъ вамъ поручена, употребляйте силу, которую общее невѣжество даетъ вамъ въ руки, но оставьте въ покоѣ правосудіе и справедливость: они не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что вы дѣлаете.

Чтобы вы могли какъ слѣдуетъ оцѣнить вашу роль охотниковъ, травящихъ звѣря, намъ бы хотѣлось, чтобы вы какъ нибудь попали, будучи невинными, въ руки вашихъ сотоварищей — судей, которые бы стали въ свою очередь судить васъ. Вы бы узнали тогда, сколько тревогъ и мученій должны были пережить тѣ подсудимые, которые проходили передъ вами и которыми вы играли какъ кошка мышкой. Подъ впечатлѣніемъ потоковъ прокурорскаго краснорѣчія, шумящихъ надъ вашей головой, передъ вами встали бы призраки всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ вы, втеченіи своей карьеры, принесли въ жертву на алтарѣ общественнаго возмездія, и вы съ ужасомъ спросили бы себя: не были ли и они также невинны какъ я?

Да, мы искренно желали бы, чтобы кому-нибудь изъ васъ пришлось пережить, будучи несправедливо обвинен-

нымъ, мученія всѣхъ тѣхъ, кого вы видите передъ собою на скамьѣ подсудимыхъ, — потому что, если бы когда нибудь его невинность была обнаружена и онъ вновь вернулся на свой постъ, то онъ по всей вѣроятности явился бы въ судъ только для того, чтобы разорвать свою судейскую тогу и покаяться во всей своей преступной жизни, когда онъ судилъ наугадъ и торговалъ человѣческою жизнью.

Глава IX

ПРАВО КАРАТЬ ПРЕСТУПЛЕНІЯ И ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕМУ УЧЕНЫХЪ.

Современная наука твердо установила, что человѣкъ есть ничто иное какъ игрушка въ рукахъ дѣйствующихъ на него силъ и что свободы воли не существуетъ: среда, наслѣдственность, воспитаніе, климатическія и атмосферныя вліянія оказываютъ на человѣка свое дѣйствіе, сталкиваясь и комбинируясь различнымъ образомъ между собою; они управляютъ человѣкомъ и заставляютъ его вертѣться, какъ вертится волчокъ, пущенный рукою ребенка. Въ зависимости отъ наслѣдственности, воспитанія и окружающей среды, человѣкъ будетъ больше или меньше подчиняться однимъ силамъ или сопротивляться другимъ, но во всякомъ случаѣ его нравственная личность будетъ создаваться подъ ихъ вліяніемъ.

Однако, установивъ всѣ эти положенія, нѣкоторые ученые, во главѣ съ Ломброзо, сдѣлали попытку показать существованіе особаго преступнаго типа. Они занялись опредѣленіемъ тѣхъ аномалій, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были быть свойственными этому воображаемому типу, долго обсуждали его различные признаки и, наконецъ, пришли къ выводу о необходимости строгихъ наказаній, вѣчнаго тюремнаго заключенія и т. под. Казалось бы, что разъ человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, онъ не можетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки; ученые это признаютъ, но это не мѣшаетъ имъ говорить о необходимости карательныхъ мѣръ! Ниже мы вернемся къ объясненію этого противорѣчія, а пока посмотримъ, какіе именно признаки считаются учеными криминалистами характерными для преступ-

ника. Въ числѣ ихъ мы находимъ: слѣды старыхъ ранъ, аномаліи кожи, ненормальное строеніе ушей и носа, слѣды татуировки. Есть еще и многіе другіе, которые имѣютъ также мало отношенія къ духовному складу человѣка, какъ и эти, но, не обладая спеціальными познаніями въ области анатоміи, мы не будемъ входить въ ихъ разборъ. Ограничимся пока только перечисленными. Итакъ, прежде всего, раны: ясно, не правда-ли, что человѣкъ, у котораго есть слѣды старыхъ ранъ, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только закоренѣлымъ преступникомъ, особенно если онъ получилъ эти раны гдѣ нибудь на работѣ, или рискуя своей жизнью для спасенія другого! До сихъ поръ мы всегда думали, что преступленіе состоитъ скорѣе въ нанесеніи ранъ, чѣмъ въ ихъ полученіи, но оказывается, что наука рѣшила иначе: преступникъ — тотъ, кто позволилъ себя ранить. Что-жъ, намъ остается только преклониться! Что касается ненормальной формы носа и ушей, то напрасно мы трудились надъ рѣшеніемъ вопроса о томъ, какое они могутъ имѣть отношеніе къ свойствамъ человѣческаго мозга. Мало того: Ломброзо самъ признаетъ, что многіе изъ тѣхъ признаковъ, на которые онъ указываетъ, какъ на аномаліи, очень часто встрѣчаются и у тѣхъ, кого онъ называетъ людьми порядочными. Но вѣдь въ такомъ случаѣ эти аномаліи являются общимъ правиломъ! А мы-то думали до сихъ поръ, что аномалія, это — свойство, выходящее изъ общаго правила! Оказывается, что наука по Ломброзо говоритъ намъ противоположное — печальное противорѣчіе, наглядно показывающее, какъ люди, спеціализировавшіеся на одномъ какомъ-нибудь вопросѣ, на одномъ уголкѣ науки, теряютъ въ концѣ концовъ всякое ясное представленіе о цѣломъ и стремятся только къ одному: свести все къ своей спеціальности.

Имѣть уродливое ухо или уродливый носъ — особенно носъ, конечно очень непріятно, особенно если этотъ недостатокъ принимаетъ слишкомъ смѣшную форму. Нѣтъ ничего красиваго въ томъ, чтобъ имѣть на лицѣ какой-нибудь наростъ или пятно; очень часто это бываетъ одинаково непріятно какъ для самого человѣка, такъ и для тѣхъ, кто на него смотритъ. Однако мы всегда думали, что имѣть такого рода уродство и безъ того достаточно

горестно, чтобы еще вдобавокъ на человѣка смотрѣли какъ на преступника. Но такъ какъ таково именно мнѣніе Ломброзо, то намъ остается только довести его до крайнихъ послѣдствій и потребовать, чтобы акушерокъ и врачей обязали убивать всѣхъ новорожденныхъ, являющихся на свѣтъ съ уродливымъ носомъ или ухомъ. Всякое пятно на кожѣ составляетъ вѣрный признакъ нравственной испорченности. Возьмите, напримѣръ, меня: у меня, помнится, есть гдѣ-то на тѣлѣ такія пятна, а къ тому же я — анархистъ, что уже само по себѣ считается нѣкоторыми признакомъ преступности; все это отлично подходитъ одно къ другому и ясно говоритъ за то, что я долженъ стать преступникомъ. А слѣдовательно, нужно предать меня смерти: теорія очевидно предсказываетъ мнѣ смерть на эшафотѣ. Правда, если бы приложить эту доктрину ко всѣмъ, кто подъ нее подходитъ, то, можетъ быть, въ живыхъ осталось бы очень мало людей, но зато какимъ бы совершеннымъ оказалось человѣчество и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи! Никогда не нужно отступать передъ логическими послѣдствіями какой нибудь теоріи, когда она основывается на наблюденіи, какъ теорія Ломброзо!

Что касается татуировки, то мы, конечно, никогда не считали ее признакомъ особенно высокаго эстетическаго развитія: это — атавизмъ, подъ вліяніемъ котораго люди стремятся усовершенствовать свою «естественную красоту» разными украшеніями — совершенно такъ же, какъ это дѣлали наши предки въ каменный вѣкъ. Тотъ же самый атавизмъ заставляетъ до сихъ поръ многихъ женщинъ прокалывать себѣ уши чтобы вставлять туда кусочки металла или блестящіе камни, совершенно такъ же, какъ бразильскіе ботокуды и нѣкоторыя австралійскія и африканскія племена прорѣзываютъ себѣ губы, носовой хрящъ, или уши и вставляютъ туда круглые куски дерева или металла, что, съ ихъ точки зрѣнія, придаетъ имъ необычайную красоту.

Мы всегда считали эти пріемы черезчуръ первобытными, но до сихъ поръ не видѣли въ нихъ никакого проявленія жестокости; однако, разъ ужъ Ломброзо насъ просвѣтилъ, то мы надѣемся, что насъ избавятъ не только отъ людей,

которые себя татуирують, но и отъ тѣхъ женщинъ, которыя прокалываютъ себѣ уши или красятъ волосы.

Тотъ же ученый сдѣлалъ попытку установить на такихъ же шаткихъ основаніяхъ и типъ политическаго преступника; но разборъ этого завлекъ бы насъ слишкомъ далеко, а потому мы ограничимся критикой его теоріи преступности въ собственномъ смыслѣ слова.

Нашлись, впрочемъ, другіе, болѣе развитые, ученые, которые сами скоро подвергли критикѣ эти черезчуръ фантастическія соображенія и доказали, какъ мало значенія имѣютъ тѣ признаки преступности, которыми хотѣли надѣлить людей, обозначенныхъ кличкою преступниковъ. Проф. Мануврiе, напримѣръ, въ своихъ лекціяхъ въ Парижской Антропологической Школѣ (1890-91 г.г.) блестящимъ образомъ разбилъ теорію Ломброзо и его послѣдователей. Показавъ, прежде всего, неосновательность самихъ наблюденій, на которыхъ итальянскій ученый и его послѣдователи основывались для характеристики своего преступнаго типа, для котораго они избрали людей, уже искалѣченныхъ тюрьмою или вообще ненормальною жизнью, Мануврiе говоритъ затѣмъ, что у людей могутъ быть извѣстныя наклонности къ того или другого рода поступкамъ, но что они не предназначены строеніемъ своего мозга или скелета непремѣнно совершить эти поступки и стать такимъ образомъ тѣмъ, что называется преступникомъ. Извѣстнаго рода наклонность можетъ съ одинаковою вѣроятностью привести человѣка, смотря по обстоятельствамъ, какъ къ поступку, который считается похвальнымъ, такъ и къ поступку, считающемуся преступнымъ.

Напримѣръ, большая мускульная сила, можетъ, въ моментъ гнѣва, сдѣлать изъ человѣка убійцу, но она же можетъ сдѣлать изъ него и полицейскаго, задерживающаго преступника. Сильныя страсти, презрѣніе къ опасности и къ смерти, которую человѣкъ съ одинаковою легкостью готовъ и причинить другому и встрѣтить самъ — все это одновременно — и пороки, встрѣчающіеся у преступника, и добродѣтели, требующіяся отъ солдата. Изворотливый умъ, склонный къ обману, вкрадчивый и льстивый, могутъ сдѣлать изъ человѣка плута, совершающаго цѣлый рядъ кражъ и мошенничествъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это — тѣ

же самыя свойства, которыя нужны для хорошаго сыщика и слѣдователя.

Идя послѣдовательно за своею аргументаціею, Манувріе приходитъ къ тому выводу, что иногда бываетъ очень трудно отличить такъ называемаго преступника отъ такъ называемаго честнаго человѣка и что многіе изъ тѣхъ, которые находятся на свободѣ, должны были бы быть въ тюрьмѣ, и наоборотъ.

Но, признавъ вмѣстѣ со всѣми другими учеными, что человѣкъ есть ничто иное какъ игрушка въ рукахъ внѣшнихъ силъ, по равнодѣйствующей которыхъ онъ движется въ каждый данный моментъ, что свободы воли не существуетъ, что правосудіе есть отвлеченное понятіе, въ дѣйствительности сводящееся къ воздѣйствію общества, мстящаго за потерпѣвшую личность, — послѣ всѣхъ этихъ выводовъ, такъ близко подходящихъ къ тому, что говорятъ анархисты, онъ, къ несчастью останавливается на полъ-дорогѣ и приходитъ къ заключенію, что существующія наказанія еще недостаточны и что ихъ нужно усилить. Онъ, правда, прячется при этомъ за самосохраненіе общества: преступные акты, говоритъ онъ, нарушаютъ его существованіе и оно имѣетъ право защищаться, принимая на себя месть за потерпѣвшихъ личностей и налагая на тѣхъ, кто ему мѣшаетъ, такія строгія наказанія, которыя отняли бы у нихъ охоту продолжать въ томъ же направленіи дальше.

Отъ чего же зависитъ это явное противорѣчіе между такими широкими идеями съ одной стороны и такими узкими взглядами съ другой, между выводами, требующими сохраненія извѣстныхъ учрежденій, и посылками, доказывающими ихъ нелѣпость? Увы, это противорѣчіе не составляетъ исключительнаго свойства тѣхъ людей, которые въ него впадаютъ, а зависитъ вообще отъ несовершенства человѣческаго ума.

Человѣкъ не обладаетъ всеобъемлющимъ знаніемъ; ученый, занимающійся со страстью какимъ-нибудь однимъ предметомъ, можетъ совершать чудеса въ избранной имъ области, можетъ, переходя отъ одного умозаключенія къ другому, рѣшать въ этой области самыя сложныя задачи; но такъ какъ ему нѣтъ возможности изучить такъ же хо-

рошо всѣ отрасли знанія, то онъ поневолѣ остается позади въ вопросахъ, касающихся другихъ наукъ. Поэтому, когда онъ хочетъ приложить свои, можетъ быть, очень замѣчательныя открытія къ другимъ областямъ человѣческой мысли, онъ обыкновенно дѣлаетъ это неудачно и изъ открытыхъ имъ истинъ выводитъ ложныя заключенія.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы антропологи, изучавшіе человѣка и показавшіе его истинную природу, изучали и анализировали такъ же тщательно и соціологическія явленія, если бы они точно такъ же подвергли своей критикѣ всѣ общественныя учрежденія, существующія у насъ, ихъ выводы оказались бы, несомнѣнно, совершенно иными. Разъ они признаютъ, что человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, они должны заняться отысканіемъ причинъ, создающихъ эти условія; когда они изучаютъ личность и дѣйствія такъ называемаго преступника, для нихъ должно явиться какъ необходимое условіе разсмотрѣніе природы этихъ поступковъ и тѣхъ причинъ, благодаря которымъ они оказываются во враждѣ съ общественными законами. И вотъ здѣсь-то вслѣдствіе вліянія окружающей среды, связанныхъ съ воспитаніемъ предразсудковъ и сравнительно малому знакомству съ тѣми научными вопросами, которыхъ они не изучаютъ спеціально, они и приходятъ, незамѣтно для самихъ себя, къ заключеніямъ, вполнѣ выгоднымъ для существующаго порядка вещей; правда, они признаютъ его недостатки и даже требуютъ нѣкоторыхъ улучшеній въ пользу обездоленной части общества, но никакого другого средства для этого они не находятъ, кромѣ дѣятельности правительственной власти. Въ нихъ прочно утвердилась привычка двигаться не иначе, какъ въ путахъ и подъ угрозой кнута; наиболѣе независимые умы, правда, очень хотѣли бы избавиться отъ этого гнета и избавить отъ него небольшое меньшинство избранныхъ, но они не могутъ представить себѣ, чтобы все человѣчество вообще могло существовать безъ всевозможныхъ оковъ и тюремъ.

Если мы разберемъ, какія именно преступленія составляютъ главные противуобщественные поступки, обращающіе на себя вниманіе закона, и оказывающіеся наиболѣе частыми, то мы увидимъ, что, если исключить нѣкоторыя

преступленія, совершаемыя подъ вліяніемъ страсти — очень рѣдкія и къ которымъ и врачи и судьи относятся снисходительно, — то наибольшее количество преступлений и проступковъ придется на преступленія противъ собственности. И вотъ тутъ-то является вопросъ, на который могутъ отвѣтить только тѣ, которые тщательно изучили нашъ общественный строй въ его природѣ и его проявленіяхъ: справедливо ли существованіе собственности? можно ли защищать ту общественную организацію, которая создаетъ такое количество преступленій?

Если данный общественный строй вызываетъ столько поступковъ, являющихся неизбѣжной реакціей противъ него, то онъ очевидно неразуменъ и нарушаетъ интересы очень многихъ людей; общественный договоръ здѣсь не есть уже результатъ добровольнаго и единодушнаго соглашенія, а результатъ гнета и произвола, т. е. другими словами, мы приходимъ къ тому самому выводу, который составляетъ главную мысль нашей работы. А разъ мы признали этотъ главный недостатокъ нашего общественнаго устройства, то намъ станетъ яснымъ, что для искорененія преступленій, нужно уничтожить создающій ихъ общественный строй. Устройте такъ, чтобы каждому члену общества было обезпечено удовлетвореніе его потребностей, чтобы ничто не стѣсняло его свободнаго развитія, чтобы въ общественной организаціи не было такихъ учрежденій, которыми бы онъ могъ воспользоваться для притѣсненія другихъ людей — и вы увидите, что преступленія исчезнутъ. Если же и останутся гдѣ нибудь личности, настолько испорченныя нашимъ теперешнимъ общественнымъ строемъ, чтобы совершать такіе поступки, которымъ нельзя найти другого объясненія, кромѣ сумасшествія, то эти личности станутъ тогда достояніемъ науки, а не палача — этого наемнаго убійцы на службѣ у общества, основаннаго на капитализмѣ и государственности.

Вы говорите, что боретесь съ ворами и убійцами? Но что такое, въ сущности, воръ и убійца? Вы скажете, что это люди, стремящіеся жить ничего не дѣлая, на счетъ общества. Но посмотрите кругомъ — и вы увидите, что ваше общество кишитъ ворами и что ваши законы

не только не преслѣдуютъ ихъ, но, наоборотъ, только для того и существуютъ чтобы ихъ защищать. Лѣность не только не наказывается, но наоборотъ: удовольствіе жить ничего не дѣлая выставляется какъ идеалъ и какъ награда, ожидающая тѣхъ, кто, какими бы то ни было средствами, съумѣлъ устроить себѣ легкую жизнь безъ труда.

Вы наказываете какъ вора какого-нибудь бѣдняка, который, не имѣя работы, украдетъ, рискуя каторгой, кусокъ хлѣба, чтобы утолить свой голодъ; но вы низко кланяетесь милліонеру, который захватитъ на рынкѣ, благодаря своимъ капиталамъ, какіе нибудь предметы, необходимые для потребленія всѣхъ, и станетъ потомъ продавать ихъ на 50% дороже; вы смиренно и терпѣливо стоите въ передней у какого нибудь финансиста, который въ своей биржевой игрѣ раззоритъ сотни семей, чтобы обогатиться на ихъ счетъ.

Вы наказываете преступника, который убьетъ кого-нибудь для удовлетворенія своей склонности къ лѣни и разврату, но кто внушилъ ему эту склонность какъ не ваше общество? Вы наказываете его, когда онъ совершаетъ свой поступокъ въ незначительныхъ размѣрахъ, но вы содержите цѣлыя арміи, которыя посылаете въ отдаленныя страны чтобы продѣлывать то же самое, только въ крупныхъ размѣрахъ, надъ беззащитными народами. А эксплуататоры, которые убиваютъ не одного человѣка, даже не десять человѣкъ, а цѣлыя поколѣнія, истощая ихъ работой, урѣзывая каждый день ихъ заработокъ, доводя ихъ до самой ужасной нищеты? О, на ихъ сторонѣ всѣ ваши симпатіи и, въ случаѣ надобности, вы отлично умѣете отдать въ ихъ распоряженіе всѣ силы вашего общества! А тотъ **законъ**, бдительными стражами котораго вы являетесь? Стоитъ только эксплуатируемымъ, когда имъ, наконецъ, надоѣстъ терпѣть, поднять немного голову и потребовать немного больше хлѣба и немного меньше работы, какъ вы превращаете этотъ законъ въ покорное оружіе привиллегированныхъ классовъ противъ неумѣстныхъ требованій бѣдняковъ.

Вы наказываете глупца, который попался въ ваши сѣти, но если найдется ловкій человѣкъ достаточно силь-

ный, чтобы ихъ прорвать, то вы оставите его въ покоѣ. Вы сажаете въ тюрьму бродягу, который гдѣ-нибудь по дорогѣ украдетъ яблоко, и предоставляете всю вашу судебную процедуру въ распоряженіе собственника, чтобы помочь ему украсть у бѣдняка, который долженъ ему какихъ нибудь нѣсколько рублей, всю его мебель, которая стоила ему, можетъ быть, нѣсколько десятковъ рублей и представляетъ собою сбереженія, сдѣланныя имъ втеченіе цѣлыхъ долгихъ лѣтъ.

Ваше правосудіе въ высшей степени строго къ вору въ лохмотьяхъ, но очень благосклонно къ тому, кто обкрадываетъ цѣлый классъ или цѣлый народъ. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ не для того и существуютъ всѣ ваши учрежденія, чтобы обезпечить имущимъ свободное пользованіе награбленнымъ богатствомъ?

Но что насъ еще больше возмущаетъ, это тѣ лицемѣрныя формы, въ которыя буржуазія облекаетъ свои судебныя комедіи; она не имѣетъ смѣлости продѣлывать ихъ открыто и кромѣ того хочетъ этимъ путемъ заставить насъ смотрѣть на нихъ какъ на нѣчто священное. Есть, впрочемъ, нѣчто, еще болѣе возмутительное: это — поведеніе тѣхъ комедіантовъ, которые, подъ видомъ нападенія на существующій строй, нападаютъ, въ сущности, только на лицъ, прилагающихъ его законы, и на способъ ихъ приложенія, оставляя въ неприкосновенности самую ихъ сущность; этимъ они какъ бы показываютъ, что есть много способовъ прилагать законъ и между этими способами можетъ найтись и хорошій, что среди людей, которые придутъ ко власти, могутъ оказаться люди, достаточно честные, съ достаточно широкими взглядами — однимъ словомъ, такіе люди, какихъ не бываетъ — чтобы найти этотъ хорошій способъ и пользоваться имъ ко всеобщему удовольствію. И мы, право, не знаемъ, чему больше нужно удивляться: ловкости ли тѣхъ, кто разсказываетъ намъ подобныя нелѣпости, или наивности тѣхъ, которые продолжаютъ относиться съ уваженіемъ къ этимъ комедіямъ, всю тяжесть которыхъ они несутъ на себѣ. Трудно понять, какъ среди безчисленнаго множества людей, прошедшихъ черезъ руки правосудія, до сихъ поръ не нашлось человѣка, достаточно свободнаго отъ всѣхъ

предразсудковъ, чтобы подойти къ одному изъ осудившихъ его, сорвать съ него судейскую тогу и показать всѣмъ, что подъ этими тряпками находится такой же человѣкъ, какъ и всѣ, подверженный тѣмъ же слабостямъ и тѣмъ же ошибкамъ, уже не говоря о преступленіяхъ, которыя онъ способенъ совершить ради интересовъ своей касты.

Для насъ, анархистовъ, борющихся противъ власти вообще, законность есть ничто иное какъ одна изъ тѣхъ лицемѣрныхъ масокъ, которыми прикрываютъ всевозможныя преступленія нашихъ правителей и которыя мы всего больше должны стараться сорвать. Уже и такъ слишкомъ долго этотъ божокъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ; слишкомъ долго народы думали, что судебныя учрежденія обладаютъ особой, высшей природой и витаютъ въ высшихъ сферахъ, недоступныхъ человѣческимъ страстямъ; слишкомъ долго люди вѣрили въ существованіе особыхъ личностей, какъ бы иной породы, призванныхъ воздавать на землѣ каждому по его заслугамъ на основаніи идеальнаго понятія о правосудіи. Между тѣмъ, каждый понимаетъ это правосудіе по своему, соотвѣтственно условіямъ, въ которыя онъ поставленъ; тѣ же, которые формулировали его въ сводѣ законовъ, вдохновлялись именно наиболѣе отсталыми, наиболѣе отжившими идеями, съ цѣлью защиты эксплуатаціи и порабощенія слабыхъ болѣе сильными, съумѣвшими подчинить ихъ себѣ. Пора уже порвать съ этими нелѣпыми предразсудками и начать открыто бороться противъ всѣхъ учрежденій, унижающихъ человѣческую личность: свободный человѣкъ не можетъ признать за кѣмъ бы то ни было права судить и осуждать другихъ людей. Понятіе о правосудіи въ томъ видѣ, въ какомъ оно проявляется въ существующихъ учрежденіяхъ, пало вмѣстѣ съ понятіемъ о божествѣ; одно повлекло за собою другое. Въ тѣ времена когда люди были еще настолько отсталыми, чтобы вѣрить въ сверхъестественное существо, стоящее внѣ матеріальнаго міра, занимающееся всѣмъ. что совершается на нашей планетѣ и управляющее поступками всѣхъ живущихъ на ней людей, понятіе о Богѣ, внушающемъ судьямъ ихъ приговоры, еще могло заставить повѣрить въ непогрѣшимость человѣческаго правосудія.

Но разъ вѣра въ Бога и сверхъестественный міръ исчѣзла и человѣческая личность осталась одна, со всѣми своими слабостями и страстями, то вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ исчезнуть и этотъ высшій характеръ непогрѣшимости, свойственный божеству, которымъ облекла себя судебная власть чтобы стать выше остального общества; передъ открывшимися глазами людей должно предстать то, что составляетъ ея истинное содержаніе: угнетеніе и эксплуатація одного класса другимъ, насиліе и обманъ, возведенные въ принципъ и превращенныя въ **общественныя учрежденія**.

Наука помогла намъ снять этотъ таинственный покровъ, разоблачить этого колосса, и теперь ей уже поздно возвращаться назадъ и пытаться замѣнить свергнутое божество представленіемъ о новомъ высшемъ существѣ — Общество. Нужно, чтобы ученые окончательно отдѣлались отъ своего буржуазнаго воспитанія и принялись за изученіе общественныхъ явленій съ тѣмъ же рвеніемъ и съ тѣмъ же безкорыстіемъ, которое они проявляютъ въ изученіи другихъ спеціальныхъ отраслей знанія. И вотъ тогда, когда они перестанутъ находиться подъ вліяніемъ чуждыхъ наукѣ соображеній и предразсудковъ, они не будутъ приходить къ заключенію о необходимости осужденія преступника, а скажутъ, вмѣстѣ съ нами, что нужно разрушить тотъ общественный строй, который, въ силу недостатковъ своей организаціи, ведетъ къ тому, что въ его средѣ существуетъ раздѣленіе на людей, считающихся порядочными, и людей, называемыхъ преступниками.

Глава X

ВЛІЯНІЕ СРЕДЫ.

Высказанную только что истину, впрочемъ, уже начинаютъ все больше и больше сознавать и она все больше прокладываетъ себѣ дорогу въ научномъ мірѣ, такъ что теперь оспаривать фактъ измѣненія живыхъ существъ подъ вліяніемъ среды могутъ развѣ только какіе нибудь устарѣлые представители оффиціальной науки.

Въ настоящее время всѣ признаютъ, что почва, климатъ, благопріятныя или неблагопріятныя для жизни организмовъ условія оказываютъ такое же, если не большее, вліяніе на ихъ развитіе, какъ и всѣ другія причины, которымъ прежде приписывали исключительное вліяніе на ихъ приспособленіе къ окружающему міру и на ихъ измѣненія.

Относительно человѣка, котораго хотѣли выдѣлить изъ всѣхъ остальныхъ существъ, признать это было не такъ легко, тѣмъ болѣе, что онъ, въ свою очередь, и самъ измѣняетъ ту среду, въ которой живетъ. Въ концѣ концовъ, однако, и здѣсь пришли къ заключенію, что онъ подверженъ тѣмъ же вліяніямъ и развивается въ силу тѣхъ же самыхъ первоначальныхъ причинъ, какъ и всѣ другіе организмы. Еще труднѣе было дойти до объясненія, на основаніи тѣхъ же самыхъ законовъ, его нравственной эволюціи: даже тѣ, которые отрицаютъ свободу воли и признаютъ, что человѣкъ дѣйствуетъ исключительно подъ давленіемъ внѣшнихъ условій, не могутъ до сихъ поръ принять всѣхъ послѣдствій этого, т. е. признать, что причина преступности лежитъ въ характерѣ всего существующаго строя, и что поэтому самый этотъ строй требуетъ преобразованій. Немногіе, наиболѣе смѣлые, со-

глашаются въ принципѣ съ тѣмъ, что нашъ общественный порядокъ плохъ, что онъ нуждается въ реформахъ, что нѣкоторыя изъ его учрежденій являются, дѣйствительно, причиной преступленій; но и въ ихъ глазахъ главной виновницей оказывается все таки сама природа человѣка: ей свойственны, говорятъ они, такія страсти, которыя нужно обуздывать, а это можетъ сдѣлать только общество, какъ бы значительны не были его недостатки. Чтобы смягчить отвѣтственность общества въ цѣломъ, они, кромѣ того, дѣлятъ общественную среду на нѣсколько частей, каждой изъ которыхъ точно также даютъ названіе среды и приписываютъ всѣ дурныя вліянія этимъ отдѣльнымъ частямъ. Что касается общества, говорятъ они, то, конечно, оно несовершенно; но все таки, даже въ томъ видѣ, какъ оно есть, оно защищаетъ слабыхъ, обезпечиваетъ личности свободу труда и оказываетъ ей болѣе дѣйствительную и болѣе дешевую защиту, чѣмъ если бы ей пришлось защищаться самой. Однимъ словомъ, общество — это договоръ взаимнаго страхованія, заключенный между личностями, и преступленія зависятъ гораздо больше отъ самой природы человѣка, чѣмъ отъ общественной организаціи.

Мы далеко не считаемъ человѣка образцомъ совершенства: по правдѣ сказать, это — довольно жалкое животное, которое или растаптываетъ ногами себѣ подобныхъ, или же пресмыкается передъ тѣми, кто можетъ растоптать его самого. Однако человѣкомъ руководятъ не исключительно только дурные инстинкты: всѣ тѣ прекрасныя чувства любви, милосердія, братства, самоотверженія, солидарности, которыя воспѣваются и поэзіей, и религіей, и нравственностью, показываютъ, что если онъ и дѣйствуетъ иногда подъ вліяніемъ чувствъ дурныхъ, то въ немъ все таки живетъ нѣкоторое стремленіе къ идеалу, къ совершенствованію. И вотъ это-то стремленіе общество и подавляетъ, мѣшая ему развиваться.

Человѣкъ, и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи, не создался самъ: какъ и всѣ другія животныя, высшимъ типомъ которыхъ онъ является, онъ представляетъ собою продуктъ извѣстныхъ обстоятельствъ, извѣстныхъ комбинацій и соединеній вещества. Ему при-

управляемые и неимущіе. На сторонѣ первыхъ мы находимъ избытокъ и пользованіе всѣми благами жизни, на сторонѣ вторыхъ — нужду, лишенія и недостатокъ во всемъ. Результатомъ этого является враждебность между этими двумя категоріями, враждебность, превращающаяся въ ожесточенную борьбу, которая можетъ кончиться только или съ окончательнымъ порабощеніемъ второй категоріи, или съ полнымъ уничтоженіемъ первой — по крайней мѣрѣ, какъ особаго привиллегированнаго класса.

Но это вредное и нелѣпое дѣленіе общества на два противуположные класса ведетъ еще и къ другимъ послѣдствіямъ. Лежащая въ основѣ его противуположность интересовъ ставитъ личности во враждебное отношеніе другъ къ другу даже внутри каждаго класса; существованіе частной собственности ведетъ къ тому, что каждый стремится обогатиться, чтобы обезпечить себя на будущее время, разъ общество не беретъ на себя этого обезпеченія. Въ основѣ всего современнаго строя лежитъ конкурренція: какое бы ремесло, какую бы профессію, какой бы родъ торговли не избралъ себѣ человѣкъ, ему всегда придется бороться съ конкурренціей людей, занимающихся тѣмъ же самымъ дѣломъ. Для того, чтобы увеличить свои доходы или шансы на успѣхъ, а иногда просто для того, чтобы не погибнуть, ему приходится разсчитывать на раззореніе конкуррентовъ. Даже тогда, когда люди соединяются между собою, это оказывается всегда въ ущербъ какой-нибудь долѣ ихъ собственнаго класса, занятой въ той же самой отрасли промышленности. Основываясь на борьбѣ между личностями, общество превратило каждаго человѣка во врага всѣхъ остальныхъ и сдѣлалось такимъ образомъ источникомъ всѣхъ тѣхъ войнъ, преступленій, кражъ и т. под., которыя обыкновенно приписываютъ недостаткамъ человѣческой природы, но которыя, въ дѣйствительности, представляютъ собою исключительно результатъ общественной организаціи: общество только содѣйствуетъ ихъ сохраненію, тогда какъ они должны были бы понемногу исчезать подъ вліяніемъ новыхъ пріобрѣтаемыхъ человѣкомъ нравственныхъ понятій.

По той же причинѣ и члены имущихъ классовъ посто-

янно ведутъ между собою борьбу, не видя въ чемъ состоитъ истинный интересъ ихъ класса и что нужно сдѣлать для того, чтобы опезпечить себѣ спокойную возможность заниматься эксплуатаціей и устранить все то, что можетъ показать эксплуатируемымъ истинное положеніе вещей. А это заставляетъ ихъ дѣлать множество промаховъ, только ускоряющихъ ихъ паденіе.

Если бы буржуазія была дѣйствительно сплоченной силой, если бы ею двигалъ не личный интересъ каждаго, а исключительно общій интересъ всего класса, то, при томъ могуществѣ, какое даетъ ей богатство, власть и господство надъ всѣми учрежденіями современнаго общества, административными, исполнительными и принудительными, при ея умственномъ развитіи — неизбѣжно болѣе высокомъ, чѣмъ развитіе рабочихъ, которымъ она такъ же скупо удѣляетъ духовную пищу, какъ и матеріальную — она могла бы держать эксплуатируемыхъ подъ гнетомъ нужды и зависимости, подъ которымъ они находятся теперь, еще неопредѣленно-долгое время. Но, къ счастью, жажда пользоваться удовольствіями, блистать и обогащаться заставляетъ ея членовъ вести между собою не менѣе ожесточенную борьбу, чѣмъ они ведутъ съ рабочими. Въ своей поспѣшности воспользоваться настоящимъ положеніемъ, они дѣлаютъ ошибки за ошибками, и рабочіе, въ концѣ концовъ, начинаютъ понимать причину своего бѣдственнаго положенія, начинаютъ сознавать, на какомъ низкомъ уровнѣ буржуазія стремится ихъ удержать.

Но и въ средѣ рабочихъ идетъ такая же борьба, какъ и въ средѣ буржуазіи, и если тамъ она угрожаетъ цѣлости буржуазнаго строя, то здѣсь она, наоборотъ, содѣйствуетъ его сохраненію. Вынужденные бороться за полученіе возможности заниматься каторжнымъ трудомъ въ пользу буржуазіи, рабочіе смотрятъ другъ на друга какъ на враговъ, а того, кто ихъ эксплуатируетъ, склонны, наоборотъ, считать благодѣтелемъ. Въ обмѣнъ за ихъ трудъ, буржуазія даетъ имъ лишь ровно столько, сколько нужно чтобы не умереть съ голоду; вотъ почему они склонны прежде всего смотрѣть непріязненно на того человѣка, который оспариваетъ у нихъ съ такимъ трудомъ полученную работу. Свободныхъ мѣстъ мало; это

еще больше усиливаетъ конкурренцію и заставляетъ рабочаго наниматься за болѣе низкую плату, чѣмъ другой сотоварищъ. И вотъ эта-то ежедневная борьба за кусокъ насущнаго хлѣба и заставляетъ рабочихъ забывать, что худшіе ихъ враги, это ихъ эксплуататоры.

Буржуазія, правда, сильна своимъ богатствомъ, своимъ умственнымъ превосходствомъ и находящейся въ ея рукахъ правительственной властью; но она, въ концѣ концовъ, составляетъ, сравнительно со всей массой рабочихъ, лишь ничтожное меньшинство, и ей скоро пришлось бы сдаться передъ численнымъ превосходствомъ, если бы она не нашла средства раздѣлить рабочихъ и заставить ихъ самихъ содѣйствовать поддержанію ея привиллегій.

Все это намъ показываетъ, что человѣкъ — далеко не ангелъ, а въ прошломъ былъ и вполнѣ звѣремъ, въ самомъ прямомъ значеніи этого слова. Когда онъ создалъ первое общество, онъ положилъ въ его основу инстинкты борьбы и господства; вотъ почему это общество оказалось такимъ плохимъ. Съ теченіемъ времени общественная организація не перестала быть плохой: власть продолжала оставаться въ рукахъ меньшинства, которое обратило ее въ свою пользу, и чѣмъ больше развивалось общество, тѣмъ больше сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ эта власть и тѣмъ вреднѣе становились связанныя съ нею учрежденія. Наоборотъ, въ человѣкѣ, по мѣрѣ развитія его ума и облегченія добыванія средствъ къ существованію, развивалось чувство солидарности — то самое чувство, которое уже и раньше руководило имъ при его соединеніи съ другими и которое впослѣдствіи сдѣлалось насущной потребностью. Но религія довела его до крайности, и своею проповѣдью милосердія и самоотреченія обратила и его въ новое орудіе эксплуатаціи.

Какихъ только плановъ общественныхъ преобразованій ради счастья человѣчества не создавала потребность гармоническаго общежитія! Но каждый разъ общество давило всею своею тяжестью на хорошіе инстинкты человѣка, возрождало въ немъ его первобытный эгоизмъ и заставляло смотрѣть на другихъ какъ на враговъ, которыхъ нужно раздавить чтобы не быть раздавленнымъ са-

мому; оно пріучало его быть равнодушнымъ свидѣтелемъ гибели тѣхъ, кого давили колеса чудовищнаго общественнаго механизма: онъ не могъ броситься имъ на помощь, потому что это значило рисковать самому быть проглоченнымъ ненасытною пастью чудовища, пожирающаго въ особенности добрыхъ и наивныхъ людей, руководящихся человѣколюбивыми чувствами, и щадящаго тѣхъ, которые умѣютъ втолкнуть въ пасть другихъ и этою цѣною отсрочить свою собственную гибель.

Люди возмущаются противъ тунеядцевъ, воровъ и убійцъ, противъ неисправимо-дурныхъ сторонъ человѣческой природы, и не замѣчаютъ того, что всѣ эти пороки давно бы исчезли, если бы ихъ не поддерживалъ и не развивалъ существующій общественный строй. Какъ же вы хотите, чтобы человѣкъ былъ трудолюбивымъ, когда въ нашемъ обществѣ трудъ считается унизительнымъ и составляетъ удѣлъ парій, когда эксплуататоры превратили его, благодаря своей страсти къ наживѣ, въ пытку, въ занятіе рабовъ? Какъ вы хотите, чтобы не было лѣнтяевъ, когда для всякаго человѣка, который хочетъ улучшить свое положеніе, идеалъ — это накопить, какими бы то ни было средствами, достаточно денегъ, чтобы жить ничего не дѣлая или заставлять работать на себя другихъ? И чѣмъ больше число эксплуатируемыхъ имъ рабовъ, тѣмъ выше его общественное положеніе, тѣмъ большимъ почетомъ онъ окруженъ и тѣмъ, слѣдовательно, больше та сумма наслажденій, которую онъ можетъ взять отъ жизни.

Общество построено іерархическимъ образомъ и самыя высшія положенія т. е. тѣ, на которыя смотрятъ какъ на награду за умъ, добродѣтель и трудолюбіе, составляютъ удѣлъ именно тѣхъ, кто никогда ничего самъ не дѣлалъ. Люди, которымъ удалось тѣмъ или инымъ путемъ добраться до этой верхушки, ѣдятъ, пьютъ и предаются наслажденіямъ, никогда не ударивъ палецъ о палецъ, а внизу лѣстницы стоятъ и смотрятъ на эту праздную жизнь эксплуатируемые, которые работаютъ и производятъ богатства въ потѣ лица, не получая взамѣнъ ничего кромѣ возможности не умереть съ голоду, и не имѣя другой надежды выйти изъ этого положенія кромѣ какого ни-

будь счастливаго случая. И послѣ этого еще удивляются, что люди имѣютъ наклонность жить ничего не дѣлая! Мы скорѣе удивляемся тому, что есть еще глупцы, соглашающіеся работать!

Примѣръ, который общество подаетъ отдѣльнымъ личностямъ, таковъ, что единственный возможный для нихъ идеалъ, это — создать себѣ такое положеніе, гдѣ бы они могли заставлять работать и эксплуатировать другихъ чтобы не быть эксплуатируемыми самимъ. А когда у человѣка не хватаетъ средствъ эксплуатировать людей законно, наживаясь на ихъ трудѣ, то онъ ищетъ другихъ путей. Торговля и финансовыя операціи представляютъ собою пути, дозволенные закономъ и дающіе огромные барыши, когда они производятся въ крупныхъ размѣрахъ; въ мелкихъ же операціяхъ приходится прибѣгать къ различнымъ уловкамъ, при которыхъ человѣкъ лавируетъ между различными статьями закона, а иногда и нарушаетъ ихъ, если только знаетъ, что не попадется. Надувательство и обманъ являются тутъ очень цѣнными вспомогательными средствами, благодаря которымъ предприниматель можетъ удесятерить свои барыши.

Для тѣхъ же, кто не можетъ стать въ такія условія, остается еще одно: эксплуатація человѣческой довѣрчивости — мошенничество и другія подобныя операціи. Еще ниже мы находимъ грубое воровство и убійство. Въ зависимости отъ находящихся подъ руками средствъ, отъ среды, въ которой они выросли, люди прибѣгаютъ къ тому или другому изъ указанныхъ средствъ, а иногда и соединяютъ ихъ вмѣстѣ, чтобы какъ можно дальше уберечься отъ строгости закона, считающагося защитникомъ общества.

Нужда и страданія — удѣлъ рабочихъ; тунеядство и наслажденіе жизнью — удѣлъ тѣхъ, которые, благодаря силѣ, хитрости или происхожденію, сдѣлались ихъ паразитами.

То же самое можно сказать и о солидарности. Какъ вы хотите, чтобы люди не грызлись между собою, когда они не знаютъ, чѣмъ будутъ завтра питаться сами и чѣмъ накормятъ свою семью, если та работа, на которую они надѣятся, достанется ихъ конкурренту? Какъ вы хотите,

чтобы въ нихъ жило чувство солидарности, когда всякій разъ, когда они даютъ нищему кусокъ хлѣба, они думаютъ, что можетъ быть въ будущемъ имъ недостанетъ этого куска? Какъ могутъ они поддерживать въ себѣ это чувство, когда имъ приходится каждый день бороться за свое пропитаніе, когда на свѣтѣ есть множество наслажденій, которыхъ они никогда не узнаютъ? Можетъ быть именно потребность сплотиться въ борьбѣ сблизила людей между собою и превратила это чувство въ любовь къ ближнему; но какъ бы то ни было, именно общество отвѣтственно за переживаніе борьбы между личностями и вытекающую отсюда вражду. Какъ вы хотите, чтобы человѣкъ не желалъ другому зла, когда онъ знаетъ, что исчезновеніе этого другого можетъ помочь ему подняться одной ступенью выше на общественной лѣстницѣ, или дать ему лишній шансъ на полученіе желаннаго мѣста, когда, вообще, это — устраненіе опаснаго конкуррента? Какъ можно требовать, чтобы человѣкъ сопротивлялся дурнымъ побужденіямъ, когда онъ отлично знаетъ, что все, что будетъ зломъ для его сосѣда, будетъ добромъ для него самого?

Вы говорите, что человѣкъ дуренъ; мы же, наоборотъ говоримъ, что въ немъ, должно быть, живетъ сильная наклонность къ добру, если общество не оказывается еще худшимъ, чѣмъ оно есть, если всевозможныя преступленія и несчастья не совершаются въ немъ еще чаще.

Человѣку удалось развить въ себѣ стремленіе къ солидарности, справедливости и гармоніи, наперекоръ всѣмъ вліяніямъ среды, толкающей его на зло, и вотъ эти хорошія чувства стали опять таки предметомъ эксплуатаціи для людей, живущихъ на его счетъ. Его мечты о счастьѣ, его стремленіе къ лучшему вызвало появленіе на свѣтъ цѣлаго класса паразитовъ, которые стали пользоваться этими стремленіями, суля ему ихъ осуществленіе. Мало того: эти чувства даже стали наказываться, какъ нарушающія общественный порядокъ, и не смотря на все это. человѣчество продолжаетъ стремиться воплотить ихъ въ жизнь. И послѣ этого намъ еще рѣшаются говорить о дурныхъ инстинктахъ человѣка!

Гуманныя чувства, стремленіе къ свободѣ и справед-

ливости преслѣдовались и наказывались потому, что люди, съумѣвшіе отдѣлаться отъ узкаго, жестокаго эгоизма, служащаго опорою современнаго общества, стали мечтать о томъ времени, когда настанетъ общая гармонія, и наслажденіе жизнью сдѣлается доступнымъ для всѣхъ, и задались вопросомъ о томъ, почему общество, созданное для обобщаго счастья, служитъ только для обезпеченія привиллегій небольшого меньшинства. Отсюда они вывели заключеніе, что общественная организація плоха, что она должна исчезнуть и уступить мѣсто другой, болѣе разумной. Но такъ какъ люди, пользующіеся привиллегированнымъ положеніемъ, не хотѣли уступить своихъ привиллегій, то они стали преслѣдовать эти стремленія какъ вредныя, а это дало начало новой борьбѣ, создало новые поводы для развитія дурныхъ инстинктовъ.

Разъ мы признали вредное вліяніе существующаго общества на нравственный уровень личностей, то намъ уже не трудно найти способъ устранить въ нихъ дурные инстинкты и развить хорошіе. Ваше общество, основанное на враждебности интересовъ, ведетъ къ борьбѣ между личностями и создаетъ то зловредное существо, которое мы называемъ цивилизованнымъ человѣкомъ: найдите такую организацію, которая была бы, наоборотъ, основана на самой тѣсной солидарности. Сдѣлайте такъ, чтобы личные интересы не были противуположны ни другъ другу, ни интересу общему. Сдѣлайте такъ, чтобы благосостояніе личности вытекало изъ общаго благосостоянія и въ свою очередь являлось его источникомъ. Сдѣлайте такъ, чтобы, для того чтобы жить и пользоваться жизнью, людямъ не нужно было бояться конкурренціи другихъ; сдѣлайте такъ, чтобы имъ, наоборотъ, было выгодно соединять вмѣстѣ свои силы и свои стремленія и чтобы ихъ ассоціація не могла оказаться во вредъ другимъ, сосѣднимъ, ассоціаціямъ.

Вы боитесь лѣнтяевъ — сдѣлайте трудъ привлекательнымъ. Вмѣсто того, чтобы приковывать къ нему небольшое меньшинство, для котораго онъ обращается въ пытку, уничтожьте всѣ ваши безполезныя должности и организуйте общество такъ, чтобы каждый содѣйствовалъ производству, и не подъ давленіемъ какой-нибудь власти,

а въ силу естественнаго хода вещей. Сдѣлайте трудъ полезнымъ и необходимымъ, устройте такъ, чтобъ онъ былъ гигіеническимъ упражненіемъ, а не пыткой.

Существующая общественная организація не можетъ дать ничего кромѣ войнъ, преступленій, обмана и нужды; это — результатъ существованія частной собственности и власти, результатъ вліянія среды. И если вы стремитесь къ обществу, основанному на взаимномъ довѣріи, солидарности и общемъ благосостояніи, положите въ основаніе его свободу, взаимность и равенство.

Глава XI

ПАТРІОТИЗМЪ.

Понятія о семьѣ, религіи, собственности, власти выдѣлялись понемногу изъ всей совокупности человѣческихъ понятій и постепенно принимали все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того какъ эти понятія выяснялись, они проходили, каждое въ отдѣльности, свой особый циклъ развитія и воплощались въ существованіи особыхъ сословій, имѣющихъ каждое свое назначеніе и свои привиллегіи.

Однимъ изъ первыхъ выдѣлилось, развилось и получило повсюду преобладаніе сословіе военное; даже тамъ, гдѣ ему приходилось уступить первенство духовному сословію, это послѣднее пользовалось собственно лишь почетнымъ главенствомъ, въ сущности же именно военное сословіе давало возможность тѣмъ, кто стоялъ у власти, удержать ее въ своихъ рукахъ, именно оно выбирало тѣхъ номинальныхъ или дѣйствительныхъ вождей, въ которыхъ сосредоточивалась вся сила привиллегированныхъ сословій.

Во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ интересовъ понятіе патріотизма играло очень незначительную роль. Различныя группы и племена, а затѣмъ, уже въ историческое время— различные города, боролись другъ съ другомъ; затѣмъ, одни народы стали стремиться поработить другихъ, и появилось различіе между національностями; тѣмъ не менѣе понятіе о патріотизмѣ было еще очень неяснымъ и неопредѣленнымъ. Только въ очень близкое къ намъ время мы видимъ, какъ оно зародилось и опредѣлилось и какъ оно скоро стало выше и королей, и священниковъ, и воиновъ, обративъ ихъ всѣхъ въ своихъ слугъ, въ служителей новой религіи.

Во Франціи идея патріотизма, точно также какъ и идея законности, проявилась во всей своей силѣ въ 1789 году. Это было геніальное изобрѣтеніе буржуазіи: она замѣнила авторитетъ божественнаго права авторитетомъ націи, представила его въ глазахъ рабочихъ какъ совокупность всѣхъ правъ и заставила ихъ защищать новый порядокъ вещей, внушивъ имъ, что они борятся за защиту своихъ собственныхъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно имѣть въ виду, что понятіе объ отечествѣ, о Націи, какъ говорили тогда, было скорѣе понятіемъ о народѣ, о его правахъ и его учрежденіяхъ, чѣмъ о самой территоріи. Только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, патріотизмъ съузился и измельчалъ до такой степени, что теперь онъ означаетъ исключительно любовь къ извѣстной территоріи, совершенно независимо отъ населяющихъ ее жителей и отъ существующихъ на ней учрежденій.

Но каково бы ни было содержаніе этой идеи, буржуазіи было въ высшей степени выгодно развивать и поддерживать ее, чтобы въ концѣ концовъ превратить ее въ родъ религіи, подъ защитой которой она могла бы удержать въ своихъ рукахъ власть, уже сильно подвергавшуюся критикѣ. Защита территоріи была во всякомъ случаѣ очень удобнымъ предлогомъ для сохраненія арміи, нужной для поддержанія ея привиллегій, а общее благо — неопровержимымъ аргументомъ для того, чтобы заставить содѣйствовать тому же самому и рабочихъ. Къ счастью, критическая мысль развивается и расширяется съ каждымъ днемъ; человѣкъ уже перестаетъ довольствоваться словами и хочетъ знать, что они означаютъ. Даже если ему не удается достигнуть этого сразу, онъ во всякомъ случаѣ умѣетъ уже накоплять въ своей памяти запасъ фактовъ, изъ которыхъ онъ затѣмъ дѣлаетъ логическіе выводы.

Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ слово «отечество», если мы оставимъ въ сторонѣ естественное чувство любви къ семьѣ и близкимъ и привязаность къ своей странѣ, зависящую отъ привычки жить въ ней? Для большинства изъ тѣхъ, которые рискуютъ жизнью въ разныхъ войнахъ, не зная даже ихъ причинъ, и несутъ на себѣ всю тяжесть ихъ, и какъ рабочіе и какъ солдаты, это слово не заключаетъ въ себѣ, кромѣ этого, ровно ничего. Бу-

детъ ли война удачной, или неудачной, ихъ положеніе отъ этого нисколько не измѣнится. Окажутся ли они побѣдителями или побѣжденными, они все равно не перестанутъ быть вѣчно эксплуатируемыми вьючными животными, надъ которыми буржуазія всѣми средствами стремится удержать свое господство.

Посмотримъ, въ какомъ смыслѣ употребляютъ это слово тѣ, которые больше всего говорятъ о любви къ отечеству. «Отечество», говорятъ они, «это — земля, территорія, принадлежащая тому государству, подданными котораго мы состоимъ». Но вѣдь границы государствъ произвольны и опредѣленіе ихъ зависитъ по большей части отъ исхода войнъ; политическая группировка странъ не всегда была такой, какой мы видимъ ее теперь, и если завтра нашимъ эксплуататорамъ захочется начать между собою войну, то какое нибудь одно сраженіе можетъ вновь заставить часть страны перейти подъ власть другого государства. Да развѣ не такъ происходило дѣло и всегда? Въ рядѣ войнъ различныя страны присвоивали себѣ тѣ или другія провинціи, опредѣлявшія ихъ границы, затѣмъ теряли ихъ и вновь завоевывали, такъ что патріотизмъ этихъ провинцій переходилъ то на одну, то на другую сторону и состоялъ только въ томъ, чтобы сегодня бороться подъ однимъ знаменемъ, а завтра — подъ другимъ, сегодня убивать своихъ вчерашнихъ союзниковъ и сражаться рядомъ съ завтрашними врагами. Это — первое доказательство нелѣпости патріотизма.

Да и что, вообще, можетъ быть произвольнѣе границъ? На какомъ основаніи люди, живущіе по ту сторону какой-нибудь воображаемой линіи, составляютъ другое государство, чѣмъ тѣ, которые живутъ по эту сторону? Произвольность этого такъ очевидна, что для объясненія дѣленія народовъ на различныя націи обращаются теперь къ понятію о расѣ. Но и это не имѣетъ никакихъ серьезныхъ основаній, потому что каждая изъ существующихъ національностей представляетъ собою результатъ смѣшенія многихъ расъ, очень различныхъ между собою, не говоря уже о томъ, что постоянно развивающіяся и все болѣе и болѣе тѣсныя международныя сношенія ведутъ къ постояннымъ скрещиваніямъ.

Если стать на эту точку зрѣнія, то прежнее дѣленіе Франціи на провинціи окажется, пожалуй, болѣе логичнымъ, потому что въ немъ все таки принимались въ соображеніе этническія особенности населенія; но теперь и это уже не можетъ имѣть значенія, потому что человѣчество все больше и больше объединяется, и различныя народности постепенно сливаются между собою; остаются только различія, зависящія отъ условій среды и климата и слишкомъ глубокія для того, чтобы вполнѣ исчезнуть.

Но что еще нелѣпѣе, такъ это то, что большинство людей жертвуетъ своею жизнью въ борьбѣ съ другими людьми, на которыхъ имъ указываютъ какъ на враговъ, но которыхъ у нихъ нѣтъ никакихъ особыхъ причинъ ненавидѣть, ради защиты или завоеванія земли, которая имъ не принадлежитъ и не будетъ принадлежать. Она составляетъ собственность небольшого меньшинства тунеядцевъ, и эти собственники спокойно сидятъ у себя дома въ полной безопасности, въ то время, какъ рабочіе самымъ безсмысленнымъ образомъ рискуютъ своею жизнью, отнимая съ оружіемъ въ рукахъ землю, которая послужитъ только для того, чтобы дать эксплуататорамъ возможность еще больше ихъ эксплуатировать.

Мы уже говорили о томъ, что собственность не принадлежитъ по праву тѣмъ, въ чьихъ рукахъ она находится: воровство, грабежъ и убійство, прикрытыя громкими названіями завоеваній, колонизаціи, цивилизаціи, патріотизма, съиграли въ этомъ переходѣ немаловажную роль. Мы не будемъ возвращаться здѣсь къ вопросу о происхожденіи собственности, но скажемъ только одно: если бы рабочіе были разумнѣе, то вмѣсто того, чтобы идти на войну защищать территорію, принадлежащую другимъ, они прежде всего отдѣлались бы отъ своихъ собственныхъ правителей и эксплуататоровъ, затѣмъ предложили бы сдѣлать то же самое всѣмъ остальнымъ рабочимъ, къ какой бы національности они не принадлежали, и соединились бы всѣ вмѣстѣ для общаго производства и потребленія.

Земля достаточно велика чтобы прокормить всѣхъ, и не недостатокъ мѣста, не недостатокъ пищевыхъ продуктовъ вызываетъ кровавыя войны, въ которыхъ тысячи людей

убиваютъ другъ друга ради славы и выгоды небольшого меньшинства; наоборотъ, именно эти безобразныя войны, вызванныя правительственными соображеніями, тщеславіемъ или торговой конкурренціей крупныхъ капиталистовъ, раздѣлили людей на націи; въ Средніе вѣка онѣ же служили причиной чумы и голода, уносившихъ тѣхъ, кто оставался въ живыхъ.

Но тутъ мы слышимъ возраженія буржуазныхъ шовинистовъ: «Но вѣдь если у насъ не будетъ арміи, нами завладѣютъ другія державы, которыя истребятъ насъ или поставятъ въ еще худшія условія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ мы живемъ теперь», а нѣкоторые говорятъ даже, совершенно не замѣчая сами, что становятся на патріотическую точку зрѣнія: «Мы вовсе не патріоты; мы вполнѣ признаемъ, что существующее распредѣленіе собственности дурно и что общество требуетъ преобразованій, но согласитесь, что Франція идетъ во главѣ другихъ по пути прогресса, и дать ее разбить значитъ допустить шагъ назадъ; представьте, что ее побѣдитъ какое-нибудь деспотическое государство: конецъ тогда ея свободѣ!»

Мы, конечно, не имѣемъ въ виду давать здѣсь какую-нибудь программу дѣйствій для анархистовъ на случай войны: ихъ поведеніе будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, отъ состоянія умовъ и отъ массы другихъ условій, предвидѣть которыхъ мы не можемъ; здѣсь мы расматриваемъ вопросъ только съ точки зрѣнія логики, а логика говоритъ намъ одно: разъ войны предпринимаются исключительно въ интересахъ нашихъ эксплуататоровъ, намъ не слѣдуетъ въ нихъ участвовать.

Мы уже видѣли, что, каковъ бы ни былъ источникъ власти, тотъ, кто ей подчиненъ, всегда остается рабомъ; вся исторія пролетаріата служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что «національныя» правительства, нисколько не стѣсняясь, стрѣляютъ въ своихъ «подданныхъ», если послѣднимъ вздумается потребовать себѣ нѣкоторой свободы. Не больше этого могутъ сдѣлать и иностранные эксплуататоры: нашимъ врагомъ всегда будетъ тотъ, кто нами управляетъ, къ какой бы національности онъ не принадлежалъ.

Какимъ бы предлогомъ ни прикрывалась война, въ

основанiи ея всегда лежитъ буржуазный интересъ: ведутся ли споры изъ-за политическаго преобладанiя, торговыхъ договоровъ или присоединенiя колонiй, дѣло идетъ всегда о выгодѣ привиллегированныхъ классовъ — правителей, купцовъ или промышленниковъ. И когда наши современные французскiе республиканцы хвалятся тѣмъ, что ихъ войны ведутся не изъ-за династическихъ интересовъ, потому что королевская власть смѣнилась республикой, то они просто морочатъ намъ голову: какъ будто бы для рабочаго есть какая нибудь разница въ томъ, что династическiе интересы замѣнились классовыми!

Будемъ ли мы побѣдителями или побѣжденными, мы все равно будемъ платить налоги и голодать во время безработицы, а въ старости — умирать на улицѣ или въ больницѣ. Съ какой же стати буржуа хотятъ, чтобы мы интересовались ихъ распрями? что могутъ онѣ намъ дать?

Что же касается боязни ухудшенiя положенiя и остановки прогресса въ случаѣ, если какое нибудь государство исчезнетъ, то она доказываетъ только непониманiе современныхъ международныхъ отношенiй и международнаго распространенiя идей. Можно раздробить нацiю, разбить ее на части, отнять отъ нея ея названiе — и все таки, если только ее окончательно не истребятъ, ея внутренней сущности измѣнить будетъ нельзя, потому что она зависитъ отъ характера, темперамента и природы всѣхъ вошедшихъ въ составъ ея расъ. Что же касается тѣхъ — дѣйствительныхъ или вымышленныхъ — вольностей, которыя якобы составляютъ нашу привиллегiю, то въ случаѣ объявленiя войны, онѣ были бы немедленно ограничены, соцiалистическая пропаганда была бы запрещена, правительственная власть перешла бы въ руки военныхъ и наше положенiе оказалось бы нисколько не лучшимъ, чѣмъ при какомъ угодно самодержавiи.

Итакъ, рабочему война не можетъ датъ ничего: для насъ съ ней не связано никакихъ интересовъ и намъ нечего защищать, кромѣ собственной жизни, а для этого лучше всего не рисковать ею самымъ нелѣпымъ образомъ ради выгоды нашихъ правителей и эксплуататоровъ. Для буржуазiи, война, конечно, выгодна: она позволяетъ ей держать постоянное войско для защиты существую-

щихъ учрежденій противъ народа, она даетъ ей возможность сбывать свои продукты и открывать, при помощи пушечныхъ выстрѣловъ, новые рынки; и вотъ она подписывается подъ необходимыми для войны займами, а затѣмъ оказывается, что мы, рабочіе, должны за это платиться. Пусть дерутся сами, если хотятъ: насъ это не касается. Да кромѣ того, если бы мы возстали, если бы буржуазнымъ привиллегіямъ дѣйствительно стала грозить опасность, мы очень быстро увидали бы, какъ тѣ самые люди, которые взываютъ къ нашему патріотизму, призываютъ себѣ на помощь войска своихъ собратьевъ-эксплуататоровъ изъ другихъ странъ — нѣмецкія, русскія, какія бы то ни было. Они похожи на Вольтера, котораго считаютъ своимъ духовнымъ отцомъ: онъ не вѣрилъ въ Бога, но считалъ, что религія нужна для простого народа; они, точно также, воздвигаютъ границы между своими рабами, но не обращаютъ на эти границы никакого вниманія, если рѣчь идетъ объ ихъ собственныхъ интересахъ.

Для человѣка, достойнаго этого имени, нѣтъ отечества, или, вѣрнѣе, оно для него тамъ, гдѣ онъ борется за право, гдѣ онъ живетъ и гдѣ у него есть близкіе люди, но это отечество можетъ распространяться на весь земной шаръ. Человѣчество не дѣлится на маленькія клѣтки, въ каждой изъ которыхъ сидитъ человѣкъ, смотрящій на всѣхъ другихъ какъ на враговъ; для развитой личности всѣ люди — братья и всѣ имѣютъ одинаковое право свободно жить и развиваться на нашей планетѣ — достаточно обширной и плодородной, чтобы прокормить ихъ всѣхъ.

Что же касается вашихъ условныхъ національныхъ единицъ, то рабочіе не могутъ получить отъ нихъ ничего и имъ нечего въ нихъ защищать; по какую бы сторону границы случай не заставилъ ихъ родиться, это не можетъ быть для нихъ причиной взаимной вражды. Вмѣсто того, чтобы убивать другъ друга, какъ они дѣлаютъ теперь, пусть они лучше протянутъ другъ другу руки — черезъ всевозможныя границы — и начнутъ соединенными усиліями борьбу противъ своихъ настоящихъ и единственныхъ враговъ: **власти и капитала.**

Глава XII

ПАТРІОТИЗМЪ ПРАВЯЩИХЪ КЛАССОВЪ.

Мы уже видѣли, что «патріотизмъ» есть ничто иное, какъ громкое, но пустое слово, предназначенное для того, чтобы заставить рабочихъ защищать тотъ самый строй, который ихъ угнетаетъ. Теперь мы посмотримъ, дѣйствительно ли «священная любовь къ отечеству, любовь къ родной землѣ, которую каждый человѣкъ носитъ въ своемъ сердцѣ съ самаго рожденія, такъ глубоко коренится въ душѣ разныхъ буржуа, какъ они говорятъ, зависитъ ли у нихъ эта любовь отъ чисто внутренняго чувства, какъ у рабочихъ, или наоборотъ, основывается на побужденіяхъ исключительно матеріальныхъ, на грубомъ коммерческомъ разсчетѣ. Чтобы найти отвѣтъ на это, обратимся лучше всего къ тому, что было написано ими самими, для читателей изъ ихъ же класса; мы найдемъ тамъ не мало знаменательнаго.

Если послушать ихъ, когда они обращаются къ рабочимъ, то можно подумать, что на землѣ нѣтъ ничего священнѣе понятія о родинѣ; каждый гражданинъ долженъ приносить въ жертву, ради защиты своей страны, и свою жизнь, и свою свободу; отечество — это высшее олицетвореніе общаго блага и, жертвуя собою за него, человѣкъ, въ сущности, жертвуетъ собою ради себя самого и своихъ близкихъ.

Но стоитъ только порыться въ буржуазныхъ политико-экономическихъ трактатахъ, чтобы увидать, что все это не болѣе, какъ лживыя, громкія фразы, не болѣе, какъ показныя чувства, служащія для одураченія довѣрчивыхъ людей; это — маска, которую, приходя къ себѣ домой, буржуа свободно снимаютъ въ передней.

Вотъ, напримѣръ, что говоритъ одинъ изъ ихъ оффиціально-признанныхъ авторитетовъ: «... Существованіе войны среди цивилизованныхъ народовъ искусственно поддерживается интересами господствующихъ классовъ, а также ихъ привиллегированнымъ положеніемъ, которымъ они, въ свою очередь, обязаны именно этой войнѣ»*)

Какъ видите, ничего не можетъ быть яснѣе: наши буржуа, такъ громко возмущающіеся противъ злодѣевъ — анархистовъ, которые осмѣливаются доказывать рабочимъ, что ихъ интересы противуположны интересамъ буржуазіи, сами отлично признаютъ эту противуположность, когда они говорятъ въ своей средѣ, когда они занимаются построеніемъ своей правительственной системы.

А вотъ другая фраза, еще болѣе характерная:

«.... Какъ при старомъ режимѣ никогда не было недостатка въ предлогахъ для войны, такъ нѣтъ въ нихъ недостатка и при новомъ; въ сущности же настоящей причиной войны является всегда интересъ того класса или той партіи, которая находится у власти — интересъ, который не нужно смѣшивать съ интересомъ народа или массы потребителей, потому что управляемой націи въ такой же мѣрѣ выгоденъ миръ, въ какой правящему классу или правящей партіи выгодно, наоборотъ, продолженіе войны». (Тамъ же)

Что же касается тѣхъ выгодъ, которыя приноситъ война господствующему классу, то мы находимъ объясненіе ихъ у того же автора. «Война внѣшняя», говоритъ онъ, «предполагаетъ спокойствіе внутри страны; въ это время управленіе страною дѣлается легкимъ: оппозиція молчитъ, изъ боязни быть обвиненной въ соучастіи съ внѣшнимъ врагомъ. А что можетъ быть желательнѣе этого, особенно когда оппозиція — безпокойна и когда ея силы почти уравновѣшиваютъ силы правительства! Правда, если исходъ войны неудаченъ, то

*) G. de Molinari: „Évolution politique et économique du XIX-e siècle“.

это неизбѣжно влечетъ за собою паденіе той партіи, которая ее предприняла. Но за то, если война удачна — а ее начинаютъ обыкновенно только тогда, когда разсчитываютъ на успѣхъ, — то партія, которая ее предприняла и довела до благопріятнаго конца, получаетъ на нѣкоторое время громаднѣйшій перевѣсъ. Всего этого совершенно достаточно, чтобы не упустить удобнаго случая для веденія войны, не говоря уже о разныхъ мелкихъ выгодахъ, съ нею связанныхъ». (Тамъ же)

Что касается этихъ «мелкихъ выгодъ», то вотъ въ чемъ онѣ заключаются:

«До сихъ поръ простыхъ солдатъ поставляли, обыкновенно, только низшіе классы общества, т. е. тѣ, которые пользуются наименьшимъ вліяніемъ. Достаточные же классы отдѣлывались денежными пожертвованіями, причемъ и эти, обыкновенно очень скромныя, пожертвованія съ избыткомъ вознаграждались благодаря тому, что вслѣдствіе запрещенія доступа въ армію иностранцамъ и необходимости для офицеровъ пройти черезъ военныя школы, члены этихъ классовъ получали монополію на всѣ оплачиваемыя должности военной профессіи. Съ другой стороны, если для тѣхъ, кто, по образному народному выраженію, поставляетъ «пушечное мясо», война дѣйствительно страшна, то для тѣхъ, кому удается избѣгнуть военной службы, удаленіе лишнихъ рукъ изъ земледѣлія и промышленности уменьшаетъ предложеніе труда, повышаетъ заработную плату и, такимъ образомъ, смягчаетъ связанные съ войною ужасы». (Тамъ же)

Неправда-ли, это очень рѣшительно? Какъ ясно мы видимъ здѣсь, что пресловутая «священная любовь» къ отечеству есть ничто иное, какъ любовь къ эксплуатаціи и мелкимъ барышамъ! Но этого мало: мы находимъ здѣсь рѣшительный отвѣтъ на возможныя возраженія со стороны тѣхъ, которые скажутъ, что существуетъ общественное мнѣніе, съ которымъ правительству приходится считаться, что иногда война можетъ быть справедливой и пользоваться всеобщимъ одобреніемъ, что не слѣдуетъ возставать противъ войны вообще, что въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ правительства бываютъ волею-неволею вынуждены къ ней, что, наконецъ, война есть неизбѣжное послѣдствіе нашего общественнаго строя и, сколько бы мы не протестовали противъ нея, сколько бы не скорбѣли о ея неизбѣжности, намъ все таки придется ее терпѣть. Итакъ, мы продолжаемъ цитировать дальше:

«.... Тѣмъ не менѣе, какою бы силою не обладали люди, рѣшающіе вопросъ о войнѣ или мирѣ, и какова бы не была степень вліятельности того класса, изъ котораго вербуются генералы — политическіе, административные и военные, имъ все таки приходится, какъ мы только что замѣтили, считаться до извѣстной степени съ гораздо болѣе многочисленной массой людей, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ производства, для которыхъ война является вредной; опытъ показываетъ однако, что сила сопротивленія этого мирнаго элемента далеко не соотвѣтствуетъ его численности. Огромное большинство составляющихъ его людей въ высшей степени невѣжественно, и нѣтъ ничего легче, какъ возбудить ихъ страсти и ввести ихъ въ заблужденіе относительно ихъ собственныхъ интересовъ. Люди просвѣщенные составляютъ среди нихъ ничтожное меньшинство, да и могутъ ли они провести въ жизнь свои взгляды, когда противъ нихъ такая организованная сила, какъ централизованное государство?» (Тамъ же)

Итакъ, наши буржуа нисколько не скрываютъ, что война для нихъ — не больше, какъ средство продолжать безпрепятственно эксплуатировать рабочихъ; массовыя убійства служатъ имъ для устраненія избытка рабочихъ рукъ, наводняющихъ рынокъ, войско — для доставленія выгодныхъ мѣстъ и чиновъ тѣмъ, кто иначе явился бы ихъ конкуррентами, а войны, которыя они торжественно называютъ «національными», услаждая слухъ наивныхъ людей звонкими фразами объ отечествѣ, патріотизмѣ, національной чести и т. д., составляютъ лишь предлогъ для полученія разныхъ «мелкихъ выгодъ».

«Мелкія выгоды» — вотъ цѣль всѣхъ современныхъ войнъ, ведутся ли онѣ во имя патріотическихъ чувствъ, или во имя цивилизаціи! Эта послѣдняя часто служитъ теперь (когда патріотизмъ уже начинаетъ падать) сред-

ствомъ натравить рабочихъ на безобидныя племена, которыя хотятъ обратить въ предметъ эксплуатаціи, и вся вина которыхъ заключается лишь въ томъ, что они позднѣе другихъ достигли извѣстной ступени развитія того, что называютъ современной цивилизаціей.

Предлогомъ для такой войны, какъ напримѣръ французская тунисская экспедиція, служитъ наказаніе какой-нибудь разбойничьей шайки и поддержаніе господства своей національности; настоящая же цѣль ея — открыть новое поле для сомнительныхъ финансовыхъ операцій; именно на то, чтобы предоставить большій просторъ крупнымъ аферистамъ, идутъ всѣ тѣ суммы, которыя взимаются съ рабочихъ въ видѣ налоговъ и тратятся на всевозможныя вооруженія. Ради доставленія этихъ «мелкихъ выгодъ» на счетъ новыхъ странъ открываются съ помощью пушекъ новые рынки, куда буржуазія можетъ сбывать свои никуда негодные товары; ради этого губятъ цѣлыя поколѣнія здоровой молодежи, посылая ее умирать отъ ужаснаго климата, или жертвовать своею жизнью въ борьбѣ съ людьми, которые, въ сущности говоря, только защищаютъ свой домъ и свое имущество.

Всѣ эти экспедиціи въ Сенегалъ, въ Тонкинъ, въ Конго, на Мадагаскаръ, предпринимаемыя всегда во имя цивилизаціи, которая въ дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго съ этого рода разбоемъ, все это — войны ради «мелкихъ выгодъ». У себя дома, патріотизмъ — высшая добродѣтель, а тамъ людей, виноватыхъ только въ томъ, что они защищаютъ свою страну и возстаютъ противъ пришельцевъ, которые стремятся поработить ихъ и сдѣлать предметомъ эксплуатаціи, разстрѣливаютъ или обезглавливаютъ, какъ разбойниковъ.

Мы еще вернемся къ этому, когда будемъ говорить о колонизаціи; теперь же ограничимся вопросомъ о патріотизмѣ правящихъ классовъ. Недавнія событія показали его во всемъ его безобразіи. Выдача военныхъ тайнъ, касающихся вооруженія и національной защиты, съ соучастіемъ служащихъ въ военномъ министерствѣ, самыя наглыя мошенничества, пропажа цѣлыхъ милліардовъ въ ущербъ карманамъ гражданъ и внѣшней безопасности

страны — все это не только не преслѣдовалось, но, наоборотъ, всячески прикрывалось правительствомъ съ цѣлью затушить дѣло*). Крупные заводчики — по большей части депутаты, у которыхъ во главѣ предпріятій стоятъ отставные офицеры, — оказываются поставщиками оружія, пушекъ, военныхъ кораблей, пороха и другихъ взрывчатыхъ веществъ для иностранныхъ правительствъ и продаютъ имъ всевозможныя новыя изобрѣтенія, нисколько не заботясь о томъ, не послужатъ ли они противъ ихъ собственной страны и не будутъ ли они содѣйствовать убійству тѣхъ изъ ихъ соотечественниковъ, которыхъ они, какъ правители страны, пошлютъ сражаться. Наши желѣзныя дороги, наши арсеналы, продовольствіе нашей арміи — все это находится въ рукахъ международной шайки банкировъ, какъ еврейскихъ, такъ и христіанскихъ. О буржуа! не говорите намъ лучше о своемъ патріотизмѣ: если бы вы могли превратить вашу страну въ акціи и продать ихъ въ розницу, вы тотчасъ бы сдѣлали это!

Какъ вы поступили въ 71 году, во время франко-прусской войны, закончившейся для насъ, какъ извѣстно, контрибуціей въ пять милліардовъ? Кому какъ не одной буржуазіи выгодно было уплатить эту контрибуцію, чтобы продолжать безраздѣльно заниматься эксплуатаціей страны? А между тѣмъ, кто поплатился за это? Рабочіе, потому что для покрытія контрибуціи былъ сдѣланъ заемъ, гарантированный новыми налогами, а эти налоги платятъ въ сущности одни рабочіе, такъ какъ только они работаютъ и только ихъ трудомъ создается богатство. Ловкость, съ которою этотъ фокусъ былъ продѣланъ, положительно достойна удивленія: буржуазіи нужно заплатить контрибуцію, чтобы устранить отъ господства пруссаковъ и получать всѣ налоги самой; для этого она вынуждена сдѣлать заемъ, но такъ какъ у обнищавшихъ рабочихъ денегъ нѣтъ, то подписаться на заемъ

*) Это было написано въ началѣ 90-хъ годовъ и авторъ имѣетъ здѣсь въ виду дѣло о мелинитѣ, но съ тѣхъ поръ дѣло Дрейфуса еще гораздо ярче показало нравственный уровень оффиціальныхъ защитниковъ страны.

Прим. пер.

можетъ только буржуазія, которая такимъ образомъ сама даетъ себѣ взаймы нужную сумму. Но для уплаты этого займа — капитала и процентовъ — должны будутъ втеченіи цѣлыхъ девяносто-девяти лѣтъ изнуряться на работѣ именно рабочіе, которые не получили изъ него ни одного гроша. Вотъ онъ буржуазный патріотизмъ во всемъ его великолѣпіи! И кто послѣ этого еще осмѣлится утверждать, что добродѣтель не всегда торжествуетъ!

Глава XIII

МИЛИТАРИЗМЪ.

Говоря о патріотизмѣ, намъ нельзя не затронуть и страшной язвы современной военщины. Военное сословіе образовалось, какъ мы уже видѣли, очень рано, и очень рано утвердило свое господство надъ остальными членами класса или племени, въ средѣ котораго установилось такимъ образомъ первое раздѣленіе на военныхъ и не-военныхъ: раньше всѣ безъ различія шли воевать, когда въ этомъ представлялась надобность. Нѣсколько позже внутри самого военнаго сословія произошло второе раздѣленіе — па командующихъ войскомъ и простыхъ солдатъ.

Мы не знаемъ, насколько правильно проходило человѣчество различныя стадіи своей эволюціи, т. е. переходило ли оно постепенно отъ охотничьяго быта къ пастушескому, а затѣмъ къ земледѣльческому. Оно несомнѣнно начало съ охоты, рыбной ловли и сбора дикихъ растеній и плодовъ, но проходило ли оно затѣмъ двѣ послѣдующія стадіи съ такою же послѣдовательностью, съ какою ученикъ переходитъ изъ класса въ классъ, — это далеко недостовѣрно. Мы склонны скорѣе думать, что эти три способа добывать себѣ пропитаніе соединялись такъ или иначе, смотря по условіямъ данной мѣстности, и что какое нибудь охотничье племя, напримѣръ, вполнѣ могло продолжать жить главнымъ образомъ охотой, не смотря на то, что ему былъ уже извѣстенъ способъ воздѣлыванія какого-нибудь полезнаго растенія, и лишь впослѣдствіи перейти къ скотоводству.

Какъ бы то ни было, но достовѣрно одно: военное сословіе при всѣхъ условіяхъ съумѣло сохранить за собою преобладаніе. Даже тогда, когда ему приходилось дѣ-

лить власть съ другими, оно всегда оставляло за собою главную роль и при всѣхъ, смѣнявшихъ другъ друга правительствахъ, становилось ихъ существеннѣйшей опорой.

Пока это сословіе оставалось замкнутой кастой, вербовавшей своихъ членовъ изъ своей собственной среды и ведшей войны на свой страхъ и рискъ, населеніе, хотя и страдало отъ его хищничества (такъ какъ военные не стѣснялись отбирать у крестьянина все, что вздумается), но разъ эта дань была уплочена и разъ только по сосѣдству не было никакого войска и никакого укрѣпленнаго замка, крестьянинъ могъ быть сравнительно спокоенъ; во всякомъ случаѣ, онъ не долженъ былъ отдавать лучшіе годы своей жизни на усиленіе армій своихъ же собственныхъ эксплуататоровъ.

Впослѣдствіи владѣльцы земель начали вооружать, въ случаѣ крайности, живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ; еще позднѣе вошла въ обычай вербовка солдатъ для королевскаго войска съ помощью различныхъ уловокъ и заманчивыхъ обѣщаній; наконецъ, буржуазія окончательно взвалила заботу о своей защитѣ на плечи своихъ рабовъ: она заставила рабочихъ отдавать на охрану государствующаго класса извѣстную часть своей молодости и такимъ образомъ вполнѣ усовершенствовала военную систему. Но такъ какъ дать рабочимъ въ руки оружіе и сказать имъ просто «защищайте меня, а я въ это время буду наслаждаться жизнью» было слишкомъ опасно, то буржуазія создала въ подспорье себѣ культъ патріотизма.

И вотъ, благодаря этой лжи, ей удалось заставить рабочихъ втеченіи долгаго времени безропотно платить «налогъ крови»; благодаря этому софизму она могла систематически отнимать у цѣлаго ряда поколѣній самую здоровую, самую цвѣтущую молодежь и посылать ее на физическую и нравственную гибель въ тюрьмы, носящія названіе казармъ; и никто не думалъ сопротивляться: никто не спросилъ, по какому-же праву требуютъ отъ людей, чтобы они на цѣлые семь, пять или три года своей жизни превращались въ автоматовъ, въ безсознательныя орудія убійства, въ пушечное мясо.

Впрочемъ, нѣтъ: отдѣльные протесты были всегда, дезертирство и уклоненіе отъ воинской повинности — явле-

нія, вѣроятно такія же старыя, какъ и сами постоянныя арміи. Но они не основывались ни на какомъ разумномъ убѣжденіи; совершавшіе ихъ люди не руководились сознаніемъ права своей личности, а дѣйствовали скорѣе подъ вліяніемъ чувства отвращенія къ военной службѣ — чувства, которое они вовсе не трудились разбирать. Мало того: даже тѣ голоса, которые раздавались противъ войны и милитаризма въ литературѣ, обусловливались исключительно непосредственнымъ чувствомъ, а не основывались, или основывались лишь въ очень незначительной мѣрѣ на логическихъ выводахъ, на соображеніяхъ о человѣческой природѣ и правахъ личности.

Буржуазія и ея литературные панегиристы пѣли такія громкія хвалы во славу патріотизма и войска, употребляли на восхваленіе ихъ столько лжи и софизмовъ, что въ концѣ концовъ люди окончательно перестали сомнѣваться въ дѣйствительности существованія прославляемыхъ добродѣтелей: войско стало безусловно считаться олицетвореніемъ всевозможныхъ прекрасныхъ качествъ, вмѣстилищемъ всѣхъ гражданскихъ доблестей. Не было такого романа, гдѣ не фигурировалъ бы старый служака— образецъ неподкупной честности, беззавѣтно преданный своему генералу, у котораго онъ служилъ когда-то деньщикомъ, сопровождая его во всѣхъ перипетіяхъ его жизни; онъ охраняетъ его отъ козней невидимыхъ враговъ и наконецъ жертвуетъ жизнью ради спасенія своего господина; иногда, для разнообразія, онъ спасаетъ ребенка-сироту, втайнѣ воспитываетъ изъ него героя и, наконецъ, указываетъ ему средства возвратить себѣ былое состояніе, отнятое врагами его семьи.

Чего только не говорили поэты для восхваленія доблестей, свойственныхъ военному сословію: военная честь, вѣрность, самоотверженіе, честность — являлись еще самыми малыми изъ ихъ добродѣтелей. И только когда буржуазія сдѣлала такой промахъ, что заставила всѣхъ гражданъ проводить болѣе или менѣе долгое время на военной службѣ — только тогда стали замѣчать, что подъ блестящей мишурой, которой облекали своего идола писатели и поэты, не скрывается ничего, кромѣ нравственной порчи. Допущеніе одногодней службы для добро-

вольцевъ и періодическое отбываніе воинской повинности втеченіи двадцати восьми дней, сильнѣе подорвали милитаризмъ, чѣмъ все, что говорилось противъ него до того времени.

Пока только одинъ рабочій народъ отдавалъ свою молодость на отупляющую жизнь въ казармѣ, пока въ публикѣ знали только внѣшнюю, декоративную сторону военнаго дѣла — блескъ, бой барабановъ, красивые мундиры, развѣвающіяся знамена, бряцаніе оружія — однимъ словомъ, все то внѣшнее великолѣпіе, которымъ оно облекается, когда показывается народу, — до тѣхъ поръ литература содѣйствовала его возвеличенію, вносила и свою лепту лжи въ прославленіе этого безобразнаго явленія.

Но когда писатели познакомились съ нимъ ближе, когда имъ пришлось испытать на себѣ дѣйствіе отупляющей дисциплины и грубое обращеніе начальства, преклоненіе передъ арміей исчезло: они начали срывать съ нея ея покровы, начали оспаривать тѣ добродѣтели, которыми украсили ее ихъ предшественники, и солдатъ (все равно — простой солдатъ, или офицеръ) явился передъ публикой въ его настоящемъ видѣ — въ видѣ грубаго, пьянаго животнаго, безсознательнаго орудія въ чужихъ рукахъ.

И дѣйствительно, нужно самому побывать въ этомъ аду, чтобы понять, сколько долженъ выстрадать въ немъ чувствующій человѣкъ; нужно самому поносить мундиръ, чтобы увидать, сколько низости и глупости подъ нимъ кроется.

Разъ только вы сдѣлались солдатомъ, вы уже не человѣкъ, а автоматъ, обязанный безпрекословно повиноваться тому, кто надъ вами командуетъ. У васъ въ рукахъ ружье — и, не смотря на это, вы должны терпѣливо сносить всѣ грубости офицера, который вымещаетъ на васъ свое дурное расположеніе духа или свой винный угаръ. За какое нибудь слово, за какой нибудь жестъ вы можете поплатиться всею жизнью или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькими годами своей свободы. Каждую субботу вамъ предусмотрительно читаютъ военное уложеніе о наказаніяхъ, гдѣ слова «смертная казнь» повторяются на каждомъ шагу; эти слова будутъ всплывать въ вашемъ умѣ всякій разъ, когда у васъ въ душѣ закипитъ негодованіе.

Но что больше всего способно вывести человѣка изъ терпѣнія, это всевозможныя мелочи и придирки. Если кто-нибудь изъ вашего начальства имѣетъ что нибудь противъ васъ, или если онъ просто грубый и тупой человѣкъ, то онъ двадцать разъ въ день найдетъ случай придраться къ вамъ, ради одного удовольствія сдѣлать вамъ непріятность: при перекличкѣ, за какой-нибудь плохо вычищенный ремень, за какую нибудь пуговицу, которая меньше блеститъ, чѣмъ остальныя, за какія нибудь подтяжки, которыя вы забыли надѣть, васъ будутъ осыпать бранью, посадятъ подъ арестъ, начнутъ подвергать безконечнымъ осмотрамъ, изслѣдовать весь вашъ костюмъ, до нижняго бѣлья. То же самое и въ казармѣ: постель не совсѣмъ хорошо постелена — ругань: «чтобы кровати были какъ билліарды!» кричатъ вамъ постоянно — и эту ужасную фразу хорошо помнятъ всѣ, кому пришлось пройти черезъ казарму; одежда плохо уложена на полкѣ — опять ругань; самое же главное искусство заключается въ томъ, чтобы солдатъ умѣлъ вычистить подошвы запасной пары сапогъ, висящей у него подъ кроватью такъ, чтобы не запачкать ваксой шляпки вбитыхъ въ подошву гвоздей.

А безконечные осмотры! По субботамъ — осмотръ оружія, причемъ вы опять слышите тѣ же замѣчанія и ту же ругань — «подлецъ», «свинья», и другія столь же любезныя выраженія. Затѣмъ, въ видѣ разнообразія, капитанъ приходитъ осматривать у васъ руки и ноги, чтобы убѣдиться въ ихъ чистотѣ. Наконецъ, разъ въ мѣсяцъ вы должны терпѣть нѣчто еще худшее — такъ называемый санитарный осмотръ, гдѣ полковой живодеръ осматриваетъ самые сокровенныя части вашего тѣла. До вашей чувствительности, до вашей щепетильности никому нѣтъ дѣла: все это тотчасъ же растаптывается грубымъ сапогомъ тѣхъ, кто поставленъ командовать надъ вами.

«Армія — школа равенства», говорятъ намъ подкупные слуги буржуазіи; но это — равенство въ порабощеніи, и не къ такому равенству мы стремимся. Но вернемся къ безконечнымъ смотрамъ: каждые три мѣсяца — или каждые полгода, не помню въ точности — вамъ производитъ смотръ какой-нибудь высшій офицеръ, а разъ въ

годъ — дивизіонный генералъ. За двѣ недѣли до этого послѣдняго событія въ казармѣ все перевертывается вверхъ дномъ — чистятъ всѣ помѣщенія, моютъ кухни. Въ видѣ развлеченія, вы имѣете опять таки смотры: сегодня является унтеръ-офицеръ, завтра — офицеръ, командующій полувзводомъ, послѣ-завтра — капитанъ, затѣмъ полковой командиръ, и такъ до безконечности. И каждый разъ вы должны раскладывать на кровати весь свой багажъ: прежде всего осторожно разстилается носовой платокъ, который тщательно приберегаютъ для этого случая; на него кладутся щетки, смѣна обуви, кальсоны (которые тоже являются на сцену только въ этотъ день) рубашка, свернутая извѣстнымъ образомъ и опредѣленной длины, ночной колпакъ, коробка съ саломъ, пузырекъ съ жидкостью для чистки мѣди, игольникъ, нитки и ножницы. Для того, чтобы солдаты раскладывали все это въ надлежащемъ порядкѣ, на стѣнѣ висятъ указанія, съ которыми приходится постоянно справляться, чтобы знать, куда положить пузырекъ съ жидкостью для чистки, или еще какой-нибудь, столь же важный, предметъ. Каждая вещь должна быть на своемъ мѣстѣ; иначе, если офицеръ замѣтитъ какую-нибудь неправильность, на васъ посыпится градъ ругательствъ. Вѣдь за подобную небрежность мало смертной казни! Представьте себѣ только, какой ужасъ былъ бы, если бы пузырекъ оказался на мѣстѣ коробки съ саломъ! Вѣдь узнай это генералъ — Франція окончательно погибла бы! Мы уже говорили, въ чемъ заключается главное искусство; но здѣсь оно достигаетъ своей высшей точки: васъ заставляютъ чистить ваксой ножки кровати!*)

Въ этихъ смотрахъ, производимыхъ генераломъ, обнаруживается все раболѣпство не только низшихъ, но и высшихъ офицеровъ. Какъ только доходитъ вѣсть о

*) Вообще, вакса играетъ въ полковой жизни большую роль. Мнѣ вспоминается одинъ ротный командиръ морской пѣхоты, который однажды объявилъ солдатамъ, что у него остались свободныя суммы, и что, поэтому, количество провизіи, отпускаемой на каждаго солдата будетъ увеличено, такъ что они на другой же день могутъ получить сверхштатное количество . . . . ваксы и воска!

приближеніи генерала, вы видите, какъ всѣ эти офицеры, такіе высокомѣрные, когда имъ приходится говорить съ солдатомъ, вытягиваются въ струнку и смиренно слѣдуютъ за генераломъ, а генералъ — если только онъ не совсѣмъ дряхлъ — выступаетъ впереди, гордо выпрямившись. И съ какой яростью устремляются всѣ глаза на несчастнаго солдата, который какъ-нибудь дастъ поводъ къ замѣчанію со стороны высшаго начальства! Какой ужасъ! всѣ офицеры внѣ себя: солдату не хватаетъ иголки, или же онъ забылъ, что вчера кончились тѣ двѣ недѣли, втеченіи которыхъ мундиръ нужно застегивать слѣва направо и что теперь онъ долженъ быть застегнутъ справа налѣво! Полковой командиръ отъ ярости не можетъ произнести ни слова, подполковникъ готовъ лопнуть отъ злости, капитанъ зеленѣетъ отъ страха; одинъ только унтеръ ничего не говоритъ, потому что знаетъ, что ему достанется отъ всѣхъ. Его положеніе — ясно; правда, онъ можетъ утѣшаться тѣмъ, что выместитъ все на виновномъ.

Когда не предвидится никакихъ смотровъ, вы имѣете другого рода развлеченіе: въ четыре часа, обыкновенно по субботамъ, солдатъ сзываютъ на работу, которая состоитъ въ томъ, чтобы ходить по казарменному двору и собирать въ кучу разбросанные тамъ камни. Послѣ часа этого пріятнаго времяпрепровожденія, вы вновь возвращаетесь въ казарму, а сложенныя вами кучки камней втеченіи всей недѣли разбрасываются проходящими по двору, такъ что въ слѣдующую субботу вы начинаете работу съизнова. Военная жизнь изобилуетъ такими остроумными развлеченіями.

Иногда вечеромъ, послѣ столь полезно проведеннаго дня, вамъ захочется, можетъ быть, побесѣдовать со своими товарищами по заключенію; но вы скоро увидите, что ихъ разговоры далеко не способны поддержать бодрость человѣка или внушить ему высокія мысли. Вотъ вы замѣчаете нѣсколько человѣкъ, которые смѣются до упаду; вы подходите, ожидая услышать что-нибудь остроумное, и что же? Какой-то болванъ разсказываетъ неприличную исторію, глупую и банальную. Вы съ отвращеніемъ отворачиваетесь, и попадаете въ другую группу,

гдѣ, захлебываясь отъ удовольствія, вспоминаютъ прошлыя попойки или мечтаютъ о будущихъ, которыя они себѣ устроятъ, если удастся обманомъ вытянуть денегъ у родственниковъ. Вы не найдете ничего, кромѣ пьянства и грязнаго разврата; напрасно-бы вы стали говорить о чемъ нибудь другомъ! васъ никто не пойметъ. Другихъ удовольствій для нихъ не существуетъ. Не удивительно послѣ этого, что среди людей, проведшихъ три года въ этой обстановкѣ, оказывается столько кандидатовъ на должность полицейскихъ и жандармовъ. Войско есть ничто иное, какъ школа деморализаціи, изъ которой могутъ выходить только сыщики, тунеядцы и пьяницы. Лишь очень немногимъ удается устоять противъ отупляющаго вліянія этихъ трехъ лѣтъ, да и у тѣхъ еще долго остаются слѣды этого вліянія.

Какъ страшно разбиваетъ человѣка эта грубая, отвратительная дисциплина! Какъ она притупляетъ мозгъ, портитъ характеръ, убиваетъ энергію! Вы отдаете этой ужасной машинѣ молодого человѣка съ душею, открытою для всего справедливаго и прекраснаго, съ энергіей, которая бы еще выработалась въ ежедневной жизненной борьбѣ, съ умомъ, который расширился бы въ будущемъ, и подъ вліяніемъ уже пріобрѣтенныхъ знаній, и подъ вліяніемъ потребности учиться дальше; но дисциплина точно одѣваетъ на него чугунную шапку, которая съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе сдавливаетъ его мозгъ; даже біеніе его сердца замедляется. И когда, послѣ трехъ лѣтъ, эта іерархическая машина отдастъ вамъ его—если только отдастъ—то передъ вами будетъ лишь безформенное подобіе человѣческаго существа.

Безчувственные буржуа! Мы уже видѣли, что защита страны, къ которой вы насъ готовите, есть ничто иное, какъ организація вашихъ привиллегій; военная служба, которую вы возводите во всеобщую обязанность, точно также существуетъ только ради вашей защиты, а между тѣмъ вы возлагаете всю тяжесть ея на тѣхъ, противъ кого эта сила направлена и кто, такимъ образомъ, кромѣ всего остального, даетъ возможность тѣмъ изъ вашихъ, которые не способны ни на какое другое, болѣе осмысленное, занятіе, получать въ изобиліи чины, почести и круп-

ныя жалованія. Эти же чины и деньги служатъ приманкой для честолюбія тѣхъ людей, которые измѣняютъ своему собственному классу, чтобы сдѣлаться тюремщиками на службѣ у буржуазіи.

Что намъ за дѣло до вашего патріотизма, до вашихъ границъ, до вашего искусственнаго раздѣленія народовъ! Ваше отечество насъ эксплуатируетъ, ваши границы насъ давятъ, ваши національности намъ чужды. Мы — люди, граждане всего міра; всѣ люди для насъ — братья, и наши единственные враги, это тѣ, кто насъ эксплуатируетъ, кто мѣшаетъ намъ свободно развиваться и прилагать наши силы. Мы не хотимъ больше быть игрушкой въ вашихъ рукахъ, не хотимъ больше служить защитниками вашихъ привиллегій, не хотимъ носить постыдную лакейскую ливрею на вашей военной службѣ, не хотимъ подчиняться отупляющему гнету вашей дисциплины. Довольно ужъ мы гнули передъ вами шею, мы хотимъ, наконецъ, быть свободными!

А вы — бѣдняки, которымъ еще предстоитъ отбываніе воинской повинности, неужели, читая въ газетахъ о несправедливостяхъ, совершаемыхъ во имя дисциплины, слушая разсказы о притѣсненіяхъ, жертвою которыхъ становятся тѣ, кто имѣлъ глупость позволить взять себя въ солдаты, — неужели вы не задумаетесь надъ тѣмъ, что ждетъ васъ въ казармѣ? Если вы до сихъ поръ видѣли жизнь солдата лишь сквозь дымъ фиміама, который курятъ военщинѣ буржуазные поэты и писатели, неужели вы не поймете, наконецъ, всю ложь, которая заключается въ этомъ воспѣваніи на всѣ лады военныхъ добродѣтелей, солдатской чести, военнаго достоинства!.. Идите, несчастные бѣдняки, губить ради магическаго слова «патріотизмъ» или же изъ страха военнаго суда, лучшіе годы своей молодости въ той школѣ испорченности, которую называютъ казармой, — идите, но знайте, какая участь васъ ждетъ.

Если вы хотите благополучно окончить срокъ вашей военной службы, оставьте дома, вмѣстѣ съ штатскимъ платьемъ, всякое чувство собственнаго достоинства; скройте въ самой глубинѣ вашего сердца всякое стремленіе къ независимости: военныя добродѣтели, военная

честь требуютъ, чтобы вы были не больше, какъ машиной для убійства, какъ безсознательнымъ автоматомъ, а если вы все таки нечаянно сохраните гдѣ-нибудь въ глубинѣ души, подъ лакейской ливреей, въ которую васъ одѣнутъ, хоть малѣйшій признакъ гордости, это легко можетъ оказаться для васъ гибельнымъ.

Если какому нибудь грубому пьяницѣ вздумается васъ оскорбить и если при этомъ на его мундирѣ нашиты погоны — постарайтесь тщательно скрыть движеніе мускуловъ вашего лица, когда они, помимо вашей воли передергиваются отъ чувства обиды; если вы подняли руку, чтобы опустить ее на лицо вашего оскорбителя, приложите ее скорѣе военнымъ жестомъ къ козырьку вашей фуражки. Если вы открыли ротъ, чтобы отвѣтить на угрозу или оскорбленіе, скажите, вмѣсто этого, только: «Слушаю, ваше благородіе». Или, нѣтъ, лучше не говорите ничего: малѣйшій жестъ, малѣйшее слово, малѣйшій признакъ волненія могутъ быть истолкованы какъ выраженіе ироніи и навлечь на васъ кару за недостатокъ почтенія къ начальству. Каково бы ни было оскорбленіе, — вы должны совладать съ своимъ гнѣвомъ, должны оставаться нечувствительнымъ, спокойнымъ, невозмутимымъ. Руки по швамъ, каблукъ къ каблуку! Отлично! Вы терпѣливо, глазомъ не моргнувъ, сносите оскорбленія? Прекрасно, вы — хорошій солдатъ! Это именно то, что требуется отъ защитниковъ отечества.

«Но», скажете вы, «если я не могу оставаться невозмутимымъ, если, помимо моей воли, кровь приливаетъ мнѣ къ мозгу и все начинаетъ во мнѣ кипѣть?» Тогда есть только одно средство: не идти въ эту каторгу, изъ которой вы выйдете испорченнымъ, забитымъ, уничтоженнымъ. Если вы хотите остаться человѣкомъ, не идите въ солдаты, если вы не умѣете сносить оскорбленія, не надѣвайте мундира. Если же вы уже сдѣлали эту оплошность и если когда нибудь вы окажетесь въ такомъ положеніи, что не сможете сдержать своего негодованія. . . . то не оскорбляйте и не бейте своего начальника: лучше убейте его прямо! Вы одинаково поплатитесь за это!

Глава XIV

КОЛОНИЗАЦІЯ.

Колонизація — этотъ ублюдокъ патріотизма и торгашескаго духа, этотъ вооруженный разбой правящихъ классовъ, — получила въ наше время такое развитіе, что намъ неизбѣжно приходится посвятить ей отдѣльную главу.

Если какой-нибудь частный человѣкъ заберется въ квартиру сосѣда, разобьетъ все, что попадется ему подъ руку и возьметъ все, что захочется взять, его назовутъ преступникомъ и «общество» его осудитъ. Но если какое-нибудь правительство станетъ въ такое положеніе, что для его внутренней политики необходимо найти внѣшнее отвлеченіе, если у него въ странѣ слишкомъ много незанятыхъ рабочихъ рукъ, отъ которыхъ оно не знаетъ какъ избавиться, и товаровъ, которые оно не знаетъ куда сбыть, то оно можетъ безнаказанно начать войну съ какими нибудь далекими племенами, слишкомъ слабыми, чтобы ему сопротивляться; оно можетъ завладѣть ихъ страной, эксплуатировать ихъ, навязывать имъ свои товары, а въ случаѣ, если они попытаются стряхнуть съ себя гнетъ этой эксплуатаціи — можетъ безжалостно истребить ихъ. Все это будетъ считаться вполнѣ нравственнымъ. Разъ только эта операція производится въ крупныхъ размѣрахъ, всѣ честные люди должны вполнѣ ее одобрять; это уже не будетъ ни грабежемъ, ни убійствомъ, потому что для прикрытія безчестныхъ поступковъ, когда ихъ совершаетъ все общество въ цѣломъ, существуетъ вполнѣ приличное названіе: это называется «цивилизовать» отсталыя человѣческія племена!

Мы нисколько не преувеличиваемъ. Какой-нибудь народъ считается способнымъ къ колонизаціи тогда, когда ему удалось выжать изъ данной страны все то количе-

ство продуктовъ, которое она можетъ дать; такъ Англія—страна колонизаторская, потому что она умѣетъ выжать изъ колоній все, что нужно для обезпеченія благосостоянія отправляющихся туда англичанъ и, кромѣ того, умѣетъ обогащать казну собираемыми съ этихъ колоній налогами. Въ Индіи, напримѣръ, англичане наживаютъ громадныя состоянія; правда, страна опустошается отъ времени до времени страшнымъ голодомъ, уносящимъ сотни тысячъ людей, но какое англичанину дѣло до этихъ подробностей, разъ онъ можетъ сбывать свои товары и получать такіе доходы, которыхъ Великобританія ему дать не въ состояніи? Это называется благами цивилизаціи.

Иначе обстоитъ дѣло во Франціи: французы — плохіе колонизаторы. Не думайте, однако, что они меньше грабятъ и эксплуатируютъ мѣстное населеніе, нисколько: они просто не такъ практичны. Вмѣсто того, чтобы изучать жизнь завоеванныхъ народовъ, они отдаютъ ихъ въ распоряженіе военной власти и сразу заставляютъ подчиниться строю, господствующему въ метрополіи. Если же населеніе не можетъ приспособиться къ этому, тѣмъ хуже для него: что за бѣда, если даже оно и будетъ понемногу вымирать подъ давленіемъ непривычныхъ для него учрежденій? А если оно будетъ сопротивляться, на него устроятъ охоту, какъ на дикихъ звѣрей; грабежи станутъ тогда не только дозволеннымъ, но и выгоднымъ дѣломъ, и получатъ названіе навѣговъ.

На беззащитное населеніе натравляютъ солдатъ, въ которыхъ тщательно развиваютъ звѣрскіе инстинкты и которые поэтому позволяютъ себѣ продѣлывать все, на что только способенъ разъяренный звѣрь: насилуютъ женщинъ, убиваютъ дѣтей, жгутъ цѣлыя деревни, разгоняютъ жителей, которые, чтобы спастись, убѣгаютъ куда нибудь въ пустыню и тамъ неизбѣжно мрутъ отъ голода. И все это считается вполнѣ естественнымъ и дозволительнымъ: это цивилизованный народъ насаждаетъ такимъ образомъ культуру у дикарей!

Но если мы внимательно присмотримся къ тому, что происходитъ вокругъ насъ, то это нисколько не покажется намъ ни удивительнымъ, ни ненормальнымъ: при существующемъ общественномъ строѣ, подобные «по-

двиги» непремѣнно должны пользоваться полнымъ одобреніемъ и поощреніемъ буржуазнаго міра. Для буржуазіи это разбойничество очень выгодно: оно служитъ ей предлогомъ для содержанія постоянныхъ армій и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ офицерамъ возможность упражняться въ убійствѣ и набивать себѣ руку для будущей болѣе серьезной «работы»; сама же эта армія является пристанищемъ для цѣлой массы глупыхъ и никуда не годныхъ людей, которыхъ бы иначе буржуазія не знала куда дѣвать и которые теперь становятся, за нѣсколько аршинъ погоновъ, самыми ярыми ея защитниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, завоеванія создаютъ очень благопріятныя условія для всевозможныхъ сомнительныхъ финансовыхъ операцій, имѣющихъ цѣлью воспользоваться сбереженіями разныхъ довѣрчивыхъ людей, только и ищущихъ что подобнаго рода предпріятій; они даютъ возможность захватить земли побѣжденныхъ, а кстати, благодаря тѣмъ массовымъ убійствамъ, которыя съ ними сопряжены, избавляютъ буржуазію отъ мѣшающаго ей дома излишка рабочихъ. Мало того: завоеванной странѣ «нужна» администрація, а это даетъ мѣста цѣлой арміи карьеристовъ и паразитовъ бюджета, которая иначе могла бы оказаться стѣснительной. И при всемъ томъ, буржуазія получаетъ въ свое распоряженіе цѣлыя племена, которыя она можетъ эксплуатировать, принуждать работать на себя, заставлять пріобрѣтать свои продукты, даже истреблять, не отдавая въ этомъ никому отчета. Понятно, что, въ виду такихъ выгодъ, колебаться не приходится; французская буржуазія отлично поняла это и съ увлеченіемъ кинулась въ колоніальныя предпріятія.

Но что, въ самомъ дѣлѣ, удивительно и возмутительно, такъ это то, что находятся еще рабочіе, которые одобряютъ подобныя преступленія и безъ всякихъ угрызеній совѣсти содѣйствуютъ имъ, совершенно не понимая, какая явная несправедливость заключается въ томъ, чтобы истреблять цѣлое населеніе въ его собственной странѣ ради подчиненія его чуждому ему строю жизни. Мы заранѣе знаемъ все то, что намъ отвѣтятъ, что отвѣчаютъ обыкновенно, если кто-нибудь начнетъ возмущаться какимъ-нибудь особенно бьющимъ въ глаза фактомъ: «Они

возмутились, стали убивать нашихъ — не можемъ же мы этого стерпѣть . . . . Это — дикари, ихъ нужно цивилизовать . . . . Этого требуютъ интересы торговли . . . . Можетъ быть, мы и дѣйствительно напрасно затѣяли это дѣло, но колоніи теперь уже стоили намъ такъ много и людей и денегъ, что мы не можемъ отказаться отъ нихъ, и т. д., и т. д.»

«Они возмутились, стали убивать нашихъ» — ну такъ что-же? Зачѣмъ было идти къ нимъ? Почему не оставили ихъ въ покоѣ? Развѣ они насъ просили о чемъ нибудь? Имъ хотятъ навязать законы, которые имъ не нравятся — они возмущаются и отлично дѣлаютъ, а если при этомъ въ борьбѣ погибаютъ люди, то что же дѣлать? имъ не слѣдовало содѣйствовать подобнымъ предпріятіямъ.

«Это — дикари, ихъ нужно цивилизовать»; но просмотрите исторію всѣхъ завоеваній и скажите, кто оказывался всегда большимъ дикаремъ: тотъ ли, кого такъ называютъ, или «цивилизованный» человѣкъ? Кого слѣдовало бы больше цивилизовать: завоевателей, или безобидныхъ туземцевъ, которые, по большей части, встрѣчали новыхъ пришельцевъ съ распростертыми объятіями и которыхъ, въ награду за это, мучили и истребляли? Просмотрите исторію завоеванія Америки испанцами, Индіи — англичанами, Африки, Кохинхины и Тонкина — французами, и вы увидите, стоитъ ли прославлять такую цивилизацію. А въ исторіи разсказываются только крупные факты, оставившіе въ ней слѣды по своей важности; что-же было бы, если бы передъ вами нарисовали картину всѣхъ мелочей, проходящихъ незамѣтными, всѣхъ гнусныхъ подробностей, которыя, вообще, тонутъ въ массѣ болѣе важныхъ событій? Вы тогда, навѣрное, отвернулись бы съ отвращеніемъ.

Мнѣ пришлось нѣкоторое время прослужить въ морской пѣхотѣ и я много разъ слышалъ различные разсказы, изъ которыхъ ясно видно, что, являясь въ завоеванную страну, солдатъ считаетъ себя полнымъ хозяиномъ ея. Мѣстное населеніе для него не болѣе, какъ вьючный скотъ, которымъ онъ можетъ управлять, какъ хочетъ, у котораго можетъ отнимать все, что ему вздумается; горе тому туземцу, который попробуетъ сопротивляться: онъ быстро узнаетъ,

что здѣсь нѣтъ другого закона, кромѣ грубой силы; учрежденія, которыя служатъ для защиты собственности въ Европѣ, не дѣйствуютъ подъ инымъ градусомъ широты. Солдата поощряютъ въ этомъ и офицеры, сами подающіе ему примѣръ, и администрація, дѣлающая изъ него надсмотрщика за туземцами, которыхъ она заставляетъ работать. Вамъ разсказываютъ о самыхъ возмутительныхъ поступкахъ, какъ о совершенно естественныхъ, и если вы скажете — по поводу, напримѣръ, того, что туземцы возстали и начали убивать своихъ притѣснителей — что они вполнѣ правы, то васъ встрѣтятъ возгласами удивленія: «Какъ! вѣдь мы — хозяева въ странѣ, должны же они намъ повиноваться! Вѣдь если ихъ оставить такъ, они всѣ взбунтуются и прогонятъ насъ, и послѣ всѣхъ принесенныхъ жертвъ — и людей, и денегъ — Франція потеряетъ страну и останется безъ колоній!»

Вотъ до чего доводитъ умы рабочихъ дѣйствіе отупляющей военной дисциплины: они сами терпятъ отъ той же несправедливости, отъ того же гнета, который съ ихъ помощью ложится на другихъ, и тѣмъ не менѣе не понимаютъ всей возмутительности своей роли; они становятся безсознательными орудіями угнетенія, и не только не отдаютъ себѣ отчета въ низости и глупости своего положенія, но даже гордятся имъ.

Что же касается интересовъ торговли, то здѣсь именно корень всего остального: господа капиталисты не знаютъ, куда сбыть свои товары, и не могутъ придумать ничего лучшаго, какъ только объявить войну какимъ-нибудь несчастнымъ народамъ, не могущимъ защищаться, и навязать имъ затѣмъ свои продукты. Правда, легко было бы сговориться съ ними и устроить мѣновую торговлю; для этого даже не требуется особенно хорошо знать цѣнность предметовъ: эти народы цѣнятъ, главнымъ образомъ, то, что кажется имъ красивымъ, такъ что ихъ не трудно обмануть и получить большіе барыши. Развѣ не такъ именно и поступали европейцы, прежде чѣмъ имъ удалось проникнуть вглубь африканскаго материка, въ то время, когда они устанавливали сношенія съ племенами, жившими дальше вглубь страны, черезъ посредство при-

бережныхъ племенъ? Уже тогда изъ Африки получались всѣ тѣ продукты, которые она даетъ теперь.

Все это, конечно, возможно и все это такъ и было, но дѣло въ томъ, что для этого нужно время, нужно терпѣніе, а кромѣ того при такой системѣ нельзя вести торговлю въ особенно крупныхъ размѣрахъ и приходится считаться съ конкурренціей. «Торговля требуетъ поддержки!» говорятъ намъ, и мы знаемъ, что это значитъ: тотчасъ же посылаютъ два или три броненосца, дюжину канонерскихъ лодокъ, корпусъ солдатъ, и — преклоняйтесь господа! — цивилизація начинаетъ дѣлать свое дѣло. Мы находимъ крѣпкое и здоровое населеніе, а черезъ сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ оно является въ видѣ истощеннаго, забитаго, несчастнаго, наполовину истребленнаго, развращеннаго человѣческаго стада, которому остается лишь очень недолго просуществовать на землѣ; цивилизаторская миссія можетъ тогда считаться исполненной.

Если кто-нибудь усумнится въ справедливости сказаннаго, пусть возьметъ любое описаніе странъ, покоренныхъ европейцами: онъ увидитъ, что повсюду мѣстное населеніе убываетъ и исчезаетъ, повсюду алкоголизмъ, сифилисъ и другія европейскія изобрѣтенія быстро косятъ тузумцевъ, а остающихся въ живыхъ ослабляютъ и истощаютъ. Да и можетъ ли быть иначе?. При тѣхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгаютъ европейцы, конечно, нѣтъ. Эти племена жили совершенно иной жизнью, чѣмъ мы, съ иными наклонностями, съ иными потребностями; вмѣсто того, чтобы изучить эти наклонности и потребности, вмѣсто того, чтобы пріобщать ихъ къ нашей цивилизаціи незамѣтно и постепенно, предоставляя имъ брать изъ нея только то, что они могутъ усвоить, ихъ хотѣли подчинить вдругъ, сломить сразу, — и они не только оказались неспособными къ этому, но самый опытъ оказался для нихъ гибельнымъ. А какъ прекрасна могла бы быть роль такъ называемаго цивилизованнаго человѣка, если бы только онъ съумѣлъ ее понять и если бы его собственную жизнь не разъѣдали язвы правительственной власти и торгашества — язвы, отъ которыхъ онъ долженъ избавиться самъ, прежде чѣмъ начать цивилизовать другихъ.

Отсталыя племена могли бы воспринимать цивилиза-

цію мирнымъ путемъ, могли бы даже внести въ нее новые оживляющіе элементы. Намъ можетъ быть возразять, что дикари лживы и жестоки, но стоитъ только прочитать разсказы тѣхъ дѣйствительно смѣлыхъ людей, которые отправились, ради одной только любви къ наукѣ и жажды знанія, въ среду совершенно неизвѣстныхъ имъ племенъ — и мы увидимъ, правда ли это. Эти люди съумѣли пріобрѣсти въ нихъ друзей, могли путешествовать среди нихъ совершенно безопасно; лживость и жестокость явились уже подъ вліяніемъ тѣхъ якобы-путешественниковъ, которые въ дѣйствительности ищутъ только выгодныхъ торговыхъ или политическихъ операцій; именно они вызвали вражду къ бѣлымъ со стороны туземцевъ, потому что постоянно обманывали ихъ въ торговлѣ, не исполняли своихъ обѣщаній, а иногда и просто истебляли ихъ, если только это можно было сдѣлать безнаказанно.

Пусть ужъ лучше торгаши-филантропы и солдаты-цивилизаторы оставятъ при себѣ свои тирады о благахъ цивилизаціи. То, что они прикрываютъ названіемъ колонизаціи, очень точно опредѣляется въ ихъ же сводѣ законовъ, если только этого рода поступокъ совершаетъ кучка неизвѣстныхъ личностей, какъ «вооруженный разбой». Цивилизація же не имѣетъ ничего общаго съ разбоемъ на большой дорогѣ.

Правящему классу нужны новые народы, новые рынки, которые можно было бы эксплуатировать, и вотъ для этого-то онъ и посылаетъ разныхъ Солелье, Брацца, Крэмпелей, Тривье и др. на поиски за новыми землями, для устройства тамъ торговыхъ агентствъ и для безграничнаго хищничества. Прежде всего начинается эксплуатація торговая, которая, по мѣрѣ расширенія поля европейскаго протектората, распространяется и на всѣ другія области; буржуазіи нужны главнымъ образомъ огромныя пространства, которыя она могла бы постепенно захватывать, истребивъ такъ или иначе ихъ населеніе, и въ которыхъ нашлось бы достаточно мѣста для стѣсняющаго ее избытка европейскаго населенія.

И вы считаете себя цивилизаторами! Что вы сдѣлали съ тѣми племенами, которыя населяли Америку и которыя теперь съ каждымъ днемъ исчезаютъ, потому что

вы измѣнническимъ образомъ нарушаете данное слово и мало по малу отнимаете у нихъ тѣ охотничьи территоріи, которыя вамъ раньше пришлось признать ихъ собственностью? Что вы сдѣлали съ населеніемъ Полинезіи, которое, по словамъ всѣхъ путешественниковъ, было прежде крѣпкимъ и здоровымъ, а теперь подъ вашимъ владычествомъ, постепенно вымираетъ?

Вы считаете себя цивилизаторами! Но ваша цивилизація такова, что если бы борющіеся съ вами рабочіе оказались побѣжденными, вы скоро выродились бы отъ лѣни и бездѣятельности, подобно тому какъ выродились греческая и римская цивилизаціи, когда достигли высшей точки развитія роскоши и эксплуатаціи; онѣ потеряли тогда всякую способность къ борьбѣ и вообще къ чему бы то ни было, кромѣ наслажденій, и исчезли гораздо больше благодаря своей собственной внутренней слабости, чѣмъ благодаря побѣдѣ варваровъ. Варвары находились тогда сами въ полномъ разцвѣтѣ силъ и имъ уже нетрудно было разрушить эти гнилыя цивилизаціи.

Вы рѣшили истребить тѣ расы, которыя вы считаете низшими, но которыя, какъ мы покажемъ дальше, представляютъ собою просто расы отсталыя; вы стремитесь уничтожить и рабочій классъ, который тоже считаете низшимъ. Съ каждымъ днемъ вы все больше и больше стараетесь устранить рабочаго и замѣнить его машиной. Если бы вы восторжествовали, развитію человѣчества пришелъ бы конецъ, потому что вы мало по малу потеряли бы всѣ способности, выработанныя въ васъ борьбою, и спустились бы на ступень самыхъ отдаленныхъ нашихъ предковъ; у человѣчества тогда скоро не стало бы другого общественнаго идеала, кромѣ ряда желудковъ, командующихъ арміей машинъ, да управляющихъ этими машинами автоматовъ, только по названію могущихъ считаться людьми.

Глава XV

ТЕОРІЯ «НИЗШИХЪ» РАСЪ.

Вопросъ о колонизаціи тѣсно связанъ съ вопросомъ о такъ называемыхъ низшихъ расахъ. Именно эта болѣе низкая природа дикихъ племенъ служила и служитъ всегда главнымъ аргументомъ для оправданія истребленія завоеванныхъ народовъ.

Но вѣдь тѣмъ же самымъ аргументомъ пользуются и противъ рабочихъ, имъ же стремятся оправдать и эксплуатацію «низшихъ классовъ». Развѣ въ глазахъ капиталистовъ — и даже въ глазахъ нѣкоторыхъ ученыхъ — рабочій не является просто вьючнымъ животнымъ, назначеніе котораго — обезпечивать благосостояніе „избранныхъ“ и производить на свѣтъ потомство, которое, въ свою очередь, будетъ давать возможность наслаждаться жизнью потомкамъ этихъ „избранныхъ“ и т. д.?

А между тѣмъ, мы, рабочіе, нисколько не считаемъ себя стоящими ниже кого бы то ни было и думаемъ, что нашъ мозгъ совершенно также способенъ къ развитію, какъ и мозгъ нашихъ эксплуататоровъ, но только у насъ нѣтъ ни времени ни возможности развиваться. Можетъ быть то же происходитъ и съ такъ называемыми низшими расами?

Если бы о „низшихъ“ расахъ говорили только политическіе аферисты, то имъ не стоило бы и возражать: имъ, въ сущности, рѣшительно все равно, вѣрно это или нѣтъ, имъ нуженъ только предлогъ и, если имъ докажутъ, что данный предлогъ не годится, они найдутъ другой. Но нѣкоторые ученые точно также поддерживаютъ эту теорію и придаютъ ей силу своими научными знаніями, доказывая, что бѣлая раса — единственная, высоко стоящая по своей природѣ.

Когда-то человѣкъ считалъ себя центромъ вселенной и не только думалъ, что солнце и звѣзды вертятся вокругъ земли, но былъ убѣжденъ, что все это совершается ради него. Это было антропоцентрическое міросозерцаніе. Много вѣковъ должно было пройти, прежде чѣмъ человѣкъ освободился отъ этого гордаго самообмана и понялъ, какое ничтожное мѣсто онъ занимаетъ въ природѣ. Но мысль о первенствѣ такъ крѣпко засѣла въ немъ, избавиться отъ нея было такъ трудно, что, потерявъ свое воображаемое господство надъ свѣтилами, онъ утѣшился тѣмъ, что сталъ смотрѣть на весь земной шаръ, со всѣми его продуктами, какъ на предназначенный исключительно для того, чтобы быть колыбелью вѣнца творенія — человѣка.

Но и этого воображаемаго царства лишила его наука, показавшая, что онъ — не больше, какъ продуктъ эволюціи, продуктъ стеченія случайныхъ обстоятельствъ, что въ его появленіи нѣтъ ничего преднамѣреннаго, что его, поэтому, никто не ждалъ и никто ничего для него не приготовлялъ; человѣкъ, въ своемъ стремленіи къ господству, не могъ однако помириться съ фактами и признать себя случайнымъ пришельцемъ, и вотъ онъ ухватился за представленіе о низшихъ расахъ, причемъ каждая раса поочередно считала себя самой умной, самой красивой, самой совершенной. Бѣлая раса стала поглощать на этомъ основаніи всѣ остальныя, а ученые приняли это за отправной пунктъ для своихъ обобщеній. Они опираются, кромѣ того на слѣдующіе аргументы:

1) Всѣмъ ученымъ міромъ признано, что низшія расы существуютъ столько же времени, какъ и бѣлая; поэтому, разъ послѣдняя развилась, въ то время какъ первыя остались на первоначальномъ уровнѣ, это ясно показываетъ, что онѣ стоятъ ниже по самой своей природѣ.

2) Отсталыя племена живутъ обыкновенно въ очень благопріятномъ климатѣ, что должно было способствовать ихъ развитію.

3) Дѣти дикарей, которыхъ пробовали воспитывать на европейскій ладъ, совершенно не оправдали надеждъ своихъ воспитателей.

Кромѣ того, приводятъ въ примѣръ различныя поселе-

нія дикарей, оставшіяся на томъ же уровнѣ, на какомъ они находились и двѣсти лѣтъ тому назадъ, а также негрскую республику Гаити съ ея безцѣльными революціями.

Не нужно заходить особенно далеко вглубь исторіи, чтобы убѣдиться, что всеобщее согласіе не всегда можетъ служить доказательствомъ справедливости даннаго мнѣнія. Вѣдь пока Галилей не доказалъ, что земля вертится вокругъ солнца, почти всѣ безъ исключенія были убѣждены, что солнце вертится вокругъ земли! Всеобщее согласіе ровно ничего еще не доказываетъ, если оно не опирается на факты, да и то иногда бываетъ — какъ въ приведенномъ примѣрѣ — что видимые факты говорятъ въ пользу ошибочнаго мнѣнія. Поэтому, еще вопросъ, дѣйствительно ли одновременность появленія различныхъ расъ доказывается фактами.

На нѣкоторыхъ египетскихъ памятникахъ находятъ изображенія африканскихъ типовъ, существующихъ и въ наше время, и это дѣйствительно, говоритъ въ пользу относительной древности ихъ происхожденія. Извѣстно также, что эти племена, когда-то подчиненныя египтянамъ, повидимому, съ тѣхъ поръ не пошли впередъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться аргументомъ въ пользу теоріи низшихъ расъ, но болѣе внимательное изученіе покажетъ поспѣшность такого заключенія.

Въ самомъ дѣлѣ, древность египетскихъ памятниковъ опредѣляется въ восемь, скажемъ — въ десять тысячъ лѣтъ; итакъ, втеченіи десяти тысячъ лѣтъ эти племена, повидимому, нисколько не развились, тогда какъ бѣлая раса сдѣлала, какъ извѣстно, громадный шагъ впередъ. Но дѣло въ томъ, что въ ту эпоху, къ которой относится постройка этихъ памятниковъ, Египетъ имѣлъ уже довольно развитую цивилизацію, и между строителями фильскихъ, карнакскихъ и мемфисскихъ храмовъ и этими отсталыми племенами уже тогда существовала огромная разница. Египтяне уже пережили тогда свой доисторическій періодъ, продолжительность котораго оцѣниваютъ въ сотни тысячъ лѣтъ.

Первые шаги человѣка четвертичнаго періода на пути развитія должны были быть очень медленными, а если

мы допустимъ существованіе человѣка еще въ третичный періодъ, то эта медленность окажется еще значительнѣе. Поэтому, 10.000 лѣтъ застоя тѣхъ племенъ, о которыхъ мы только что говорили, — очень незначительный срокъ въ общей исторіи человѣчества; весьма возможно, что и первобытный египтянинъ не обнаружилъ бы черезъ 10.000 лѣтъ послѣ того, какъ онъ выучился обтесывать первый камень, никакого замѣтнаго прогресса и оказался бы, въ глазахъ наблюдателя, человѣкомъ низшей расы.

Съ другой стороны, вѣдь эти самые египтяне, у которыхъ мы находимъ такую высокую культуру, такіе памятники и такое развитіе научныхъ знаній, въ сущности вовсе не принадлежатъ къ бѣлой расѣ, и этотъ народъ, который считаютъ одной изъ „высшихъ“ расъ древности, оказывается въ наше время въ числѣ расъ „низшихъ“, что очень ясно показываютъ имъ ихъ англійскіе покорители. Удивительное противорѣчіе! Ученые дѣлаютъ изъ египтянъ то „высшую“ расу, то „низшую“, смотря по надобностямъ своей аргументаціи.

Черепа и челюсти, найденные въ Кро-Маньонѣ, Неандерталѣ и Нолеттѣ и относящіеся къ очень отдаленнымъ эпохамъ, настолько обезьянообразны, что изучавшіе ихъ антропологи даже не могли вначалѣ рѣшить, принадлежали ли они предкамъ человѣка, или же большимъ человѣкоподобнымъ обезьянамъ. Можемъ ли мы, послѣ такого скромнаго начала нашего существованія, считать себя чудомъ человѣчества? И по какому праву можемъ мы говорить о „низшихъ“ расахъ, когда ихъ современное состояніе зависитъ отъ нашихъ-же варварскихъ преслѣдованій? Низкій уровень современныхъ краснокожихъ, напримѣръ, ровно ничего не доказываетъ, потому что, какъ извѣстно, существовавшія у нихъ туземныя цивилизаціи были разрушены европейскими завоевателями, а слѣдующія поколѣнія преслѣдовались, раззорялись и истреблялись; они мало по малу отступали передъ побѣдителями и понемногу начинали вымирать. Цѣлыя цвѣтущія цивилизаціи погибли такимъ образомъ, и мы не знаемъ, что онѣ способны были дать: судить объ этомъ по выродившимся туземцамъ, исчезающимъ подъ давленіемъ Соединенныхъ Штатовъ, совершенно невозможно.

Я не буду приводить въ примѣръ ни Мексиканской Имперіи, ни Инковъ, потому что во время пришествія испанцевъ эти цивилизаціи находились уже въ полномъ упадкѣ и именно потому не могли сопротивляться; гуроны и ирокезы защищали свою независимость съ гораздо большей энергіей, чѣмъ ацтеки и перувіанцы.

Казалось бы, что есть еще одинъ способъ провѣрить одинаковость возраста различныхъ расъ: это — произвести раскопки въ еще неизслѣдованныхъ мѣстностяхъ и сравнить возрастъ скелетовъ, которые несомнѣнно будутъ тамъ найдены; но это средство оказывается недѣйствительнымъ, потому что нѣтъ никакой возможности установить одновременность отложенія тѣхъ или другихъ слоевъ земной коры въ различныхъ мѣстностяхъ земного шара. Какимъ же образомъ узнать въ такомъ случаѣ относительный возрастъ скелетовъ, найденныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ?

Вопросъ о времени происхожденія различныхъ расъ оказывается, поэтому, вопросомъ неразрѣшимымъ; онъ не можетъ дать намъ никакихъ доказательствъ въ пользу возможности или невозможности равенства между ними. Да и имѣетъ ли онъ какое-нибудь значеніе для тѣхъ, кто ставитъ весь прогрессъ въ зависимость отъ постоянно мѣняющихся условій среды?

„Отсталые народы живутъ обыкновенно въ наиболѣе благопріятномъ климатѣ", говоритъ въ своихъ лекціяхъ по зоологической антропологіи профессоръ парижской Антропологической Школы Эрве, сторонникъ теоріи низшихъ расъ. Но это положеніе требуетъ еще доказательствъ. Вѣрно ли оно, напримѣръ, по отношенію къ эскимосамъ, къ обитателямъ Огненной Земли, или къ краснокожимъ, лишеннымъ всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыхъ они могли бы приручить, или къ неграмъ, живущимъ въ болотистой нильской области или въ безконечныхъ лѣсахъ Конго? Можно ли сказать это о сибирскихъ тунгусахъ, или о бушменахъ безводныхъ пустынь Калахари? Нѣтъ, очевидно, это совершенно не вѣрно. Да кромѣ того, еще вопросъ, какой климатъ нужно считать болѣе благопріятнымъ: тотъ ли, который толкаетъ человѣка на трудъ, или тотъ, который имѣетъ обратное вліяніе?

Этотъ аргументъ можетъ очень легко обратиться противъ тѣхъ, кто имъ пользуется. Не послужила ли легкость добыванія средствъ къ существованію скорѣе причиной застоя многихъ племенъ? Если люди могутъ удовлетворять свои первоначальныя потребности безъ труда, то очень можетъ случиться, что въ нихъ вовсе и не проснутся иныя потребности; наоборотъ, народы, принужденные отвоевывать въ борьбѣ съ природой и съ климатомъ свое ежедневное пропитаніе, разовьютъ въ себѣ новые инстинкты и способности, которые, въ свою очередь, дадутъ начало новымъ стремленіямъ и, такимъ образомъ, заставятъ данный народъ вступить на путь прогресса. Другіе же, поставленные въ болѣе благопріятныя условія, будутъ просто брать отъ жизни то, что она сама имъ даетъ.

Затѣмъ мы находимъ доказательства, почерпнутыя изъ опыта искусственнаго насажденія культуры въ нѣкоторыхъ африканскихъ племенахъ и въ тѣхъ колоніяхъ дикарей, которымъ была якобы предоставлена полная свобода развиваться въ особыхъ отведенныхъ для нихъ деревняхъ.

Очень возможно, что были дѣйствительно неудачныя попытки цивилизовать дикарей, но это еще не рѣшаетъ вопроса вообще, потому что для этого нужно было бы знать, при какихъ условіяхъ были сдѣланы эти попытки, въ какихъ условіяхъ находились данныя племена и не было ли одновременно съ этимъ и какихъ-нибудь вліяній, способствовавшихъ вырожденію. Этого рода примѣры тѣмъ менѣе убѣдительны, что существуютъ примѣры и обратнаго. Такъ, канадскіе ирокезы стоятъ нисколько не ниже окружающихъ ихъ бѣлыхъ; первый географъ Мексики — ацтекъ; наконецъ, мы были свидѣтелями того, какъ прекрасно потомки «низшихъ» расъ съумѣли выжить изъ Мексики «первыхъ въ мірѣ» солдатъ.

Для того, чтобы какое нибудь умственное пріобрѣтеніе упрочилось, нужно нѣсколько поколѣній; умъ отдѣльнаго человѣка, какъ бы онъ не былъ способенъ къ развитію, не можетъ продѣлать втеченіи одной своей жизни всю ту эволюцію, которую раса проходитъ въ рядѣ поколѣній. Поэтому отрицательные результаты опытовъ надъ отдѣльными личностями ровно ничего не доказываютъ, даже если опытъ былъ обставленъ надлежащимъ образомъ;

имъ можно всегда противупоставить примѣры положительныхъ результатовъ, точно также какъ противъ общаго прогресса бѣлыхъ можно выставить и многочисленные случаи регресса.

Этнографическія сочиненія указываютъ намъ затѣмъ на примѣръ тѣхъ же самыхъ краснокожихъ, негровъ и другихъ «дикарей», которыхъ начинали учить и которые достигали даже довольно высокой ступени развитія; но затѣмъ въ нихъ вдругъ являлось презрѣніе ко всему тому, чему ихъ учили, тоска по своей прежней свободѣ и, сбросивъ съ себя оболочку культурнаго человѣка, они возвращались къ кочевому образу жизни. Никто не отрицаетъ того, что атавизмъ можетъ иногда оказаться сильнѣе способности къ совершенствованію, но эти примѣры нисколько не доказываютъ отсутствія этой способности въ данной расѣ вообще, разъ уже личности, получившія европейское воспитаніе, могли, во всякомъ случаѣ, втеченіи извѣстнаго періода своей жизни идти по пути, намѣченному имъ ихъ воспитателями.

Тотъ же профессоръ Эрве (мы опять ссылаемся на него, потому что изъ всѣхъ слышанныхъ нами сторонниковъ теоріи «низшихъ» расъ, онъ защищалъ эту теорію наиболѣе убѣдительно) указываетъ на тотъ фактъ, что дикарь болѣе понятливъ въ дѣтствѣ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Чѣмъ менѣе развита данная раса, тѣмъ раньше приходится дѣтямъ самимъ заботиться о себѣ и тѣмъ быстрѣе приходится имъ развивать свою сообразительность. Что касается взрослыхъ, то ранняя остановка развитія зависитъ у нихъ, правда, отъ физической организаціи — отъ заростанія черепныхъ швовъ. Въ противуположность тому, что происходитъ у бѣлой расы, сращеніе начинается именно съ передней части черепа, такъ что развитіе мозга прежде всего задерживается въ тѣхъ частяхъ, которыя всего важнѣе для умственной дѣятельности. И это могло бы, дѣйствительно, послужить доказательствомъ низшей природы, если бы было доказано, что бѣлая раса не проходила черезъ такую же стадію развитія; между тѣмъ на доисторическихъ черепахъ видно, что сращеніе происходило въ нихъ точно также начиная съ переднихъ частей и точно

также очень рано — какъ у современныхъ намъ такъ-называемыхъ низшихъ расъ. Случаи подобнаго атавизма встрѣчаются и въ наше время. Что же, въ такомъ случаѣ, остается отъ этого аргумента?

Затѣмъ, намъ часто указываютъ на республику Гаити, часто смѣются надъ ея военными переворотами; но давно ли и въ нашей исторіи встрѣчались подобные же факты, еще менѣе простительные, потому что мы считаемъ себя людьми высшей породы. Какъ бы то ни было, жители Гаити съумѣли во всякомъ случаѣ, отвоевать свою независимость отъ французовъ. Кто же оказался «выше»: тѣ ли, которые отвоевали свою свободу, или тѣ, которые хотѣли удержать цѣлый народъ въ рабствѣ? Кромѣ того, нужно совершенно не знать исторіи, чтобы отрицать существованіе у жителей Гаити нѣкотораго прогресса, несмотря на разныхъ тамошнихъ сулуковъ — подражателей нашихъ Наполеоновъ.

Когда подумаешь, что большинство такъ называемыхъ цивилизованныхъ людей работаетъ и умираетъ съ голоду ради обогащенія кучки тунеядцевъ и паразитовъ, когда вспомнишь, что сами эксплуатируемые доставляютъ ту силу, которая служитъ для защиты ихъ эксплуататоровъ, то поневолѣ явится вопросъ: имѣемъ ли мы право такъ гордиться своей высокой культурой? И дали ли мы, съ другой стороны, возможность свободнаго развитія тѣмъ дикимъ племенамъ, которыя еще продолжаютъ существовать?

Мы нисколько не хотимъ этимъ сказать, что всѣ расы совершенно тождественны между собою: мы только думаемъ, что всѣ они обладаютъ извѣстными способностями, извѣстными нравственными, умственными и физическими качествами, которыя, если бы имъ предоставить свободно развиваться, могли бы дать возможность каждому племени внести свою лепту въ общее дѣло человѣческой цивилизаціи. Возьмемъ хотя бы австралійцевъ — жалкихъ дикарей, стоящихъ на очень низкой ступени развитія: они оказались однако способными изобрѣсти бумерангъ — метательное оружіе съ удивительнымъ обратнымъ дѣйствіемъ, котораго европейцы, несмотря на все свое искусство, на всѣ свои баллистическія знанія, не могли

до сихъ поръ ни сдѣлать, ни объяснить. Положимъ, изобрѣтеніе бумеранга — не большой вкладъ въ исторію человѣчества, но разъ изобрѣтательность этихъ племенъ могла повести къ открытію этого свойственнаго имъ однимъ оружія, тогда какъ пики, палицы и стрѣлы были извѣстны и всѣмъ другимъ расамъ, то почему не предположить, что при иныхъ условіяхъ, эта изобрѣтательность развилась бы въ направленіи болѣе полезномъ?

Но бѣлая раса (вмѣстѣ съ евреями, которые по этому случаю также вошли въ составъ бѣлой расы), хотѣла непремѣнно все завоевать, все вовлечь въ кругъ своей эксплуатаціи. Повсюду, гдѣ она оказалась побѣдительницей, отсталыя расы должны были исчезнуть. И когда мы подумаемъ обо всемъ этомъ разрушеніи, обо всѣхъ этихъ убійствахъ, связанныхъ съ европейской эксплуатаціей, то намъ приходитъ въ голову вопросъ: не принесла ли бѣлая раса человѣчеству столько же вреда, какъ и пользы?

Для того, чтобы выйти изъ животнаго состоянія, намъ понадобилось, можетъ быть, около 150.000 лѣтъ, затѣмъ, еще 10.000 лѣтъ заняло развитіе и паденіе цивилизацій египетской, халдейской, греческой, римской, индійской и мавританской; вмѣстѣ съ тѣмъ, параллельно развивалась и желтая раса. Въ настоящее время мы присутствуемъ при началѣ паденія латинскихъ расъ — паденія, которое не замедлитъ превратиться въ агонію, если только соціальный переворотъ не остановитъ во время физическаго и нравственнаго вырожденія — результата существованія капиталистическаго строя. . . . . . .

Возможно, что если границы между народами еще будутъ продолжать существовать, то нашимъ наслѣдникомъ явится раса славянская, какъ болѣе молодая и позднѣе вступившая на путь европейской цивилизаціи. Но сколько времени продолжится этотъ періодъ и что будетъ послѣ? Откуда придетъ тотъ обновляющій духъ, который оживитъ нашу ослабѣвшую бѣлую расу, истощенную плохо понятой и плохо усвоенной цивилизаціей?

При упадкѣ каждой изъ существовавшихъ цивилизацій всегда являлась новая раса, которая усваивала себѣ всѣ умственныя изобрѣтенія той, которой она пришла на

смѣну, и, въ свою очередь, вносила въ нихъ свой свѣжій умъ, свои нетронутыя способности, свою сильную и молодую кровь. Эта послѣдовательная смѣна цивилизацій указываетъ, повидимому, на то, что каждая раса имѣетъ лишь ограниченный запасъ энергіи и способностей и что, разъ этотъ запасъ изсякнетъ, она или исчезаетъ или переходитъ къ состоянію застоя.

Нѣкоторые изъ нашихъ единомышленниковъ возразятъ намъ можетъ быть, что въ настоящее время расъ больше не существуетъ, что цивилизованный міръ дѣлится на государства, которыя, хотя и представляютъ собою остатокъ прошлаго, не опирающійся ни на какое реальное дѣленіе, тѣмъ не менѣе являются каждое въ отдѣльности прочнымъ цѣлымъ. Во Франціи и въ Россіи, въ Америкѣ и въ Австраліи цивилизація одна и та же. Теперь существуетъ уже не дѣленіе на расы, а дѣленіе на классы.

Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что по мѣрѣ широкаго развитія международныхъ сношеній и облегченія передвиженія изъ одной страны въ другую, дѣленіе на расы, вслѣдствіе постоянныхъ смѣшеній и скрещиваній, все больше и больше исчезаетъ. Но тѣмъ сильнѣе наше негодованіе при видѣ того, какъ цѣлыя племена гибнутъ, не успѣвъ внести въ нашу цивилизацію тѣхъ своеобразныхъ чертъ, которыя они, можетъ быть, были способны внести. Вспоминая объ избіеніи столькихъ беззащитныхъ племенъ, о столькихъ исчезнувшихъ или исчезающихъ расахъ, мы съ грустью спрашиваемъ себя, не обладали ли эти «низшіе» наши братья нѣкоторыми изъ тѣхъ многочисленныхъ хорошихъ качествъ, которыхъ не хватаетъ намъ?

Бѣлая раса не съумѣла понять разъ отсталыхъ, и потому уничтожила ихъ. Если бы она задалась цѣлью поднять ихъ на болѣе высокій уровень развитія, ей удалось бы достигнуть этого только путемъ долгой эволюціи; но она никогда не хотѣла брать на себя роли воспитательницы: она хотѣла только эксплуатировать, а эта эксплуатація въ концѣ концовъ должна была свестись къ истребленію.

Мы съ такою яростью завоевываемъ дикія страны, а между тѣмъ можемъ ли мы навѣрное сказать, что цивили-

зація хотя бы ирокезовъ была ниже нашей? можемъ ли мы гордиться своимъ превосходствомъ передъ инками, которые, по крайней мѣрѣ, умѣли обезпечить жилище и пропитаніе каждому изъ членовъ общества, тогда какъ въ нашихъ обществахъ царитъ нищета?

Теорія «низшихъ» расъ не оправдывается ничѣмъ; она только служитъ оправданіемъ для преступленій расъ «высшихъ».

Глава XVI

ПОЧЕМУ МЫ — РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ?

Выше мы показали (по крайней мѣрѣ, надѣемся, что показали), что всѣ люди безъ исключенія имѣютъ право на свободное развитіе и на полное удовлетвореніе своихъ потребностей, и что государственная власть, собственность и другія учрежденія, созданныя эксплуатирующимъ классомъ для защиты своихъ привиллегій, основанныхъ на ограбленіи массы, не имѣютъ никакого права на существованіе. Намъ остается теперь разсмотрѣть пути къ уничтоженію того порядка вещей, на который мы нападаемъ, и къ осуществленію желательнаго намъ общественнаго строя; вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны показать и наше право употреблять тѣ или иныя средства, потому что очень многіе, вполнѣ соглашаясь съ нашей критикой современнаго строя, вполнѣ сочувствуя нашему идеалу гармоническаго общества, не могутъ однако примириться съ мыслью объ употребленіи силы и думаютъ, что лучше было бы дѣйствовать постепенно, стараться повлiять на людей исключительно силой убѣжденія, что слѣдовало бы исправлять современное общество мало по малу.

Въ природѣ, говорятъ намъ, все видоизмѣняется путемъ эволюціи, почему же вы не признаете того же самаго въ общественной жизни, а хотите достигнуть всего сразу? Стремясь преобразовать общество силой, вы рискуете только все перевернуть, ничего прочнаго не создавъ, а главное — рискуете погибнуть сами, вызвать реакцію тѣмъ болѣе сильную, чѣмъ сильнѣе было революціонное движеніе, и такимъ образомъ задержать на нѣсколько столѣтій общественный прогрессъ.

Эти возраженія, исходящія отъ добросовѣстныхъ людей, руководимыхъ искреннимъ желаніемъ выяснить во-

просъ, опираются на соображенія, съ перваго взгляда кажущіяся справедливыми, а потому заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться.

Дѣйствительно, все въ природѣ происходитъ путемъ медленной эволюціи, путемъ цѣлаго ряда мелкихъ измѣненій, незамѣтныхъ, если слѣдить за ними постепенно, и бросающихся въ глаза только при рѣзкомъ переходѣ отъ одного періода къ другому. Такъ именно развилась жизнь на нашей планетѣ, такъ выдѣлился человѣкъ изъ животнаго міра, такъ сталъ человѣкъ нашего времени совершенно непохожимъ на человѣка каменнаго вѣка.

Но тутъ упускается изъ виду одно: а именно, что для того, чтобы эта эволюція происходила совершенно ровно, нужно, чтобы она не встрѣчала на своемъ пути никакихъ препятствій; въ противномъ случаѣ, если она обладаетъ достаточнымъ для этого запасомъ силъ, она разрушаетъ эти препятствія, если же нѣтъ — то останавливается сама. Всякій разъ, когда между чѣмъ нибудь, уже существующимъ, и стремленіемъ впередъ происходитъ столкновеніе, мы имѣемъ передъ собою революцію, каковы бы ни были размѣры даннаго явленія — будетъ ли это исчезновеніе цѣлаго материка или исчезновеніе одной частицы въ организмѣ.

Въ настоящее время выяснено, что крупные геологическіе перевороты вызваны были вовсе не страшными потрясеніями и не внезапными перемѣнами, якобы происходившими подъ напоромъ силъ, скрытыхъ подъ земной корой, а представляютъ собою результатъ медленныхъ процессовъ и незамѣтныхъ измѣненій, дѣйствовавшихъ втеченіи цѣлыхъ тысячъ вѣковъ. Мы знаемъ также, что тѣ же причины, которыя придали землѣ ея современный видъ, продолжаютъ дѣйствовать и теперь, постоянно подготовляя новыя преобразованія.

Повсюду дождевая вода размываетъ горы, просачивается въ камни, разрушаетъ самый крѣпкій гранитъ. Ничто не дѣлаетъ этой медленной разрушительной работы замѣтной для взора путешественника; цѣлыя поколѣнія сойдутъ со сцены прежде, чѣмъ появится хотя бы сколько нибудь ощутительное измѣненіе, и тѣмъ не менѣе въ одинъ прекрасный день произойдетъ обвалъ, который унесетъ съ

собою лѣса и деревни, засыпитъ русла рѣкъ, измѣнитъ ихъ теченіе и распространитъ повсюду горе и опустошеніе. Но затѣмъ первое впечатлѣніе пройдетъ, жизнь снова возьметъ свое, и еще сильнѣе, еще энергичнѣе возродится изъ развалинъ.

Вся эта эволюція происходитъ конечно очень медленно, но приходитъ такой моментъ, когда она не можетъ продолжаться иначе, какъ при условіи нарушить существующій порядокъ вещей; она продолжаетъ свой путь — и гора, подмытая въ самомъ основаніи, рушится, унося съ собою все, что находится на ея поверхности.

Возьмемъ другой примѣръ. Мы знаемъ, что море удаляется отъ однихъ береговъ и, наоборотъ, все больше и больше затопляетъ другіе. Волны набѣгаютъ на плоскій берегъ, отрываютъ куски отъ почвы, завоевывая себѣ, такимъ образомъ, все большее пространство, а затѣмъ эти же самые куски почвы уносятся къ другимъ берегамъ и тамъ, наоборотъ, увеличиваютъ область суши на счетъ моря. Работа эта происходитъ такъ медленно, что ее почти невозможно замѣтить: втеченіи столѣтія такимъ образомъ уносится всего нѣсколько сантиметровъ земли. И однако придетъ моментъ — можетъ быть черезъ десять, можетъ быть черезъ сто тысячъ лѣтъ, не все ли равно? — когда стѣна суши не сможетъ больше сдерживать напоръ волнъ; она поддастся тогда подъ какимъ нибудь однимъ ударомъ, и море наводнитъ прибрежную равнину, черпая новыя силы во встрѣчающихся препятствіяхъ, пока не остановится у подножія какой нибудь новой преграды, которая снова задержитъ его на болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени, смотря по степени своей устойчивости.

То же самое происходитъ и въ нашихъ обществахъ. Общественная организація и созданныя для ея поддержки учрежденія являются преградами для прогресса; въ обществѣ же, напротивъ, все стремится къ разрушенію этихъ преградъ: идеи измѣняются, нравы преобразуются, понемногу подрывается уваженіе къ стариннымъ учрежденіямъ, которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и хотятъ продолжать управлять по прежнему жизнью общества и личности. Эта медленная разрушительная работа можетъ

быть незамѣтной для поколѣнія современниковъ. Отъ времени до времени исчезаютъ нѣкоторые прежніе обычаи или ослабѣваетъ какой-нибудь предразсудокъ, но это подготовляется такъ постепенно, что никто этого не замѣчаетъ; только старики, сравнивая привычки своей юности съ привычками смѣняющаго ихъ молодого поколѣнія, видятъ происшедшее въ нравахъ измѣненіе.

Но измѣнились только нравы, а общественныя учрежденія и общественная организація остались тѣ-же: они по прежнему задерживаютъ напирающія на нихъ волны, которыя въ безсиліи разбиваются у ихъ подножья, лишь то тамъ то сямъ отнимая по камню. Этихъ камней волны въ своемъ бѣшенствѣ могутъ оторвать цѣлыя тысячи. Что такое отдѣльный камень въ сравненіи съ могущественной каменной глыбой? Ничто; но волны уносятъ этотъ камень съ собою и, вновь напирая на каменную преграду, бросаютъ имъ въ нее, бьютъ имъ въ стѣну, какъ тараномъ, и отрываютъ еще нѣсколько камней, которые, въ свою очередь, превратятся въ новыя орудія нападенія. Борьба можетъ продолжаться тысячи лѣтъ и скала будетъ казаться все такою же неприступною вплоть до того дня, когда, подрытая у самаго своего основанія, она рухнетъ подъ новымъ напоромъ и дастъ широкій доступъ торжествующимъ волнамъ.

Мы, несомнѣнно, были бы очень рады, если бы общественная эволюція совершалась медленно, непрерывно и безъ потрясеній; но это отъ насъ не зависитъ. Мы, какъ пропагандисты, исполняемъ свою задачу, проповѣдуемъ идеи общественнаго обновленія, а эти идеи составляютъ ту каплю, которая просачивается въ камень, долбитъ его и прокладываетъ себѣ дорогу къ самому подножью скалы. Можемъ ли мы помѣшать этой скалѣ рухнуть и унести съ собою всѣ тѣ подпорки, которыя вы построили для ея укрѣпленія?

Никто, кромѣ буржуазіи не заинтересованъ въ томъ, чтобы общественное преобразованіе совершилось безъ потрясеній. Почему же, въ такомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы пытаться сохранить скалу въ томъ видѣ, какъ она есть, и постоянно подпирать ее, она, наоборотъ, не поможетъ намъ срыть ее и устроить такъ, чтобы воды могли

спокойно течь къ плоскимъ равнинамъ, унося съ собою негодныя или вредныя части, которыя затѣмъ образуютъ отложенія на этихъ равнинахъ и послужатъ къ возвышенію ихъ уровня? Безумцы! они не хотятъ уступить ни малѣйшей доли своихъ привиллегій; какъ скала, они считаютъ себя неуязвимыми для напирающихъ на нихъ волнъ. Что значатъ для нихъ тѣ немногія уступки, которыя рабочимъ удалось вырвать втеченіи всего цѣлаго столѣтія? Ихъ привиллегіи такъ громадны, что опустошеніе почти незамѣтно. Но волны уже пробили брешь, уже борятся со скалою съ помощью отъ нея-же оторванныхъ камней и скоро окончательно разрушатъ ее. Мы только содѣйствовали этой эволюціи; если же, благодаря безумному сопротивленію буржуазіи, она превратится въ революцію, пусть пеняютъ на себя.

И, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ намъ только посмотрѣть безпристрастнымъ взглядомъ на окружающія насъ общественныя явленія, чтобы увидать, что анархисты становятся революціонерами только въ силу естественнаго хода вещей. Они убѣдились въ томъ, что причина всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ общество, лежитъ въ самой его организаціи, и что всѣ паліативы, предлагаемые политиками и соціалистами, совершенно неспособны внести какое бы то ни было улучшеніе, потому что они уничтожаютъ только внѣшнія проявленія, а не самый корень зла.

Когда человѣкъ сытъ, когда его потребности болѣе или менѣе удовлетворены, то ему легко ждать; но тотъ, кто испытываетъ и физическій и умственный голодъ, не можетъ, разъ только онъ понялъ причину существующаго зла, довольствоваться надеждой на лучшее будущее, а будетъ всегда стремиться перейти отъ теоретическихъ соображеній къ практическому дѣлу.

Развѣ твердо убѣжденный въ чемъ нибудь человѣкъ не стремится всегда проповѣдовать свое убѣжденіе, проводить его въ жизнь? Развѣ можетъ человѣкъ, вполнѣ убѣжденный въ истинности какой-нибудь идеи, не стараться убѣдить въ томъ же и другихъ, а въ особенности — не стараться осуществить ее, согласуя съ ней свою личную жизнь? А что такое, въ современномъ обществѣ, проведеніе въ жизнь новыхъ идей, какъ не револю-

ціонное дѣло? Какъ же вы хотите, чтобы тѣ самые люди, которые сдѣлали все, отъ нихъ зависящее, для распространенія новыхъ идей, которые старались показать и причины общественнаго зла и средства къ его устраненію, старались нарисовать идеалъ лучшаго будущаго, — чтобы эти самые люди стали поперекъ дороги тѣмъ, кто стремится осуществить эти идеи на практикѣ, чтобы они сказали имъ: «Продолжайте наслаждаться перспективой будущаго счастья, продолжайте страдать, вооружитесь терпѣніемъ: когда нибудь ваши эксплуататоры согласятся, можетъ быть, сдѣлать вамъ нѣкоторыя уступки». Это было бы ничѣмъ инымъ, какъ жестокой насмѣшкой.

Конечно, мы были бы очень рады, если бы буржуа сами поняли всю нравственную низость своего положенія, сами отказались отъ эксплуатаціи рабочихъ и передали свои фабрики, дома, земли и копи въ руки общества, которое стало бы пользоваться ими для себя и замѣнило бы царство конкурренціи царствомъ солидарности. Но можно ли серьезно надѣяться на то, что капиталисты дойдутъ когда бы то ни было до такой степени безкорыстія, когда мы видимъ, что они направляютъ всю силу своего войска, своей полиціи и своихъ судовъ на подавленіе самыхъ ничтожныхъ требованій рабочихъ?

Теоріи, мечты о лучшемъ будущемъ — прекрасная вещь; но если бы оппозиція существующему строю сводилась къ салонной философіи или къ послѣобѣденнымъ разговорамъ сытыхъ людей, если бы все ограничивалось безплодными жалобами на современное положеніе вещей и мечтаніями о будущемъ благѣ, то мы были бы очень похожи на того сытаго филантропа, съ туго набитымъ кошелькомъ, который говоритъ умирающему съ голода бѣдняку: «Мнѣ отъ души жалко васъ, ваша судьба озабочиваетъ меня въ высшей степени, и я душевно желаю, чтобы ваше положеніе улучшилось; а пока — будьте бережливы и постарайтесь скопить себѣ на черный день», а затѣмъ проходитъ мимо, вполнѣ довольный собою. Если бы это дѣйствительно было такъ, то буржуазія могла бы разсчитывать еще очень долго эксплуатировать рабочихъ, а рабочіе еще не скоро увидали бы конецъ своей нуждѣ и страданіямъ.

Къ счастью, отъ идейныхъ стремленій до попытки ихъ осуществленія, какъ мы видѣли, — одинъ шагъ, и многія человѣческія натуры очень склонны этотъ шагъ сдѣлать; а такъ какъ теорія анархизма есть теорія дѣятельная, то эти революціонныя натуры встрѣчаются чаще въ средѣ анархистовъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой. Отсюда тѣ многочисленные революціонные акты, которые такъ пугаютъ робкіе умы, но которые для насъ служатъ лишь доказательствомъ развитія нашихъ идей.

Проповѣдовать жертвамъ эксплуатаціи покорность судьбѣ значило бы быть въ руку эксплуататорамъ; мы предоставляемъ эту роль христіанству. Ни примиреніе съ дѣйствительностью, ни платоническія надежды не могутъ измѣнить положенія: для этого нужно дѣло, а самое лучшее дѣло, это — устраненіе стоящихъ на пути препятствій.

Довольно уже люди преклонялись передъ власть имущими, довольно они ждали спасенія отъ свыше посланныхъ личностей, довольно разсчитывали на чисто политическіе перевороты, на дѣйствіе законовъ. Осуществленіе нашихъ идей на практикѣ требуетъ людей сознательныхъ, понимающихъ свою силу, умѣющихъ заставить уважать свою свободу, не становясь въ то же время тиранами другихъ, — людей, которые не разсчитываютъ ни на кого, кромѣ себя самихъ, своей собственной иниціативы, своей собственной энергіи. А эти люди явятся только тогда, когда мы будемъ проповѣдовать не примиреніе съ существующимъ, а, наоборотъ, протестъ противъ него.

Это не значитъ, однако, что анархисты отказываются отъ содѣйствія тѣхъ, которые не склонны къ активной борьбѣ, а хотятъ ограничиться исключительно распространеніемъ идей, подготовленіемъ дальнѣйшей эволюціи; они даже не требуютъ, чтобы всѣ ихъ идеи были непремѣнно восприняты цѣликомъ. Въ ихъ область входитъ все, что уничтожаетъ какой-нибудь предразсудокъ, устраняетъ какой нибудь ложный взглядъ, устанавливаетъ какую нибудь новую истину. Анархисты не пренебрегаютъ ничьей помощью, не отталкиваютъ никого; они всегда рады протянуть руку каждому, кто можетъ дать имъ что-нибудь новое; они довольствуются тѣмъ, что соединяютъ въ одно

отдѣльныя усилія и обобщаютъ отдѣльныя стремленія, чтобы дать людямъ возможность разобраться въ ихъ собственныхъ желаніяхъ.

Наконецъ, если бы даже они этого захотѣли, анархистамъ невозможно оставаться мирными дѣятелями: силою вещей они приходятъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Можетъ ли выносить хотя бы придирки полицейскаго тотъ, кто разъ понялъ, какую низкую роль онъ играетъ? Можно ли переносить дерзость какого-нибудь судьи, когда критика уже лишила его священнаго ореола, окружавшаго его раньше? Можно ли относиться съ уваженіемъ къ богачу, когда знаешь, что роскошь, среди которой онъ живетъ, соткана изъ нищеты сотень семей?

Можетъ ли согласиться идти въ казармы, чтобы тамъ служить игрушкой въ рукахъ слугъ своихъ эксплуататоровъ, тотъ человѣкъ, который уже знаетъ, что патріотизмъ есть не болѣе, какъ предлогъ, а настоящая роль солдата это — убійство его собратьевъ-бѣдняковъ?

Тотъ, кто понялъ, что бѣдность есть результатъ плохого общественнаго устройства, что одни умираютъ съ голоду только потому, что другіе слишкомъ сыты, или хотятъ накопить богатства для своихъ наслѣдниковъ, тотъ не легко согласится умереть гдѣ-нибудь на улицѣ. Приходитъ минута, когда, какъ бы человѣкъ не былъ миролюбиво настроенъ, онъ отвѣчаетъ на силу — силой, на эксплуатацію — революціоннымъ актомъ.

Тѣмъ, кому хотѣлось бы, чтобы общество преобразовалось безъ всякихъ потрясеній, лучше разстаться съ этой мечтой: она не осуществима. Идеи развиваются и неизбѣжно ведутъ насъ къ революціи; объ этомъ можно сожалѣть, но это — фактъ, съ которымъ приходится помириться. Никакія сѣтованія тутъ не помогутъ, а разъ ужъ революція неизбѣжна, то единственное средство помѣшать ей пойти противъ прогресса, это — принять въ ней участіе и постараться направить ее къ осуществленію нашего идеала.

Мы не принадлежимъ къ числу проповѣдниковъ насилія; мы не занимаемся и тѣмъ, чтобы постоянно ругать фабрикантовъ и капиталистовъ, какъ либеральные буржуа когда-то постоянно ругали поповъ; мы не хотимъ

толкать людей на то или другое дѣло, на тотъ или другой поступокъ. Мы убѣждены, что люди дѣлаютъ только то, на что твердо рѣшились сами, и что проповѣдовать какой-нибудь поступокъ можно только примѣромъ, а не словами и не совѣтами; вотъ почему мы ограничиваемся тѣмъ, что выводимъ извѣстныя логическія послѣдствія, предоставляя каждому выбирать тотъ способъ дѣйствія, который кажется ему наилучшимъ. Но мы увѣрены, вмѣстѣ съ тѣмъ, что чѣмъ лучше будутъ поняты и чѣмъ больше будутъ развиваться наши идеи, тѣмъ многочисленнѣе будутъ и акты революціоннаго протеста.

Чѣмъ глубже проникнутъ наши взгляды въ массу, тѣмъ сознательнѣе она будетъ становиться, тѣмъ живѣе будетъ въ ней чувство собственнаго достоинства, и тѣмъ менѣе она, слѣдовательно, будетъ склонна переносить притѣсненія со стороны властей и эксплуатацію со стороны капиталистовъ; тѣмъ чаще и многочисленнѣе станутъ въ ней проявленія духа независимости. И это не только не огорчаетъ насъ, но совершенно наоборотъ: каждый актъ индивидуальнаго протеста — лишній ударъ топора въ давящее насъ старое общественное зданіе. А разъ уже прогрессъ не можетъ обойтись безъ потрясеній и жертвъ, то мы можемъ только привѣтствовать тѣхъ, кто погибаетъ въ бурѣ, и надѣятся, что ихъ примѣръ вызоветъ новыхъ подражателей, болѣе многочисленныхъ и лучше вооруженныхъ, и что ихъ удары будутъ еще сильнѣе.

Но каково бы ни было число гибнущихъ въ борьбѣ, это число все таки очень мало въ сравненіи съ тѣми безчисленными жертвами, которыхъ постоянно поглощаетъ чудовищная пасть нашего общества. И чѣмъ напряженнѣе будетъ борьба, тѣмъ меньше будетъ ея продолжительность, а, слѣдовательно, тѣмъ больше окажется спасенныхъ человѣческихъ жизней — жизней, которыя иначе были бы осуждены на нужду, болѣзни, истощеніе и вырожденіе.

Глава XVII

ПРИНЦИПЫ И СРЕДСТВА БОРЬБЫ.

Намъ часто приходится слышать со стороны людей, воодушевленныхъ, быть можетъ, самыми лучшими намѣреніями, выраженія удивленія по поводу того, что анархисты отрицаютъ нѣкоторые пріемы борьбы, какъ противные ихъ убѣжденіямъ. «Почему бы вамъ не попробовать, говорятъ одни, захватить въ свои руки власть, чтобы принудить общество къ осуществленію вашихъ идей на практикѣ?» «Почему, восклицаютъ другіе, вы не хотите послать своихъ представителей въ палату депутатовъ, или въ муниципальные совѣты? Они могли бы тамъ быть вамъ полезными, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользовались бы большимъ авторитетомъ для распространенія вашихъ идей въ массѣ.»

Съ другой стороны, нѣкоторые анархисты воображаютъ, что поступаютъ очень послѣдовательно, доводя свои разсужденія до абсурда и вырабатывая въ себѣ цѣлый рядъ понятій, рѣшительно не имѣющихъ ничего общаго съ анархическими идеями. Нѣкоторые, напримѣръ, начинаютъ, подъ предлогомъ разрушенія собственности, защищать воровство; другіе доходятъ въ своей проповѣди свободной любви до такихъ нелѣпостей, которыя они, не колеблясь, назвали бы развратомъ, если бы дѣло шло о какомъ-нибудь буржуа. Но самые непримиримые, это — тѣ, которые отрицаютъ всякіе принципы, считая ихъ предразсудками; «что мнѣ за дѣло до принциповъ!» кричатъ они, «разъ дѣло идетъ о революціи — всѣ средства хороши и намъ нечего останавливаться совершенно некстати изъ-за какихъ-то принциповъ».

Но это — большая ошибка, и если эти люди хорошенько подумаютъ, то они сами быстро увидятъ, что не всѣ

средства хороши для достиженія анархическаго идеала: есть и такія, которыя идутъ ему наперекоръ. Какой нибудь пріемъ борьбы можетъ иногда съ перваго взгляда казаться успѣшнымъ, въ дѣйствительности же — только задерживать развитіе идеи, служа исключительно личнымъ интересамъ того или другого дѣятеля. Поэтому — все равно признаемъ мы это или не признаемъ, — но изъ каждаго порядка идей вытекаетъ извѣстный руководящій принципъ, на которомъ намъ приходится основываться при выборѣ средствъ для практическаго осуществленія данной идеи или для ея болѣе успѣшнаго распространенія. Этотъ принципъ дѣйствуетъ съ неизбѣжностью естественнаго закона и самъ караетъ всякое нарушеніе: отступая отъ него, вы отдаляетесь отъ намѣченной цѣли и достигаете результатовъ, совершенно обратныхъ тѣмъ, къ которымъ стремитесь.

Возьмемъ хотя бы пользованіе всеобщимъ избирательнымъ правомъ, о которомъ мы упомянули въ началѣ этой главы. Легко, конечно, говорить: «Отчего вы не попробуете послать вашихъ товарищей въ палату: они могли бы тамъ провести тѣ реформы, къ которымъ вы стремитесь, или, по крайней мѣрѣ, лучше съорганизовали бы силы для будущей революціи?» Нѣтъ сомнѣнія, что при умно и систематически веденной оппозиціи голосованіе, какъ и всякое другое средство, можетъ повести къ революціи; но такъ какъ оно само есть ничто иное, какъ очень совершенное орудіе власти, то и вызванная имъ революція можетъ быть только революціей сверху внизъ, революціей чисто политической. Вотъ почему анархисты отрицаютъ это средство, какъ отрицаютъ и самую власть.

Если бы нашъ идеалъ заключался въ томъ, чтобы произвести общественный переворотъ при помощи сильной власти, которая подчинила бы массу одной какой нибудь данной формулѣ, мы могли бы конечно попробовать воспользоваться всеобщимъ избирательнымъ правомъ и постараться повліять на массу такъ, чтобы она поручила кому-нибудь изъ нашихъ заботиться о своей судьбѣ и проводить наши теоріи въ жизнь. Да и то, какъ мы уже видѣли выше, въ главѣ о государственной власти, пользованіе избирательнымъ правомъ могло бы выдвинуть только

посредственности, потому что оно связано со столькими униженіями, съ такимъ опошленіемъ для тѣхъ, кто добивается избранія, что ни одинъ искренній и сколько нибудь умный человѣкъ не захочетъ стать въ такое положеніе.

Причина неуспѣха коллективистовъ въ избирательной борьбѣ всегда именно въ томъ и заключалась, что они — люди сравнительно умные, и потому ихъ побѣждали поссибилисты*), среди которыхъ были только пустые болтуны, не имѣющіе ничего за душою; коллективисты же хотѣли (хотя и не вездѣ) и сохранить въ неприкосновенности свои революціонныя убѣжденія и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить программу реформъ. Понятно, что избиратель, какъ онъ ни глупъ, начиналъ думать: «Если мнѣ все равно придется прибѣгнуть къ революціи, то зачѣмъ же требовать реформъ? Если эти реформы — не могутъ предотвратить необходимости взяться за оружіе, то зачѣмъ посылать въ Палату своихъ депутатовъ, чтобы они ихъ тамъ предлагали?» Если даже онъ и не разсуждалъ въ такой именно конкретной формѣ, въ какой мы передаемъ (это было бы выше средняго уровня избирателей), то таковъ былъ, во всякомъ случаѣ, общій смыслъ дебатовъ на избирательныхъ собраніяхъ, такова была смутно бродившая въ головахъ публики мысль; и вотъ избиратель рѣшалъ подавать голосъ или за радикаловъ, которые восхваляли пользу предлагаемыхъ реформъ, или за поссибилистовъ, которые тоже занимались восхваленіемъ парламентскихъ панацей, но при этомъ — чтобы польстить рабочимъ — приправляли свои рѣчи нѣсколькими нападками на буржуазію; что касается революціи, то они совершенно не упоминали о ней, предпочитая вести интриги съ чисто политическими партіями и, цѣною взаимнаго обмѣна услугъ, обезпечивать избраніе своихъ кандидатовъ.

Другой недостатокъ избирательной системы состоитъ въ томъ, что она всегда подавляетъ личную иниціативу, которую мы, наоборотъ, должны всѣми силами стараться развить. Она представляетъ изъ себя орудіе власти, а

*) „Поссибилисты“ — „возможники“, партія, добивающаяся только „возможныхъ“ реформъ.

мы стремимся къ полному освобожденію человѣческой личности; она — орудіе угнетенія, а мы хотимъ, наоборотъ, вдохнуть въ людей духъ протеста. Избирательная агитація не можетъ быть намъ полезна, а можетъ быть только вредна; поэтому мы должны выступать противъ пользованія ей. Разъ мы говоримъ людямъ, что не слѣдуетъ повиноваться никакимъ властямъ, что нужно дѣйствовать всегда только по своему внутреннему убѣжденію, что не нужно подчиняться силѣ, которая хочетъ заставить васъ дѣлать то, что вамъ кажется дурнымъ, — мы не можемъ, не впадая въ противорѣчіе сами съ собою, проповѣдовать имъ подчиненіе закулиснымъ интригамъ какого-нибудь избирательнаго комитета, не можемъ совѣтовать имъ выбирать людей для установленія законовъ, которые они заранѣе обязуются исполнить, не можемъ приглашать ихъ принести въ жертву этимъ людямъ всякую собственную волю, всякую личную инициативу.

Это очевидное противорѣчіе должно бы было бросаться въ глаза даже наименѣе проницательнымъ людямъ: если бы мы въ него впали, мы сами сломали бы находящееся въ нашихъ рукахъ оружіе, потому что, унизившись до такихъ средствъ, мы оказались бы не больше не меньше какъ простыми шарлатанами.

Кромѣ того, человѣкъ, какъ извѣстно не совершененъ, и мы рисковали бы попасть, въ своемъ выборѣ, на честолюбцевъ и интригановъ, которые, разъ очутившись въ буржуазной средѣ, воспользовались бы этимъ, чтобы создать себѣ положеніе и оставить въ сторонѣ всякія идеи. Что же касается людей искреннихъ, то въ этой испорченной атмосферѣ имъ оставалось бы одно изъ двухъ: или добросовѣстно признать свое безсиліе и удалиться, или же приспособиться къ парламентскимъ нравамъ и самимъ обуржуазиться. И мы, которые стараемся предостеречь массу отъ увлеченія отдѣльными личностями, стараемся объяснить ей, что отъ нихъ нечего ждать, — мы оказались бы въ положеніи людей, потратившихъ всѣ свои усилія на созданіе карьеры для нѣсколькихъ человѣкъ. Въ случаѣ же, если бы они оказались измѣнниками, это бросило бы тѣнь на наши идеи. Большинство людей сказало бы: «Анархисты нисколько не лучше другихъ», и

лишь очень немногіе съумѣли бы отдѣлить идеи отъ личностей, понять, что нельзя ставить въ упрекъ первымъ то, что зависитъ исключительно отъ слабости или испорченности послѣднихъ.

И вотъ, потративъ массу драгоцѣннаго времени и массу силъ на доставленіе торжества нѣсколькимъ личностямъ, мы должны были бы потерять еще столько же не менѣе драгоцѣннаго времени и потратить понапрасну еще столько же силъ, ради доказательства того, что эти люди — измѣнники, но что ихъ измѣна нисколько не касается проповѣдуемыхъ нами идей. И неужели же послѣ этого мы опять выставили бы новыхъ кандидатовъ? Конечно, нѣтъ! Пословица «паршивая овца все стадо портитъ» очень стара, по вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ вѣрна; въ особенности же она вѣрна тогда, когда рѣчь идетъ, наоборотъ, объ одной здоровой овцѣ, пущенной въ стадо паршивыхъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что намъ нѣтъ цѣли пользоваться избирательнымъ правомъ: оно не только не можетъ дать никакихъ результатовъ, но, что еще важнѣе, идетъ наперекоръ нашей цѣли, наперекоръ нашимъ принципамъ.

Другіе противники — а съ ними вмѣстѣ и нѣкоторые анархисты — говорятъ, что во время революціи непремѣнно придется признать, если и не власть какого нибудь вожака — такъ далеко они не идутъ, — то, во всякомъ случаѣ, превосходство какого нибудь одного лица, и подчиниться тому авторитету, который мы за нимъ признаемъ. Это — удивительное противорѣчіе, удивительное переживаніе крѣпко укоренившихся въ насъ вмѣстѣ съ воспитаніемъ предразсудковъ. Мы громко требуемъ свободы, а между тѣмъ въ страхѣ отступаемъ передъ ея послѣдствіями; мы не довѣряемъ ея силѣ и хотимъ, для достиженія ея, прибѣгнуть къ помощи . . . власти! Вотъ она, непослѣдовательность человѣческаго ума!

Чтобы стать свободнымъ, самое лучшее средство это — начать пользоваться этой свободой, не подчиняясь ничьей опекѣ; чтобы научить ребенка ходить, во всякомъ случаѣ, никогда не начинаютъ съ того, чтобы связать ему ноги!

«Однако,» говорятъ намъ, «есть вещи, которыя одни

люди знаютъ лучше, чѣмъ другіе; поэтому, прежде чѣмъ начать дѣйствовать, нужно посовѣтоваться съ этими знающими людьми и послѣдовать ихъ совѣту». Мы всегда были того мнѣнія, что иниціатива отдѣльной личности нисколько не исключаетъ взаимнаго соглашенія въ виду общаго дѣла, и что изъ этого соглашенія вытекаетъ всегда извѣстная организація, извѣстное раздѣленіе труда, въ силу котораго каждый становится солидарнымъ со всѣми остальными и приспособляется въ своей дѣятельности къ дѣятельности своихъ товарищей по борьбѣ или по работѣ; но отъ этого еще очень далеко до обязательства для каждой отдѣльной личности подчинять свою волю тому, кто будетъ признанъ болѣе компетентнымъ въ той или иной опредѣленной области.

Когда мы, напримѣръ, отправляемся компаніей на прогулку и поручаемъ тому изъ насъ, кто лучше другихъ знаетъ мѣстность, привести насъ къ намѣченной цѣли, то развѣ это значитъ, что мы избрали его своимъ вождемъ и обязались слѣпо идти за нимъ, куда бы ему не вздумалось насъ повести? Развѣ мы даемъ ему въ руки силу, которой бы онъ могъ принудить насъ подчиниться въ случаѣ, если бы мы отказались за нимъ слѣдовать? Конечно, нѣтъ. Если среди насъ есть человѣкъ, который знаетъ дорогу, мы идемъ за нимъ, потому что предполагаемъ, что онъ сможетъ привести насъ къ цѣли, и знаемъ, что онъ самъ идетъ туда же, но этимъ мы нисколько не отрекаемся отъ своей собственной воли. Если во время пути кто-нибудь изъ насъ замѣтитъ, что нашъ провожатый ошибается, или хочетъ завести насъ не туда, мы постараемся гдѣ-нибудь получить вѣрныя свѣденія о дорогѣ и пойти по тому пути, который покажется намъ наиболѣе короткимъ или пріятнымъ.

Не иначе должно быть и въ борьбѣ. Прежде всего, анархистамъ нужно отказаться отъ борьбы цѣлыми арміями противъ армій, отъ правильныхъ сраженій въ открытомъ полѣ, отъ военной стратегіи и тактики, управляющей полками, какъ шахматный игрокъ управляетъ фигурами на доскѣ. Въ борьбѣ нужно, главнымъ образомъ, направить свои удары на учрежденія — сжечь документы, устанавливающіе права на собственность, подат-

ные реестры, нотаріальные акты, разрушить межевые знаки, уничтожить всевозможныя оффиціальныя записи и т. д. Экспропріація капиталистовъ, захватъ собственности въ общую пользу, предоставленіе массѣ пользоваться предметами потребленія — все это дѣло скорѣе небольшихъ и разсѣянныхъ группъ, дѣло мелкихъ стычекъ, чѣмъ правильныхъ сраженій. Эту борьбу анархисты должны будутъ постараться начать въ возможно большемъ числѣ пунктовъ, чтобы такимъ образомъ напасть на правительство со всѣхъ сторонъ и, принудивъ его раздѣлить свои силы, разбить его по частямъ.

Но для этого рода борьбы не нужно никакихъ вождей. Если кто-нибудь задумаетъ то или другое дѣло, онъ примется за него самъ и постарается привлечь товарищей, которые, если предпріятіе имъ понравится, послѣдуютъ за нимъ, нисколько не отказываясь этимъ отъ своей собственной иниціативы; они просто пойдутъ за тѣмъ, кто имъ покажется способнымъ руководить даннымъ дѣломъ, но если во время борьбы явится другой и предложитъ иной путь, то этотъ другой не подумаетъ спрашивать у перваго разрѣшенія поступить по своему, а прямо предложитъ свой планъ, на который другіе согласятся, или не согласятся, смотря по тому, покажется онъ имъ цѣлесообразнымъ или нѣтъ.

Идея анархизма требуетъ, чтобы тотъ, кто что нибудь знаетъ, дѣлился своими знаніями съ другими, чтобы тотъ, кому первому пришелъ въ голову какой-нибудь проэктъ, принимался за его осуществленіе, объяснивъ его тѣмъ, кого онъ хочетъ за собою увлечь; но никто не долженъ отрекаться, хотя бы временно, отъ своей воли: власти не существуетъ, а существуютъ только равныя между собою личности, взаимно помогающія другъ другу, сообразно своимъ способностямъ, не отказываясь ни отъ своихъ правъ, ни отъ своей независимости. А чтобы доставить торжество анархическимъ идеямъ, самое лучшее средство, это — прилагать ихъ на практикѣ.

То же самое можно сказать и о всѣхъ тѣхъ средствахъ борьбы, на которыя намъ указываютъ. Есть, напримѣръ, анархисты, которые изъ ненависти къ собственности доходятъ до оправданія воровства, и даже — доводя эту

теорію до абсурда — до снисходительнаго отношенія къ воровству между товарищами.

Мы не намѣрены, конечно, заниматься обличеніемъ воровъ: мы предоставляемъ эту задачу буржуазному обществу, которое само виновато въ ихъ существованіи. Но дѣло въ томъ, что когда мы стремимся къ разрушенію частной собственности, мы боремся главнымъ образомъ противъ присвоенія нѣсколькими лицами, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ, нужныхъ для жизни предметовъ; поэтому всякій, кто стремится создать себѣ какими бы то ни было средствами такое положеніе, гдѣ онъ можетъ жить паразитомъ на счетъ общества, для насъ — буржуа и эксплуататоръ, даже въ томъ случаѣ, если онъ не живетъ непосредственно чужимъ трудомъ, а воръ есть ничто иное, какъ буржуа безъ капитала, который, не имѣя возможности заниматься эксплуатаціей законнымъ путемъ, старается сдѣлать это помимо закона — что нисколько не мѣшаетъ ему, въ случаѣ, если ему удастся самому сдѣлаться собственникомъ, быть ревностнымъ защитникомъ суда и полиціи.

Какое для насъ, революціонеровъ, лучшее средство достигнуть революціи? Развитіе человѣческаго достоинства, подъемъ нравственнаго уровня, развитіе въ человѣкѣ независимости и гордости, которыя заставляютъ его не подчиняться чужому произволу, сопротивляться всякому угнетенію, возставать противъ всего, что ему кажется ошибочнымъ или нелѣпымъ. Всѣ окольные пути, всѣ мелочныя и унизительныя уловки, всѣ старанія обойти тотъ или другой пунктъ закона могутъ съ нашей точки зрѣнія, только повредить пропагандѣ, только отдалить насъ отъ цѣли. Они принуждаютъ къ такимъ низменнымъ поступкамъ, которые мы, вообще, отвергаемъ, и вмѣсто того, чтобы возвышать характеръ человѣка, наоборотъ, портятъ и принижаютъ его, пріучая употреблять всю свою энергію на мелочи. Мы одобряемъ, напримѣръ, (и хотѣли бы, чтобы подобные факты повторялись чаще) человѣка, который, будучи поставленъ нашей общественной организаціей въ невозможность жить, открыто и силой захватываетъ то, что ему нужно, громко провозглашая свое право на существованіе; но мы относимся совершенно холодно

и равнодушно къ поступкамъ, входящимъ въ категорію обыденнаго воровства, потому что въ нихъ нѣтъ того характера общественнаго протеста, который, по нашему мнѣнію, долженъ быть ясно виденъ во всемъ, что дѣлается съ цѣлью пропаганды.

То же самое можно сказать и о «пропагандѣ дѣломъ». Чего только не говорилось по этому поводу, какихъ только нелѣпыхъ взглядовъ не высказывалось, какъ со стороны защитниковъ, такъ и со стороны противниковъ этого пріема борьбы?

„Пропаганда дѣломъ" есть ничто иное, какъ мысль, перешедшая въ дѣйствіе, а въ предыдущей главѣ мы видѣли, что сильно чувствовать что-нибудь значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремиться примѣнить свое чувство въ практической жизни. Это — достаточный отвѣтъ противникамъ. Но, съ другой стороны, мы встрѣчали и такихъ сильно увлекающихся, но мало думающихъ анархистовъ, которые хотѣли свести все къ одной только пропагандѣ дѣйствіемъ; убивать буржуа, истреблять фабрикантовъ, поджигать фабрики, разрушать зданія — внѣ этого для нихъ не существовало ничего. Всякій, кто не говорилъ объ убійствахъ или поджогахъ, не былъ, въ ихъ глазахъ, достоинъ названія анархиста.

Мы вполнѣ сочувствуемъ практическому дѣлу вобще: дѣло, это, какъ мы уже говорили — цвѣтъ мысли. Но нужно всетаки, чтобы оно имѣло какую нибудь цѣль, чтобы человѣкъ сознавалъ, что онъ дѣлаетъ: иначе его дѣйствіе обратится противъ него самого.

Представимъ себѣ, напримѣръ, что сгоритъ какой-нибудь, находящійся въ полномъ ходу, заводъ, на которомъ работаютъ, скажемъ 50, 100, 200 или 300 — все равно, сколько — рабочихъ. Хозяинъ этого завода ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ остальныхъ: онъ не хорошъ, не дуренъ, ничего особеннаго сказать о немъ нельзя. Ясно, что если кто-нибудь ни съ того ни съ сего подожжетъ этотъ заводъ, то изъ этого выйдетъ только то, что рабочіе окажутся выброшенными на улицу и, раздраженные бѣдственнымъ положеніемъ, въ которомъ они временно очутятся, несомнѣнно не станутъ доискиваться мотивовъ, которые толкали поджигателя, а обратятся противъ него

и против вдохновляющихъ его идей. Вотъ — послѣдствія необдуманнаго поступка.

Но допустимъ, что борьба между хозяевами и рабочими обострилась, что происходитъ стачка. Въ числѣ хозяевъ есть такіе, которые выдаются среди остальныхъ своей жестокостью — которые вызвали своей особенно сильной эксплуатаціей эту стачку, или своимъ упорствомъ затягиваютъ ее, мѣшая другимъ хозяевамъ уступить; они, несомнѣнно, навлекутъ на себя непріязнь рабочихъ. Представимъ себѣ теперь, что такого хозяина найдутъ гдѣ-нибудь убитымъ, причемъ тутъ же будетъ записка, объясняющая, что его убили именно какъ эксплуататора, или допустимъ, что по тѣмъ же причинамъ подожгутъ его заводъ. Тутъ уже сомнѣнія въ мотивахъ дѣйствія быть не можетъ, и мы увѣрены, что рабочій міръ встрѣтитъ такой актъ сочувственно. Это — поступокъ обдуманный. Въ каждомъ данномъ случаѣ, слѣдовательно, нужно подчинять свои дѣйствія общему руководящему принципу.

«Цѣль оправдываетъ средства» — лозунгъ іезуитовъ. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей хотятъ примѣнить его къ анархическому движенію, но въ сущности онъ годится только для людей, которые ищутъ эгоистическаго удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, не заботясь о тѣхъ, кого они могутъ оскорбить, или кому могутъ повредить по пути. Но когда человѣкъ ищетъ себѣ удовлетворенія въ проведеніи въ жизнь принциповъ солидарности и справедливости, употребляемыя имъ средства должны быть всегда подчинены цѣли; въ противномъ случаѣ они приведутъ къ результатамъ, обратнымъ тѣмъ, которыхъ отъ нихъ ожидаютъ.

Глава XVIII

РЕВОЛЮЦІЯ И АНАРХИЗМЪ.

Это различіе во взглядахъ на пріемы борьбы зависитъ отъ того, что нѣкоторые увлекающіеся товарищи, мало задумываются надъ идеями и въ сущности, имѣютъ въ виду исключительно только революцію, даже тогда, когда имъ кажется, что они борятся за анархическій идеалъ. Они думаютъ, что этотъ идеалъ цѣликомъ заключается въ революціи, совершенно также, какъ республиканцы думали когда то, что стоитъ только провозгласить республику, чтобы открылась эра всеобщаго счастья и благоденствія. Намъ нечего напоминать читателю о тѣхъ разочарованіяхъ, которыя пришлось испытать рабочей массѣ послѣ установленія республиканскаго правленія; постараемся же предотвратить тѣ, не менѣе ужасныя, разочарованія, которыхъ намъ не миновать, если мы не отвыкнемъ ждать всего отъ революціи и дѣлать изъ нея цѣль, когда она есть не болѣе какъ средство.

Наши товарищи исходятъ изъ той — можетъ быть и очень рекомендующей ихъ — мысли, что можно сгруппировать людей заранѣе въ виду революціи, и какъ только ихъ соберется болѣе или менѣе значительное число, попытаться вызвать какое-нибудь возстаніе; они думаютъ, что можно искусственно создать такое положеніе дѣлъ, при которомъ революція вспыхнетъ, а затѣмъ уже организованныя революціонныя группы постараются придать ей должное направленіе. Отсюда ихъ сочувственное отношеніе къ нѣкоторымъ пріемамъ борьбы, которые, какъ имъ кажется, могутъ приблизить этотъ моментъ; отсюда ихъ старанія сгруппировать всѣ революціонныя силы вокругъ одной смѣшанной революціонной программы, оставляя въ сторонѣ такія подробности и оттѣнки мнѣній,

которые могутъ внести разногласія и отдалить нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ они считаютъ обладающими революціоннымъ темпераментомъ.

Мы же, наоборотъ, увѣрены въ томъ, что революція придетъ сама и прежде, чѣмъ мы будемъ достаточно многочисленны чтобы ее вызвать; мы думаемъ, что современная общественная организація неизбѣжно ведетъ къ этому и что если существующій экономическій кризисъ усложнится какимъ-нибудь политическимъ событіемъ, то это можетъ явиться искрой, которая подожжетъ порохъ; то движеніе, которое наши товарищи хотятъ вызвать искусственно, вспыхнетъ, такимъ образомъ, само.

Всякому, кто не хочетъ закрывать глазъ на дѣйствительность и прятать, какъ страусъ, голову подъ крыло, ясно, что настоящее положеніе не можетъ продолжиться долго. Недовольство царитъ повсюду; именно ему буланжизмъ былъ обязанъ той силой, съ которой онъ охватилъ Францію, и если это движеніе окончилось неудачей, то это зависѣло исключительно отъ глупости и трусости стоявшихъ во главѣ его людей. Но то, что не удалось однимъ, можетъ удастся другимъ.

Если въ настоящее время это недовольство и не выражается такъ рѣзко, какъ во время буланжизма, оно однако существуетъ; оно не менѣе распространено, не менѣе глубоко. Промышленный кризисъ не только не смягчается, но все усиливается; найти работу становится все труднѣе и труднѣе; безработица затягивается и армія безработныхъ дѣлается все многочисленнѣе и многочисленнѣе. И всякій разъ, какъ приходитъ зима, мы всякій разъ вновь и вновь видимъ длинныя вереницы нищихъ, дрожащихъ отъ холода и голода, съ тревогой ожидающихъ у воротъ казармъ, больницъ, ресторановъ и нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденій той минуты, когда можно будетъ получить тарелку супа или кусокъ хлѣба. А такъ какъ такое положеніе не можетъ продолжаться долго, то людямъ наконецъ надоѣстъ умирать съ голоду и они сдѣлаютъ революцію.

И вотъ, когда эта революція произойдетъ, вліяніе анархическихъ идей будетъ, по нашему мнѣнію, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онѣ за это время успѣютъ распро-

страниться, чѣмъ лучше онѣ будутъ поняты, чѣмъ полнѣе будутъ онѣ выяснены и очищены отъ всѣхъ тѣхъ предразсудковъ, которые еще живутъ въ насъ благодаря привычкѣ, наслѣдственности и воспитанію. Наша цѣль, поэтому — прежде всего выяснять и распространять наши идеи и образовывать группы товарищей сознательныхъ, избѣгающихъ всякихъ уступокъ, которыя могли бы стушевать часть нашего идеала, всякихъ союзовъ ради увеличенія нашей численности, союзовъ, которые могутъ рано или поздно явиться намъ помѣхою и вызвать сомнѣніе относительно нашихъ настоящихъ цѣлей.

Итакъ, революція для насъ не цѣль, а средство — средство, несомнѣнно неизбѣжное и къ которому, навѣрное, придется прибѣгнуть, но имѣющее цѣнность постольку, поскольку оно ведетъ къ цѣли. Предоставимъ самому обществу создавать своей несправедливостью недовольныхъ, протестующихъ, революціонеровъ; наше же дѣло — создавать людей сознательныхъ, знающихъ, чего они хотятъ, однимъ словомъ — настоящихъ анархистовъ. Они несомнѣнно, должны быть революціонерами, но пусть они останавливаются не только на идеѣ насильственнаго переворота, но и на той цѣли, которой онъ долженъ послужить.

Мы заранѣе предвидимъ возможныя возраженія: «Что сдѣлали до сихъ поръ всѣ ваши прекрасныя теоріи относительно личной иниціативы и самодѣятельности?» скажутъ намъ. «Что дѣлаютъ ваши разсѣянныя повсюду и не связанныя между собою группы? Развѣ вамъ самимъ не приходится бороться противъ различныхъ поступковъ и взглядовъ, прикрывающихся названіемъ анархическихъ, но которыхъ вы не хотите признать таковыми?»

Анархическая пропаганда дѣйствительно не дала до сихъ поръ всѣхъ тѣхъ результатовъ, которые она можетъ дать; ее дѣйствительно поняли далеко не всѣ тѣ, кто заявляетъ себя ея сторонниками; но это только доказываетъ, что наши идеи нужно продолжать разрабатывать, не боясь повтореній, чтобы сосредоточить вниманіе именно на тѣхъ пунктахъ, которые наиболѣе нужно выяснить.

Кромѣ того, если въ дѣятельности анархистовъ и не хватаетъ иногда, сознательной осязательной стройности,

практической организаціи, то она тѣмъ не менѣе ведется довольно энергично и у нихъ, во всякомъ случаѣ, есть та послѣдовательность и стройность, которая вытекаетъ изъ общности ясно намѣченной цѣли. Во Франціи, въ Испаніи, въ Италіи, въ Англіи, въ Америкѣ, въ Австраліи — повсюду анархисты стремятся къ уничтоженію частной собственности и государственной власти, къ полной и безусловной независимости личности. Въ этомъ общая основа всѣхъ ихъ взглядовъ.

Въ вопросѣ о способахъ достиженія общей цѣли могутъ, конечно, быть разногласія: идеальное единство пока еще не установилось. Но мало по малу мы къ этому приближаемся и, какъ только исчезнетъ боязнь нѣкоторыхъ словъ, подъ которыми люди понимаютъ самыя различныя вещи, мы увидимъ настоящее взаимное соглашеніе между группами разныхъ странъ, настоящую серьезную организацію, основанную на совершенно свободныхъ началахъ и тѣмъ болѣе прочную, что она будетъ вытекать изъ самой практики, а не изъ искусственнаго и основаннаго на уступкахъ договора.

Что же касается существованія такихъ теорій и поступковъ, отъ которыхъ слѣдуетъ сторониться, то, дѣйствительно, существуетъ въ движеніи извѣстное направленіе — направленіе, несомнѣнно имѣющее полицейскій источникъ, но распространяющееся благодаря искреннему увлеченію нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей — противъ котораго мы всѣми силами должны бороться.

Но отрицать принципы и все только призывать къ революціи — плохое средство уберечься отъ предателей, отъ ложныхъ идей, отъ ложныхъ принциповъ. Есть только одинъ путь для разграниченія между идеями дѣйствительно анархическими и мнѣніями, высказываемыми съ цѣлью свести движеніе съ его настоящей дороги: это — стараться еще лучше выяснить наши взгляды, еще полнѣе очистить ихъ отъ всѣхъ переживаній стремленія къ господству надъ другими. Мы должны стремиться къ тому, чтобы люди, къ которымъ мы обращаемся, насъ понимали и умѣли сами отличить, имѣетъ ли данный поступокъ анархическій характеръ, или нѣтъ; это будетъ гораздо

дѣйствительнѣе чѣмъ заранѣе высказанное осужденіе той или другой категоріи дѣйствій.

Правда, то, что происходитъ въ настоящую минуту въ нашихъ рядахъ, можетъ иногда внушить людямъ, съ нетерпѣніемъ ожидающимъ осуществленія нашего идеала счастья и гармоніи, сомнѣніе въ возможности его, въ возможности водворенія согласія среди того хаоса идей, которыя, подъ именемъ анархизма, борятся въ наше время такъ или иначе съ буржуазнымъ строемъ. Но развѣ всякая новая идея, стремящаяся къ разрушенію существующаго, не создаетъ временно хаоса и безпорядка? Повторяемъ: предоставимъ нашимъ нетерпѣливымъ товарищамъ немного успокоиться, и займемся болѣе точной разработкой идей; по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ серьезнѣе обдумываться и сознательнѣе восприниматься, онѣ сами уложатся въ систему, и эта система будетъ тѣмъ стройнѣе, чѣмъ меньше препятствій мы будемъ ставить свободному развитію мысли. Развитіе анархической идеи само создастъ сознательныхъ людей и увеличитъ такимъ образомъ вѣроятность успѣха для будущей революціи.

Зарожденіе этого ошибочнаго взгляда на принципы, какъ на лишнее стѣсненіе въ революціонной борьбѣ, въ значительной степени зависѣло отъ того, что при видѣ хаоса въ идеяхъ и поступкахъ, царящаго вокругъ нихъ, многіе изъ нашихъ товарищей начинали съ одной стороны отчаиваться въ возможности сгруппировать силы въ виду революціи, а съ другой — относиться какъ къ метафизикѣ къ обсужденію всякихъ идейныхъ вопросовъ. Не находя въ нашемъ собственномъ запасѣ идей этой силы, они вообразили, что ее можно получить изъ другого источника, и вернулись къ средствамъ борьбы, прямо заимствованнымъ изъ понятій государственныхъ. При этомъ они самымъ наивнымъ образомъ думаютъ, что, перемѣнивъ названія, они измѣнили и самыя понятія. Нетерпѣніе мѣшаетъ имъ видѣть, что, несмотря на свою кажущуюся разрозненность, усилія борцовъ тѣмъ не менѣе всѣ ведутъ къ одной цѣли, и этому объединенію остается только сдѣлаться сознательнымъ, чтобы пріобрѣсти всю ту силу, которую они хотѣли бы ему придать и которая въ дѣйстви-

тельности можетъ явиться только слѣдствіемъ полнаго развитія идей.

Мы хотимъ, говорятъ они намъ, чтобы когда кто-нибудь изъ товарищей обѣщаетъ намъ свое содѣйствіе въ какомъ-нибудь дѣлѣ, мы могли на него разсчитывать, и чтобы онъ не нарушалъ своего обѣщанія, укрываясь за свободу, за независимость личности и т. д. Мы совершенно съ этимъ согласны, но мы думаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что дѣло пропагандиста показать людямъ, что они должны брать на себя обязательство только тогда, когда увѣрены, что выполнятъ его, и что, разъ уже они дали обѣщаніе, простая честность заставляетъ исполнить его. Конечно, при этомъ приходится бороться съ тѣмъ самымъ деморализующимъ направленіемъ, о которомъ мы говорили выше, но опять таки доказать преимущества солидарности и полнаго довѣрія между товарищами можетъ только пропаганда. Какая польза отъ того, что отъ человѣка заранѣе потребуютъ взять на себя то или иное обязательство? Допустимъ даже, что мы напишемъ огромными буквами въ заранѣе выработанныхъ программахъ, что люди должны исполнять то, что они обѣщали; что же намъ изъ этого, если у насъ нѣтъ въ рукахъ никакой силы, чтобы принудить тѣхъ, кто захочетъ нарушить свое обѣщаніе, къ исполненію его?

Будемъ меньше руководствоваться нашимъ нетерпѣніемъ и больше — голосомъ разсудка, и мы увидимъ, что метафизика не всегда бываетъ на той сторонѣ, гдѣ ее ищутъ.

Глава XIX

БЕЗПОЛЕЗНОСТЬ РЕФОРМЪ.

Разбирая вопросъ о томъ, что заставляетъ насъ быть революціонерами, мы уже видѣли, что самъ современный строй порождаетъ и нищету и недовольство и, такимъ образомъ, неизбѣжно ведетъ къ революціонному протесту; а разъ уже мы, самой силой вещей, принуждены участвовать въ этой революціи, то самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это — начать къ ней приготовляться. Есть и еще одно соображеніе, о которомъ мы упоминали лишь вскользь, но которое также очень важно; оно объясняетъ почему анархисты не борятся за осуществленіе нѣкоторыхъ реформъ, которыя многіе представляютъ рабочимъ какъ лѣкарство отъ всѣхъ золъ, или какъ средство достигнуть освобожденія мало по малу и мирнымъ путемъ.

Мы убѣждены въ томъ, что при существующемъ капиталистическомъ строѣ, при дѣленіи общества на два класса, изъ которыхъ одинъ живетъ на счетъ другого, всякое улучшеніе въ положеніи класса эксплуатируемаго будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ослабленіемъ привиллегій класса эксплуататоровъ. Поэтому одно изъ двухъ: или данная реформа есть ничто иное какъ миражъ, какъ приманка, выдуманная для того, чтобы усыпить рабочихъ и, заставить ихъ потратить всѣ свои силы на пріобрѣтеніе мыльныхъ пузырей, которые тотчасъ же лопнутъ, какъ только ихъ захотятъ взять въ руки, или же эта реформа дѣйствительно можетъ измѣнить положеніе дѣлъ. Въ послѣднемъ случаѣ привиллегированный классъ, стоящій у власти, сдѣлаетъ все возможное, чтобы помѣшать ея осуществленію, или обратить ее въ свою пользу, и тогда рабочимъ придется опять таки прибѣгнуть къ рѣшительному средству, къ силѣ.

Мы не думаемъ заниматься разборомъ всѣхъ плановъ реформъ, всѣхъ избирательныхъ фантазій, изобрѣтаемыхъ ищущими новинокъ политиками или жаждущими избранія кандидатами: для этого намъ потребовались бы цѣлые томы. Но мы надѣемся, что читатель уже убѣдился въ томъ, что источникъ существующей бѣдности лежитъ въ плохомъ экономическомъ строѣ, и что онъ легко пойметъ, почему мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ реформы, относящіяся къ чисто-политическимъ перемѣнамъ. Что касается реформъ экономическихъ, то такихъ, которыя стоило бы разбирать, очень немного и ихъ легко перечислить: это — подоходный налогъ, сокращеніе рабочаго дня и установленіе минимума заработной платы, увеличеніе налоговъ на наслѣдства и уничтоженіе права наслѣдства для наслѣдниковъ не по прямой линіи. Прибавимъ къ этому еще и устройство рабочихъ синдикатовъ и превращеніе ихъ въ потребительныя товарищества, и мы получимъ весь реформаторскій багажъ тѣхъ, кто хочетъ преобразовать общество путемъ постепенной эволюціи. По количеству это немного; посмотримъ, каково качество.

Во-первыхъ, подоходный налогъ. Его уже давно проповѣдуютъ какъ лѣкарство ото всѣхъ золъ, но понемногу онъ начинаетъ терять свое прежнее обаяніе. Это — одна изъ тѣхъ реформъ, которыми различнаго рода политиканы успѣшнѣе всего прельщали рабочихъ и которыя пользовались наибольшей популярностью: въ самомъ дѣлѣ эта реформа, казалось, должна была возложить заботу о государственныхъ издержкахъ на богатыхъ и возстановить нѣкоторое равновѣсіе въ обществѣ, заставивъ каждаго члена его участвовать въ расходахъ сообразно количеству тѣхъ услугъ, которыя общество ему оказываетъ.

Но стоитъ только внимательнѣе присмотрѣться къ общественному механизму и поискать, въ чемъ состоятъ дѣйствительные источники богатства, чтобы увидать, что эта реформа не можетъ измѣнить ничего, что она — ничто иное, какъ грубая ловушка для рабочихъ, съ цѣлью подать имъ ложную надежду на неосуществимыя улучшенія и помѣшать искать болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ освобожденію.

Есть, правда, среди буржуазіи люди, которые, при од-

номъ намекѣ на подоходный налогъ, пугаются и уже представляютъ себя «ограбленными» въ пользу «черни»; людей, которые дрожатъ и прячутся при малѣйшей тревогѣ, что не мѣшаетъ имъ кричать точно ихъ рѣжутъ, какъ только кто-нибудь сдѣлаетъ видъ, что хочетъ тронуть ихъ привиллегіи, не мало среди буржуазіи. Возможно также, что въ числѣ тѣхъ, кто защищаетъ эту реформу, есть и люди искренніе, дѣйствительно вѣрящіе въ ея полезность. Во всякомъ случаѣ, какъ крики ужаса однихъ, такъ и наивная вѣра другихъ, ведутъ къ тому, что обманутые рабочіе принимаютъ эту игру за серьезное дѣло и перестаютъ слушать тѣхъ, кто доказываетъ, что имъ нечего ждать отъ эксплуататоровъ и что дѣйствительно освобожденіе наступитъ для нихъ только тогда, когда эти эксплуататоры исчезнутъ.

Въ старыя времена, когда существовала десятина, рабочій народъ зналъ, сколько именно онъ платитъ своимъ господамъ и угнетателямъ: столько-то шло помѣщику, столько-то попу, столько-то тому, столько-то другому. Въ концѣ концовъ, онъ замѣтилъ, что для него самого остается при такой системѣ слишкомъ мало, и устроилъ революцію. Власть перешла въ руки буржуазіи, а такъ какъ народъ боролся за уничтоженіе десятины, то возстановить ее было бы слишкомъ неосторожно. И вотъ, буржуазія изобрѣла прямые и косвенные налоги. Та же десятина продолжала взиматься по прежнему, но только деньги государству платили прежде всего капиталисты, торговцы и различнаго рода посредники, которые уже затѣмъ съ избыткомъ вознаграждали себя на счетъ кармановъ производителей и потребителей. А такъ какъ послѣдніе не имѣютъ дѣла непосредственно съ казной, то они и не могутъ дать себѣ точнаго отчета въ томъ, сколько именно они платятъ; все идетъ такимъ образомъ, къ лучшему въ лучшемъ изъ буржуазныхъ міровъ.

Во Франціи, говорятъ намъ, на каждаго человѣка приходится отъ 130 до 140 франковъ податей въ годъ; вѣдь это — сумма настолько незначительная, что не стоитъ отказывать себѣ въ удовольствіи имѣть за такую дешевую плату, почти даромъ, правительство, которое беретъ на себя заботу о вашемъ благополучіи! Это, конечно, даромъ,

но дѣло въ томъ, что, рабочій не замѣчаетъ, что, такъ какъ только онъ производитъ, то только онъ и платитъ: онъ вноситъ не только ту сумму, которая приходится на его долю, но и то, что приходится на долю разныхъ паразитовъ, живущихъ продуктами его труда.

Сколько бы софизмовъ не пускали въ ходъ буржуазные экономисты ради оправданія существованія капиталистовъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: капиталъ самъ умножаться не можетъ, а можетъ быть только продуктомъ труда; но такъ какъ капиталисты сами не работаютъ, то ихъ капиталъ долженъ быть результатомъ труда другихъ. Вся торговля между отдѣльными личностями и между народами, весь обмѣнъ, всѣ международныя сношенія — все это существуетъ благодаря труду, а барышъ, получаемый различными посредниками, есть ничто иное, какъ та же десятина, взимаемая владѣтелями капитала съ труда производителей.

Если мы получаемъ отъ земли различные продукты: хлѣбъ, овощи, плоды, служащіе намъ въ пищу, ленъ и коноплю, которые мы употребляемъ на одежду, то развѣ мы обязаны этимъ вложенному въ землю капиталу? Развѣ благодаря ему существуютъ пастбища для нашего скота? Развѣ одной силы капитала было бы достаточно для полученія изъ копей металловъ, нужныхъ намъ въ разныхъ отрасляхъ нашей промышленности, для машинъ и для всевозможныхъ инструментовъ? Развѣ капиталъ обрабатываетъ сырой матеріалъ и превращаетъ его въ предметы потребленія? Никто не рѣшится этого утверждать, и даже сама буржуазная политическая экономія, все сводящая къ капиталу, не идетъ такъ далеко: она старается только доказать, что разъ капиталъ необходимъ для всякаго промышленнаго предпріятія, онъ имѣетъ право на долю — и притомъ самую большую — въ получаемой прибыли, въ вознагражденіе за тотъ рискъ, которому онъ якобы подвергается.

Чтобы показать безполезность капитала, прибѣгнемъ къ извѣстной и много разъ уже служившей гипотезѣ: представимъ себѣ, что всѣ виды денегъ — золотыя и серебряныя монеты, банковые билеты, векселя, чеки и другія цѣнныя бумаги — исчезли; что же, неужели производство

отъ этого пріостановится? Неужели крестьянинъ перестанетъ обрабатывать землю, углекопъ — работать въ копяхъ, фабричный рабочій — производить различные предметы потребленія? Неужели рабочіе не найдутъ средства устроить обмѣнъ продуктовъ и продолжать жить и производить, несмотря на устраненіе денегъ? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть только одинъ, и онъ ясно показываетъ намъ, что капиталъ служитъ лишь маской, скрывающей безполезность общественныхъ паразитовъ и позволяющей имъ взимать за свое посредничество дань съ рабочаго класса. Поэтому, къ какимъ бы средствамъ государство не прибѣгло для обложенія налогами доходовъ съ капитала, эти налоги въ концѣ концовъ все равно западутъ на производителей, потому что и сами доходы зависятъ исключительно отъ труда этихъ послѣднихъ.

Чѣмъ больше будетъ этотъ налогъ, тѣмъ большею тяжестью онъ ляжетъ на рабочихъ, а разнаго рода посредники еще увеличатъ ее. И, въ концѣ концовъ, благодаря недостаткамъ, присущимъ нашему общественному строю, хваленая реформа обратится въ новое орудіе эксплуатаціи и грабежа.

Послѣ подоходнаго налога, уже пережившаго время наибольшей своей популярности, самой излюбленной реформой является въ настоящее время сокращеніе рабочаго дня съ установленіемъ минимальной заработной платы.

Установить — въ пользу рабочихъ — извѣстныя опредѣленныя отношенія между трудомъ и капиталомъ, добиться того, чтобы работать не двѣнадцать часовъ въ день, а восемь — кажется, съ перваго взгляда громаднымъ шагомъ впередъ; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если многіе увлекаются этимъ паліативомъ и употребляютъ на достиженіе его всѣ свои силы, въ полной увѣренности, что работаютъ для освобожденія рабочаго класса. Но мы уже видѣли, когда намъ пришлось говорить о государственной власти, что у этой власти есть только одна задача: это — поддержаніе существующаго порядка вещей. Поэтому, требовать, чтобы государство вмѣшивалось въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, значитъ идти наперекоръ всякой логикѣ: это вмѣша-

тельство можетъ оказаться выгоднымъ только для тѣхъ, чьи интересы государство призвано защищать. Мы уже видѣли на примѣрѣ подоходнаго налога, что роль капиталиста — существовать на счетъ настоящаго производителя; поэтому, совѣтовать рабочимъ просить у буржуазіи ограничить свои доходы, когда она только и старается о томъ, чтобы ихъ какъ-нибудь увеличить, — значитъ не больше не меньше, какъ жестоко смѣяться надъ ними. Даже для политическихъ измѣненій, гораздо менѣе важныхъ, чѣмъ это, и то потребовались цѣлыя революціи.

Если рабочій день будетъ уменьшенъ до восьми часовъ, говорятъ намъ защитники реформы, это уменьшитъ безработицу, происходящую отъ перепроизводства, и дастъ возможность рабочимъ поднять впослѣдствіи заработную плату. Съ перваго взгляда, это разсужденіе кажется вполнѣ правильнымъ, но для всякаго, кто попытается дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ, связанныхъ съ современнымъ строемъ нашего такъ называемаго общества, скоро станетъ ясна ошибочность его.

Мы уже видѣли выше, что излишекъ товаровъ въ торговыхъ складахъ происходитъ не отъ слишкомъ большихъ размѣровъ производства, а отъ того, что большинство производителей живетъ въ нуждѣ и не можетъ потреблять столько, сколько ему нужно. Самый правильный путь для рабочаго, чтобы обезпечить себѣ работу, это — захватить въ свои руки всѣ тѣ продукты, которыхъ его лишаютъ и употребить ихъ на удовлетвореніе своихъ потребностей. На этой сторонѣ вопроса мы поэтому останавливаться не будемъ; мы хотимъ только показать, что эта реформа не можетъ принести рабочимъ и никакой денежной выгоды.

Когда капиталистъ вкладываетъ свои капиталы въ какое нибудь промышленное предпріятіе, онъ имѣетъ въ виду, что это предпріятіе будетъ приносить ему доходъ. При настоящихъ условіяхъ, напримѣръ, онъ считаетъ, что для полученія извѣстнаго барыша ему нужно десять, одиннадцать или двѣнадцать часовъ труда его рабочихъ. Если вы уменьшите продолжительность рабочаго дня, эти разсчеты нарушатся, и барышъ предпринимателя

падетъ, а такъ какъ капиталъ непремѣнно долженъ приносить ему извѣстный опредѣленный процентъ и весь трудъ капиталиста именно въ томъ и состоитъ, чтобы найти путь къ этому, покупая какъ можно дешевле и продавая какъ можно дороже (т. е. обкрадывая какъ можно лучше всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ входитъ въ сношенія), то онъ примется искать новаго способа наживы, съ цѣлью вознаградить себя за понесенный убытокъ.

Ему представятся для этого три пути: или повысить цѣну продуктовъ, или уменьшить плату рабочимъ, или, наконецъ, заставить этихъ послѣднихъ производить въ восемь часовъ то, что они раньше производили въ двѣнадцать.

Противъ второго изъ этихъ способовъ сторонники реформы оберегаются тѣмъ, что требуютъ одновременнаго установленія минимальной заработной платы. Что касается перваго, то врядъ ли предприниматели будутъ разсчитывать на повышеніе цѣнъ продуктовъ, потому что имъ помѣшаетъ въ этомъ конкурренція; но во всякомъ случаѣ, если бы дороговизна жизни возросла по мѣрѣ увеличенія заработной платы, то это послужило бы доказательствомъ того, что всю тяжесть реформы опять таки придется нести рабочему. Если онъ будетъ получать за восемь часовъ работы то же, что получаетъ теперь, то его положеніе окажется худшимъ, потому что повышеніе цѣнъ сдѣлаетъ для него этотъ заработокъ сравнительно меньшимъ.

На примѣрѣ сѣверной и южной Америки мы видимъ, что повсюду, гдѣ рабочему удалось добиться высокой заработной платы, одновременно съ этимъ увеличилась дороговизна жизни: если рабочему случается получать въ день двадцать франковъ, то это значитъ, что для того, чтобы жить такъ, какъ можетъ жить человѣкъ, имѣющій хорошій заработокъ, ему нужно было бы двадцать пять; этотъ заработокъ всегда, такимъ образомъ, остается ниже средняго необходимаго уровня.

Но въ нашъ вѣкъ пара и электричества, конкурренція требуетъ отъ производства быстроты и дешевизны; поэтому для вознагражденія своихъ убытковъ эксплуататоры не будутъ особенно разсчитывать на вздорожаніе продуктовъ.

Самымъ удобнымъ средствомъ охранить свои барыши явится для нихъ третье, т. е. они постараются заставить рабочихъ производить въ восемь часовъ то, что они производили въ двѣнадцать.

Рабочему придется работать быстрѣе, а благодаря этому то загроможденіе рынка товарами и та безработица, которыхъ хотѣли избѣгнуть, останутся прежними: размѣры производства не измѣнятся, а возможности потреблять будетъ у рабочаго не больше, чѣмъ теперь.

Но этой безуспѣшностью реформы дѣло не ограничится: уменьшеніе рабочаго дня поведетъ за собою, прежде всего, введеніе болѣе совершенныхъ машинъ и замѣну живого рабочаго рабочимъ желѣзнымъ. Въ благоустроенномъ обществѣ это было бы шагомъ впередъ, но въ нашемъ — оказывается только лишней причиной бѣдности. Кромѣ того, при болѣе скорой работѣ, рабочему придется усилить быстроту своихъ движеній, больше сосредоточиваться на своей работѣ, а это напряженіе силъ всего организма будетъ для него еще болѣе вреднымъ, чѣмъ продолжительность труда. Правда, онъ будетъ работать меньшее число часовъ, но онъ будетъ тратить въ это гораздо болѣе короткое время больше силъ, а потому будетъ утомляться сильнѣе и скорѣе.

Если мы обратимся къ примѣру Англіи, на которую намъ указываютъ сторонники реформы и гдѣ рабочій день сведенъ къ 9-ти часамъ, то мы увидимъ, что это «улучшеніе» является, въ дѣйствительности скорѣе «ухудшеніемъ» для рабочихъ. Въ подтвержденіе сошлемся на того самаго Маркса, котораго инціаторы реформы считаютъ своимъ оракуломъ.

Въ первомъ томѣ «Капитала» мы находимъ слѣдующую выдержку изъ доклада одного фабричнаго инспектора (стр. 418 перваго русскаго изданія): «Такъ, напримѣръ, относительно гончарнаго производства фирма Cochrane подъ названіемъ «Britain Pottery, Glasgow» говоритъ: «чтобы поддержать количество продуктовъ, мы усиленно вводимъ въ употребленіе машины съ неискуссными рабочими, мы ежедневно болѣе и болѣе убѣждаемся, что можемъ этимъ путемъ производить больше, нежели старымъ способомъ».... „Вліяніе фабричнаго закона выражается въ

томъ, что онъ понуждаетъ къ дальнѣйшему введенію машинъ“.

А на стр. 370 мы находимъ слѣдующее:

„Поэтому, хотя инспекторы фабрикъ безъ устали, имѣя на это полное право, восхваляли благопріятные результаты фабричныхъ законовъ 1884-1850 гг., однако они сознаются, что сокращеніе рабочаго дня вызвало усиленіе напряженія труда, разрушающее здоровье, а слѣдовательно и самую рабочую силу. „Кажется, въ большей части хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикъ изнуреніе, вслѣдствіе возбужденнаго состоянія, — необходимаго для работъ при машинахъ, движеніе которыхъ въ послѣдніе годы такъ необыкновенно ускорилось, — составляетъ одну изъ причинъ сильно-увеличивающейся смертности отъ болѣзней легкихъ“, какъ показалъ D-r. Greenhow въ своемъ превосходномъ послѣднемъ отчетѣ. Коль скоро капиталу прегражденъ закономъ путь **удлиненія рабочаго дня**, то *не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію**), что онъ будетъ стремиться наверстать это систематическимъ повышеніемъ **степени интенсивности труда**, и обратить каждое усовершенствованіе машины въ средство сильнѣйшаго высасыванія рабочей силы. Но это стремленіе, дойдя до извѣстной степени, необходимо ведетъ за собою новое сокращеніе рабочихъ часовъ.“

Итакъ, замѣна рабочаго машиной и большая опасность заболѣть для того, кто работаетъ, вообще — уничтоженіе всякаго вліянія реформы и возвращеніе къ исходной точкѣ (даже оставляя въ сторонѣ происшедшія ухудшенія) — таковы выгоды этой благодѣтельной реформы. Результаты, кажется, достаточно ясные.

«Все это — правда», возразятъ намъ, „но вѣдь развитіе машинизма все равно произойдетъ, даже если мы будемъ работать двѣнадцать часовъ. Уменьшеніе рабочаго дня все таки вноситъ хотя бы временное улучшеніе, потому что даетъ намъ возможность оставаться на фабрикѣ не двѣнадцать часовъ, а всего восемь, а это — нравственная побѣда, которой мы пока и довольствуемся.» Такое

*) Курсивъ нашъ.

возраженіе показываетъ только, что наши противники обладаютъ добрымъ сердцемъ и довольствуются малымъ; но мы, анархисты, — болѣе требовательны и находимъ, что нечего попусту терять время, гоняясь за преобразованіями, которыя ровно ничего не преобразуютъ. Стоитъ ли пропагандировать мѣру, которая хороша только пока не примѣнена на практикѣ, а какъ только переходитъ въ жизнь, такъ обращается противъ преслѣдуемой цѣли?

Машинизмъ, конечно, постепенно развивается, но въ настоящее время это развитіе, благодаря господствующей рутинѣ, совершается довольно медленно. Извѣстно, сколько силъ приходится употребить на то, чтобы заставить принять какое нибудь новое изобрѣтеніе: эксплуататоры порываютъ съ рутиной только тогда, когда имъ приходится сдѣлать это подъ угрозою раззоренія. Все это ускоряетъ ходъ событій и приближаетъ ту соціальную революцію, которую мы предвидимъ. А такъ какъ она все равно неизбѣжна, то мы не хотимъ быть застигнутыми врасплохъ и стараемся приготовиться заранѣе, чтобы въ моментъ, когда она произойдетъ, воспользоваться ею соотвѣтственно нашимъ убѣжденіямъ. Мы стремимся внушить рабочимъ, что имъ нечего ждать отъ подобнаго рода дѣтскихъ забавъ и что единственный путь къ преобразованію общества, это — разрушеніе управляющихъ имъ учрежденій.

Въ самомъ дѣлѣ, давящее насъ эксплуататорское общество слишкомъ хорошо организовано для того, чтобы вся его дѣятельность измѣнилась отъ маленькаго преобразованія въ его механизмѣ, отъ маленькаго улучшенія въ его пріемахъ. Мы уже видѣли, что всякое улучшеніе, всякое новое усовершенствованіе тотчасъ же обращается во вредъ трудящемуся классу и становится новымъ орудіемъ эксплуатаціи въ рукахъ тѣхъ, кто захватилъ въ свои руки все общественное богатство. Если вы хотите, чтобы прогрессъ былъ полезнымъ для всѣхъ, если вы хотите дѣйствительнаго освобожденія рабочаго, вы должны начать съ уничтоженія причины того зла, съ которымъ вы боретесь.

Бѣдствія рабочихъ происходятъ отъ того, что они вынуждены производить на цѣлую армію паразитовъ, съу-

мѣвшихъ захватить въ свою пользу львиную долю продуктовъ. Если вы относитесь къ дѣлу искренно, не теряйте же времени на согласованіе непримиримыхъ интересовъ, не старайтесь объ улучшеніи положенія, которое ничего хорошаго дать не можетъ; уничтожьте лучше общественный паразитизмъ. А такъ какъ этого нельзя ожидать отъ людей, которые сами — ничто иное, какъ паразиты, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это не можетъ быть дѣломъ никакого закона, то мы и говоримъ, что систему эксплуатаціи нельзя улучшить, а можно только уничтожить.

Кромѣ этихъ двухъ реформъ, существуетъ еще одна, которой нѣкоторые, даже просвѣщенные умы, придаютъ извѣстное значеніе: это — увеличеніе налога на наслѣдство по косвенной линіи.

Послѣдствія этого были бы совершенно тѣ же, какъ при введеніи подоходнаго налога. Кромѣ того, мѣра эта могла бы быть примѣнена только къ поземельной собственности, во всемъ же остальномъ ее совершенно парализовало бы развитіе анонимныхъ и акціонерныхъ обществъ — развитіе, которое тогда, несомнѣнно, пошло бы еще быстрѣе. Вмѣсто того, чтобы быть собственниками своихъ имѣній, усадебъ, домовъ и лѣсовъ для охоты, богачи стали бы ихъ нанимать, а отдача въ наемъ организовывалась бы новыми анонимными обществами, на зло всѣмъ государственнымъ мѣропріятіямъ.

Государство смогло бы контролировать такимъ образомъ лишь незначительное число наслѣдствъ, и законъ сдѣлался бы совершенно безполезнымъ. Кромѣ того, благодаря массѣ всевозможныхъ предварительныхъ соглашеній между тѣмъ, кто оставляетъ наслѣдство, и тѣми, въ чью пользу онъ хочетъ имъ распорядиться, послѣдніе всегда будутъ имѣть возможность получить наслѣдство и помимо прямого права наслѣдованія.

Чтобы помѣшать этому, пришлось бы создать сотни законовъ, которые стали бы вмѣшиваться во всѣ человѣческіе поступки и отношенія и мѣшать людямъ распоряжаться своимъ имуществомъ; но даже и при такой инквизиторской системѣ нельзя было бы быть увѣреннымъ въ томъ, что цѣль будетъ достигнута. Чтобы заставить общество примириться съ такого рода мѣрами, пришлось

бы прибѣгнуть къ революціи или къ государственному перевороту. А разъ уже будетъ революція, то не лучше ли сдѣлать ее ради дѣйствительнаго шага впередъ, чѣмъ ради введенія стѣснительныхъ мѣръ?

Но даже если мы допустимъ, что эти мѣры окажутъ извѣстное вліяніе на распредѣленіе собственности, то въ чемъ же измѣнится положеніе рабочаго? Собственность еще разъ перейдетъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, но она опять таки не попадетъ въ распоряженіе рабочихъ. Собственникомъ сдѣлается государство и оно же будетъ заниматься эксплуатаціей, а мы уже видѣли выше (когда говорили о государственной власти), что ничего полезнаго для себя рабочій отъ него ожидать не можетъ. Пока деньги будутъ лежать въ основѣ всего общественнаго устройства, до тѣхъ поръ имъ будутъ управлять люди, ихъ имѣющіе. Будетъ ли государство само непосредственно эксплуатировать тѣ имущества, которыя окажутся у него въ рукахъ, или оно отдастъ ихъ въ аренду частнымъ лицамъ, — операція эта все равно будетъ происходить въ пользу тѣхъ, кто уже владѣетъ собственностью. Допустимъ даже, что ею воспользуется какой-нибудь вновь образовавшійся классъ: это опять таки будетъ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ.

Но чтобы допустить возможность осуществленія этой реформы, мы должны были прежде всего сдѣлать другое предположеніе, а именно, что буржуазія, возведшая въ догматъ неприкосновенность частной собственности и построившая на ея законности и на необходимости ея защиты все свое законодательство, — что эта самая буржуазія позволитъ нарушить порядокъ, который она сама считаетъ незыблемымъ. Можетъ ли кто нибудь сказать, сколько времени понадобится на то, чтобы убѣдить буржуазію согласиться на мѣры, которыя она будетъ считать посягательствомъ на ея „права“? А сколько еще времени уйдетъ, уже послѣ осуществленія этой реформы, на то, чтобы увидать, что она не внесла ровно никакихъ измѣненій? И не будетъ ли при этомъ потеряно столько же времени, сколько, говорятъ, нужно для осуществленія нашихъ „утопій“?

Мы считаемъ безполезнымъ заниматься здѣсь крити-

кой производительныхъ и потребительныхъ товариществъ: мы хотимъ освобожденія полнаго и всеобщаго и знаемъ, что освобожденіе отдѣльной личности невозможно безъ освобожденія всѣхъ; различныя мелкія попытки частичнаго освобожденія не имѣютъ, поэтому, для насъ интереса. Кромѣ того, концентрація капиталовъ и постоянное развитіе техники, требующее все болѣе и болѣе крупныхъ затратъ, дѣлаютъ безсильнымъ и это орудіе улучшенія положенія отдѣльныхъ мелкихъ группъ.

Есть и такіе реформаторы, которые думаютъ внести свою лепту въ дѣло освобожденія человѣчества, разрабатывая какую-нибудь одну область знанія; но подъ вліяніемъ борьбы съ различнаго рода препятствіями они, въ концѣ концовъ, доходятъ до того, что возводятъ свою мысль въ какое то магическое средство, обладающее всевозможными драгоцѣнными качествами и долженствующее излѣчить нашъ страждущій общественный организмъ отъ всѣхъ болѣзней. И сколько среди этихъ фанатиковъ искреннихъ людей! Сколько среди этого хаоса идей встрѣчается идей цѣнныхъ, которыя принесли бы человѣчеству огромную пользу, если бы ихъ приложить въ разумномъ обществѣ; но теперь, осуществляясь по одиночкѣ и въ обществѣ съ уродливой организаціей, онѣ могутъ только или привести къ обратнымъ результатамъ, или быть задушены въ самомъ зародышѣ, не дождавшись даже своего примѣненія.

Среди этихъ убѣжденныхъ сторонниковъ одной какой-нибудь мысли мы укажемъ на одного, очень типичнаго и вполнѣ подходящаго для тѣхъ выводовъ, которые мы хотимъ сдѣлать: это — Жоржъ Вилль, проповѣдникъ системы химическаго удобренія.

Мы не намѣрены входить здѣсь въ подробныя объясненія этой системы. Достаточно будетъ сказать, что химическое изслѣдованіе растеній показало Виллю, что въ нихъ входитъ четырнадцать химическихъ веществъ и что эти вещества всегда одни и тѣ же во всѣхъ растеніяхъ и только мѣняются количественно, смотря по семействамъ. Изслѣдовавъ затѣмъ землю и воздухъ, онъ увидалъ, что растеніе можетъ найти тамъ десять изъ этихъ веществъ и что, слѣдовательно, остается только доставить ему, въ

видѣ удобренія, четыре остальныхъ, т. е. известь, ѣдкій кали, фосфоръ и азотъ. На этомъ онъ строитъ цѣлый проэктъ химическаго удобренія, примѣнительно къ характеру обрабатываемой почвы и воздѣлываемаго растенія, и доказываетъ, на основаніи цифръ, что при настоящемъ положеніи нашихъ знаній мы могли бы получать, съ меньшей, сравнительно съ навозомъ, затратой удобренія, урожай вчетверо и впятеро большій съ той же площади земли; вмѣстѣ съ тѣмъ мы могли бы разводить гораздо больше скота при меньшемъ количествѣ пастбищъ и такимъ образомъ понизить цѣну на мясо. Но при этомъ онъ спѣшитъ заключить, что ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса лежитъ именно въ улучшеніи земледѣлія. «Изобиліе земледѣльческихъ продуктовъ будетъ выгодно для всѣхъ», говоритъ онъ, «собственники земли получатъ обильный урожай и смогутъ продавать свои продукты по низкимъ цѣнамъ; рабочіе же будутъ покупать ихъ за дешевую плату и смогутъ жить въ довольствѣ; они будутъ дѣлать сбереженія, а затѣмъ, въ свою очередь станутъ капиталистами». Все, однимъ словомъ, пойдетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ возможныхъ обществъ.

Мы вполнѣ увѣрены въ искренности г. Вилля и, насколько наши слабыя познанія въ этой области позволяютъ намъ судить о его системѣ, она кажется намъ вполнѣ раціональной. Мы нисколько поэтому не отрицаемъ той пользы, которую принесло бы повсемѣстное приложеніе его системы въ смыслѣ улучшенія положенія рабочихъ, если бы только рабочимъ, вообще, что-нибудь могло пойти на пользу въ современномъ обществѣ. Его цифры только подтверждаютъ мысль анархистовъ, что при тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ современная наука, можно было бы получать такое большое количество продуктовъ, что ихъ даже не пришлось бы дѣлить, а каждый смогъ бы брать изъ общаго достоянія сколько ему будетъ нужно, соотвѣтственно его потребностямъ или желаніямъ; при этомъ обществу не грозило бы никакой опасности голода, — вопреки предсказаніямъ нѣкоторыхъ мрачно-настроенныхъ пессимистовъ, которые думаютъ, что только имъ однимъ свойственна добродѣтель умѣренности. Они готовы сдѣлать намъ уступку и признаются, что сами,

конечно, обошлись бы безъ всякой власти, но считаютъ эту власть все таки необходимой для подавленія тѣхъ дурныхъ инстинктовъ, которыми проникнуто все остальное человѣчество.

Въ маленькой брошюркѣ, озаглавленной «Продукты земледѣлія» одинъ изъ нашихъ товарищей показалъ, на основаніи оффиціальныхъ цифровыхъ данныхъ, что даже при настоящемъ, еще дѣтскомъ, состояніи земледѣлія, общая сумма продуктовъ всего міра на много превышаетъ цифру ихъ потребленія. Съ другой стороны, Вилль доказываетъ, что при разумномъ пользованіи химическими веществами можно, не затрачивая лишняго труда, получать съ земли въ четыре или пять разъ больше того, что она даетъ теперь. Развѣ это не блестящее подтвержденіе той мысли, которую мы всегда защищаемъ?

Но когда Вилль видитъ въ своей системѣ разрѣшеніе соціальнаго вопроса, когда онъ думаетъ, что, благодаря изобилію продуктовъ, они станутъ настолько дешевыми, что рабочій сможетъ жить такъ, чтобы мало тратить и дѣлать сбереженія, — онъ вполнѣ ошибается. Если бы Вилль читалъ буржуазныхъ экономистовъ, хотя бы того же Молинари, то онъ узналъ бы, что «избытокъ продуктовъ на рынкѣ» приводитъ къ такому паденію цѣнъ на нихъ, что ихъ производство перестаетъ быть выгоднымъ для капиталистовъ и капиталы отливаютъ отъ этой отрасли производства, пока не возстановится равновѣсіе и не вернется прежнее положеніе».

Если бы Вилль не былъ такъ поглощенъ своими учеными разсчетами, а сколько нибудь отдавалъ себѣ отчетъ въ функціонированіи общественнаго механизма, онъ увидалъ бы, что, несмотря на огромный избытокъ производства надъ потребленіемъ, въ нашемъ современномъ обществѣ люди буквально умираютъ съ голоду, что самые лучшіе теоретическіе разсчеты на практикѣ приводятъ къ результатамъ совершенно инымъ, чѣмъ отъ нихъ ожидали. Природа, несомнѣнно, можетъ, при помощи человѣческаго ума и человѣческаго труда, доставить дешевые продукты въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія всего человѣчества; но, благодаря торговлѣ и ажіотажу, собственники и капиталисты найдутъ всегда сред-

ство получить желательную сумму барыша: они уменьшатъ количество продуктовъ на рынкѣ, чтобы имѣть возможность продавать ихъ дороже, а въ случаѣ надобности — помѣшаютъ ихъ дальнѣйшему производству, чтобы создать фиктивно-высокія цѣны и удержать ихъ на томъ уровнѣ, который кажется имъ желательнымъ по ихъ жадности и по ихъ привычкѣ къ роскошной и праздной жизни.

Возьмемъ, напримѣръ, уголь — продуктъ совершенно готовый, который остается только извлечь изъ земли; залежей его такъ много, что онѣ встрѣчаются на всемъ земномъ шарѣ и могутъ удовлетворить неограниченное число потребителей. А между тѣмъ цѣна его стоитъ довольно высоко, такъ что далеко не всѣ могутъ пользоваться топливомъ въ томъ количествѣ, какого требуетъ температура; изобиліе продукта не дѣлаетъ его, слѣдовательно, болѣе доступнымъ для рабочихъ.

А зависитъ это отъ того, что копи захвачены сильными предпринимательскими компаніями, которыя ограничиваютъ производство и, кромѣ того, скупаютъ, ради уничтоженія конкурренціи, мелкія копи, принадлежащія другимъ владѣльцамъ, предпочитая совершенно не эксплуатировать ихъ, чѣмъ завалить рынокъ товарами, потому что это понизило бы цѣны и уменьшило такимъ образомъ доходы.

То же самое происходитъ и съ землею. Каждый день мы видимъ, какъ земля мелкаго собственника, раззоряемаго ростовщиками, переходитъ въ руки капиталиста: съ каждымъ днемъ крупная собственность все разростается. Распространеніе земледѣльческихъ машинъ должно, кромѣ того, привести къ образованію земледѣльческихъ синдикатовъ, т. е. къ образованію такихъ же анонимныхъ обществъ, какія господствуютъ въ эксплуатаціи фабрикъ и копей.

Если можно будетъ получать отъ земли вчетверо или впятеро больше продуктовъ, чѣмъ теперь, то отъ этого произойдетъ только то, что площадь обрабатываемой земли сократится, а все остальное будетъ обращено въ мѣста для охоты или въ парки, служащіе только какъ предметъ роскоши для нашихъ эксплуататоровъ. Это начинается теперь во Франціи и давно уже сдѣлано англійскими

лордами въ Шотландіи и Ирландіи, гдѣ населеніе вытѣсняется и уступаетъ мѣсто оленямъ и лисицамъ, агонія которыхъ должна служить развлеченіемъ для шикарной публики — такой же публики, какъ та, которая апплодировала лекціямъ Вилля и его филантропическимъ соображеніямъ.

Общество наше устроено такъ, что тотъ, кто владѣетъ капиталомъ, является господиномъ всего міра. Движеніе продуктовъ въ обществѣ происходитъ при помощи капитала, а потому отъ этого послѣдняго зависитъ все. Всякое усовершенствованіе, всякій шагъ впередъ, сдѣланный человѣческимъ трудомъ, промышленностью или наукою — все это обращается въ пользу тѣхъ, кто и такъ уже владѣетъ всѣмъ; все это становится лишь новымъ орудіемъ эксплуатаціи, еще ухудшающимъ ужасное положеніе тѣхъ, кто ничѣмъ не владѣетъ.

Усовершенствованія въ производствѣ только дѣлаютъ рабочихъ все менѣе и менѣе нужными для капиталиста, усиливаютъ конкурренцію между ними и заставляютъ ихъ продавать свой трудъ за болѣе низкую плату. Вы мечтаете быть полезнымъ для рабочихъ, а существующая общественная организація дѣлаетъ такъ, что вы только содѣйствуете ихъ большей эксплуатаціи и еще больше скрѣпляете сковывающую ихъ цѣпь.

Да, г. Вилль, ваша мечта прекрасна: содѣйствовать увеличенію числа продуктовъ, такъ, чтобы каждый могъ быть сытымъ, сдѣлать такъ, чтобы рабочій могъ скопить хоть нѣсколько грошей, чтобы оградить себя отъ всевозможныхъ случайностей будущаго — это, конечно, еще не идеалъ, но нельзя и требовать большаго отъ человѣка, который по самому своему положенію огражденъ отъ всѣхъ физическихъ и нравственныхъ бѣдствій, грозящихъ обездоленной массѣ. Это, во всякомъ случаѣ, очень хорошо, но увы! это останется мечтой до тѣхъ поръ, пока вы не разрушите существующую систему эксплуатаціи, благодаря которой всѣ заманчивыя обѣщанія превращаются въ лживыя и обманчивыя иллюзіи. У капитализма въ распоряженіи есть много силъ, и если мы даже допустимъ, что изобиліе продуктовъ дѣйствительно понизитъ ихъ цѣны до такой степени, что рабочій сможетъ

сберегать часть своего заработка, то тогда явится другой факторъ, о которомъ вы сами упомянули — ростъ населенія.

Въ настоящее время промышленный рынокъ заваленъ товарами; вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе развитія машинъ, съ каждымъ днемъ увеличивается число рабочихъ безъ работы. Чтобы найти работу, имъ остается только одно средство: взаимная конкурренція и пониженіе заработной платы. А такъ какъ механическій прогрессъ идетъ все быстрѣе и быстрѣе, и уже теперь одинъ человѣкъ можетъ производить все, что нужно для потребленія десятерыхъ, то при удвоеніи населенія количество произведенныхъ продуктовъ увеличится въ двадцать разъ; при этомъ то изобиліе, которое должно было послужить на пользу рабочихъ, послужитъ исключительно на увеличеніе барышей капиталиста, который будетъ платить своимъ рабочимъ тѣмъ меньшую плату, чѣмъ въ большемъ числѣ они окажутся на рабочемъ рынкѣ.

Вы говорите, что требованія рабочихъ до извѣстной степени законны — лишь бы только они не принимали насильственной формы; но подумали ли вы о томъ, что рабочіе борятся уже цѣлыя тысячелѣтія, что ихъ никогда не удовлетворявшіяся требованія появились вмѣстѣ съ зарожденіемъ исторической жизни? Если они и выливаются въ рѣзкую форму, то только потому, что имъ не даютъ никакого удовлетворенія. Неужели же рабочіе должны безконечно стоять на колѣняхъ передъ своими эксплуататорами и благодарить ихъ, когда они знаютъ, что если имъ и удавалось чего либо достигнуть, то они должны были предварительно сломить волю своихъ господъ, и взять силой ту свободу, къ которой стремились. Правящіе классы смотрятъ на насъ, какъ на рабовъ и потому совершенно естественно, что они презрительно говорятъ: «Изложите вашу просьбу въ вѣжливой формѣ и мы посмотримъ, сможемъ ли мы ее исполнить»; но мы, которые видимъ въ освобожденіи рабочихъ не уступку, а актъ справедливости, скажемъ просто: «Мы требуемъ этого!» Если же какимъ нибудь баричамъ этотъ тонъ не понравится, то какъ имъ будетъ угодно.

Въ давящемъ насъ строѣ все тѣсно связано одно съ

другимъ и для достиженія желаемыхъ результатовъ однихъ хорошихъ намѣреній еще не достаточно; пока не уничтоженъ этотъ строй, никакое улучшеніе невозможно. Онъ существуетъ исключительно съ цѣлями эксплуатаціи и угнетенія, а мы не хотимъ улучшать ни того, ни другого: мы хотимъ совсѣмъ ихъ уничтожить.

Это — естественный выводъ, къ которому неизбѣжно придетъ всякій, кто съумѣетъ подняться надъ узкой точкой зрѣнія и охватить вопросъ въ его цѣломъ; онъ пойметъ, что революціи зависятъ не только отъ воли людей, но и отъ того, что существующія учрежденія преграждаютъ путь прогрессу, и увидитъ, что онѣ — явленіе необходимое и неизбѣжное.

Пусть всѣ, кто искренно хочетъ служить человѣчеству, усвоятъ себѣ разъ навсегда ту мысль, что даже въ интересахъ ихъ собственныхъ плановъ, они не должны враждебно относиться къ Революціи, не должны противодѣйствовать ей. Только она одна можетъ помочь имъ достигнуть цѣли, потому что только она можетъ помѣшать общественнымъ паразитамъ убить прогрессъ въ самомъ зародышѣ, или обратить его въ свою пользу.

Реформы, реформы! Когда же, наконецъ, люди поймутъ, что они употребляютъ на достиженіе ихъ свои лучшія силы, никогда ничего не достигая, что пора уже имъ перестать бороться за эти утопіи — гораздо болѣе опасныя, чѣмъ мысль о полномъ освобожденіи, потому что единственный упрекъ, который можно сдѣлать послѣдней — упрекъ въ неосуществимости — ни на чемъ не основывается, потому что такой попытки никогда еще не было сдѣлано, тогда какъ, чтобы убѣдиться въ безполезности любой реформы, стоитъ только посмотрѣть на ея осуществленіе на практикѣ.

Анархистовъ упрекаютъ въ томъ, что они служатъ помѣхой мирному освобожденію рабочихъ, что они отрицаютъ всякія реформы. Но въ этомъ заключается двойная ошибка: анархисты вовсе не противники реформъ, они возстаютъ вовсе не противъ нихъ, а противъ тѣхъ ложныхъ обѣщаній, которыя возводятъ въ цѣль то, что, въ дѣйствительности, есть въ лучшемъ случаѣ лишь заплата на старой вещи, а то и простой обманъ.

Пусть тѣ, кто вѣритъ въ реформы, старается объ ихъ осуществленіи; мы не имѣемъ противъ этого ровно ничего, даже напротивъ: чѣмъ больше буржуазное общество ихъ испробуетъ, тѣмъ скорѣе рабочіе увидятъ, что онѣ ни къ чему не ведутъ. Но противъ чего мы возстаемъ, это когда ихъ изображаютъ какимъ-то всеисцѣляющимъ средствомъ, когда рабочимъ говорятъ: «Ведите себя смирно, тихо и спокойно, а тогда мы посмотримъ, что можно для васъ сдѣлать!»

Тогда-то мы, понявшіе, что реформы безполезны и что эксплуататоры, вообще, занимаютъ мѣсто, по праву имъ не принадлежащее, мы говоримъ рабочимъ: «Васъ обольщаютъ ложными надеждами; всѣ эти реформы — ничто иное, какъ обманъ. Кромѣ того, васъ хотятъ заставить просить ихъ, какъ милостыни, тогда какъ вы имѣете право требовать гораздо большаго. Если вы хотите испробовать предлагаемыя вамъ средства, это — ваше дѣло; но знайте заранѣе, что они нисколько не будутъ содѣйствовать вашему освобожденію. Поэтому, не оставайтесь долго въ томъ заколдованномъ кругѣ, въ который васъ хотятъ вовлечь, а организуйтесь для того, чтобы завладѣть всѣмъ, на что вы имѣете право. Пусть тѣ, кто не можетъ поспѣть за общимъ движеніемъ, продолжаютъ, если хотятъ, поддаваться обману; вы же знайте, что революція уже надвигается на васъ съ своей грозной силой, что ее порождаетъ самъ нашъ общественный строй и что она волей неволей вынудитъ васъ взяться за оружіе, чтобы заставить признать ваше право на существованіе. А разъ у васъ окажется оружіе въ рукахъ, то не будьте же настолько глупы, чтобы удовольствоваться какими-нибудь реформами, которыя оставятъ нетронутымъ самый корень зла. Вотъ — то, что у васъ отняли, вотъ — идеалъ, къ которому вы должны стремиться; теперь уже ваше дѣло не останавливаться на пустякахъ и съумѣть нанести рѣшительный ударъ тому подгнившему и со всѣхъ сторонъ разрушающемуся зданію, которому еще рѣшаются давать названіе Общества! Не старайтесь подпирать его, или накладывать на него заплаты; наоборотъ, очистите мѣсто сразу, чтобы потомъ вамъ не было помѣхъ въ построеніи новаго, лучшаго общества.

Глава XX

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОДЪ.

Когда противникамъ — добросовѣстнымъ, конечно — анархическихъ идей приходится признать всѣ недостатки нашего общественнаго строя и согласиться съ нами, что этотъ строй нуждается въ преобразованіяхъ и что всѣ средства, предлагавшіяся для этого до сихъ поръ, ни къ чему не привели, они думаютъ, что дѣлаютъ намъ этимъ громадную уступку. Затѣмъ, они съ полной искренностью начинаютъ искать новыхъ средствъ для достиженія той же цѣли, а иногда и доходятъ до признанія того, что анархическое общество — самый высокій идеалъ, который только можно поставить какъ цѣль человѣческой эволюціи.

Но здѣсь является затрудненіе: подъ вліяніемъ предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ и поддерживающихся воспитаніемъ, средою и инертностью характера, они спѣшатъ прибавить, что идеалъ этотъ неосуществимъ и навсегда останется въ области умозрѣній.

«Какъ бы общество не было плохо», говорятъ они, «оно все таки обезпечиваетъ намъ нѣкоторую безопасность, нѣкоторую возможность прогресса, которую революція можетъ у насъ отнять. Постараемся лучше усовершенствовать то, что у насъ есть; это — путь медленный, но вѣрный».

Если имъ возразятъ на это, что есть люди, которые страдаютъ и гибнутъ отъ этой якобы-безопасности, отъ этой якобы-цивилизаціи, то они легко согласятся, что буржуазная эксплуатація, дѣйствительно, возмутительна, что ею вполнѣ оправдываются всѣ протесты эксплуатируемыхъ; нѣкоторые даже признаютъ, что революція неизбѣжна, но поспѣшатъ прибавить, что это очень печально, потому что

она можетъ потерпѣть пораженіе и отбросить насъ далеко назадъ.

«Опредѣлить болѣзнь», говорятъ они, «конечно нетрудно, но другое дѣло вылѣчить ее. Въ соціологіи же затрудненіе еще гораздо значительнѣе, потому что здѣсь это искусство находится еще въ періодѣ дѣтства. Привести къ какимъ-нибудь результатамъ здѣсь можетъ только раціонально-приложенный опытный методъ, а анархическія идеи не заключаютъ въ себѣ ничего научнаго: это — продукты чистаго умозрѣнія, вытекающіе изъ очень похвальныхъ чувствъ, но нисколько не основывающіеся на опытѣ».

Съ перваго взгляда это разсужденіе кажется вполнѣ логичнымъ; оно даже оказывается совершенно вѣрнымъ въ томъ случаѣ, когда данную болѣзнь знаютъ только по ея внѣшнимъ признакамъ, а самыя причины ея остаются неизвѣстными. Но когда источникъ болѣзни открытъ, то способъ лѣченія ея указать уже не трудно. Если до сихъ поръ медицина колебалась и переходила наугадъ отъ одного средства къ другому, то это зависѣло отъ того, что, хотя дѣйствіе даннаго лѣкарства на данное явленіе организма и было извѣстно, но такъ какъ одно и тоже патологическое явленіе можетъ происходить отъ различныхъ причинъ, то лѣченіе, полезное въ одномъ случаѣ, могло оказываться безполезнымъ или вреднымъ въ другомъ. Вотъ почему медицина была до нашего времени скорѣе эмпирическимъ искусствомъ, чѣмъ наукою. Въ общественной терапевтикѣ, гдѣ существовали такіе же пробѣлы и такое же незнаніе, люди точно также дѣлали рядъ никогда неудававшихся революцій, пытались вводить реформы, никогда не приводившія ни къ какимъ результатамъ, переходили отъ одной системы къ другой — и все таки не могли помѣшать ни росту бѣдности, ни эксплуатаціи народныхъ массъ.

Люди хотѣли уничтожить послѣдствія, нисколько не задаваясь вопросомъ о причинахъ и не затрагивая ихъ; мѣнялся только правительственный ярлыкъ, производилась нѣкоторая очистка въ составѣ должностныхъ лицъ; когда же оказывалось, что то зло, на которое жаловались раньше и отъ котораго надѣялись избавиться, снова вспли-

вало, послѣ ничтожнаго перерыва, и продолжало существовать по прежнему, какъ будто бы никакихъ измѣненій не произошло, то всѣ начинали удивляться.

Современная медицина поняла, что лучшее средство бороться съ болѣзнями, это — предупреждать ихъ, уничтожая, при помощи разумной гигіены, тѣ причины, которыя ихъ вызываютъ. Анархисты хотятъ примѣнить ту же точку зрѣнія и къ общественной гигіенѣ. Они поставили вопросъ о причинахъ болѣзней, отъ которыхъ страдаетъ современное общество, нашли ихъ источники и, отказавшись отъ мысли о всеобщихъ панацеяхъ, которыя они предоставляютъ политическимъ шарлатанамъ, говорятъ людямъ, на основаніи сравнительнаго изученія различныхъ существующихъ системъ и реформъ:

«Корень того зла, отъ котораго вы страдаете, лежитъ въ дурной общественной организаціи; власть и капиталъ — вотъ двигатели той машины, которая васъ давитъ. Вы можете сколько угодно мѣнять въ ней колеса, преобразовывать и улучшать ихъ; функція этой машины — раздавить васъ, и вы будете непремѣнно раздавлены, если не уничтожите самую машину, съ тѣми двигателями, которые доставляютъ ей всю ея силу, — властью и капиталомъ. Если вы не хотите терпѣть послѣдствій, уничтожьте самую причину».

Когда, послѣ долгихъ исканій, физіологи открываютъ источникъ такой болѣзни, которая прежде была извѣстна только въ ея послѣдствіяхъ, то можетъ случиться, что все лѣчебное искусство окажется отъ этого перевернутымъ: больному будетъ предписываться то, что прежде запрещалось, и, наоборотъ, запрещаться то, что предписывалось; въ политикѣ это называется революціей. Иногда старые рутинеры называютъ новаторовъ сумасшедшими, оригиналами, и обвиняютъ ихъ въ томъ, что они подвергаютъ опасности жизнь больного и не считаются съ цѣлымъ рядомъ самыхъ вѣроятнѣйшихъ гипотезъ. И эта вражда будетъ преслѣдовать ихъ до тѣхъ поръ, пока достигнутые и много разъ повторившіеся результаты не заставятъ, наконецъ, замолчать рутинеровъ, не вѣрящихъ ни во что, кромѣ формулъ, почерпнутыхъ изъ прошлаго.

Врачъ, пробующій новый методъ лѣченія, дѣлаетъ въ маленькихъ размѣрахъ то, что анархисты хотятъ сдѣлать въ большихъ, по отношенію къ цѣлому обществу. Когда онъ оставляетъ торную дорогу рутины и пытается приложить новыя научныя данныя, то, если только онъ увѣренъ въ своихъ знаніяхъ, въ своей подготовкѣ, въ вѣрности своихъ наблюденій, ему нечего заботиться о преслѣдующихъ его враждебныхъ крикахъ ретроградовъ.

То же можно сказать и въ соціологіи. Виноваты ли анархисты, если наше общество устроено такъ, что люди не могутъ дѣлать того, что хотятъ, не наталкиваясь на какой-нибудь запретительный законъ, на какую-нибудь центральную власть, которая увѣряетъ, что знаетъ лучше самихъ заинтересованныхъ лицъ что имъ нужно, которая хочетъ заставить ихъ дѣлать то, что, съ ея точки зрѣнія, для нихъ полезно и помѣшать тому, что кажется ей вреднымъ? Общество устроено такъ, что, чтобы изъ него выйти, его прежде нужно разрушить; въ такомъ случаѣ, буржуазіи нечего жаловаться, когда, въ своемъ стремленіи къ свободѣ, люди хотять устранить стѣсняющія ихъ учрежденія.

Пользованіе опытнымъ методомъ предполагаетъ переходъ отъ теоріи къ практикѣ; но даже при самыхъ точныхъ разсчетахъ въ каждомъ опытѣ останется всегда извѣстная доля непредвидѣннаго, которую робкіе умы и изберутъ какъ предлогъ для отрицанія всякаго нововведенія. Неужели же мы должны осудить себя на застой ради удовольствія рутинеровъ.

Разъ причина болѣзни извѣстна, пусть лучше ножъ оператора извлечетъ злокачественную опухоль и уничтожитъ ее въ корнѣ; хирургія каждый день подаетъ намъ примѣръ смѣлаго удаленія членовъ или органовъ атрофированныхъ, паразитныхъ, зараженныхъ гангреной, или вообще могущихъ стать причиной осложненій. Почему же мы должны колебаться въ уничтоженіи того, что всѣми — за исключеніемъ тѣхъ, кому существующій порядокъ выгоденъ — признано дурнымъ и вреднымъ?

Мы знаемъ, что на это намъ возразятъ, что съ обществомъ нельзя обращаться какъ съ отдѣльной личностью, что послѣдняя можетъ погибнуть незамѣтно, тогда какъ общественный переворотъ можетъ повести къ гибели или

къ шагу назадъ для всего человѣчества. Затѣмъ, мы услышимъ опять о преимуществахъ медленнаго, постепеннаго дѣйствія посредствомъ проведенія ряда реформъ. И это называется опытнымъ методомъ!

Что бы не говорили наши противники, но эмпириками являются именно они, и ихъ опытъ, которымъ они пользуются уже цѣлыя столѣтія — всѣ ихъ частичныя преобразованія и починки — показываетъ намъ только, что единственныя полезныя реформы, это — тѣ, которыя разрушаютъ самыя учрежденія, лежащія въ основѣ общественнаго строя. Но разрушеніе учрежденій, это — революція, потому что буржуазія, имѣющая въ своихъ рукахъ власть, будетъ, пока эта власть у нея, защищать свое существованіе и поддерживающій его порядокъ вещей. Если только она замѣтитъ, что всеобщее избирательное право стремится отнять у нея власть, она тотчасъ же постарается удержать напоръ народныхъ волнъ и пуститъ въ ходъ и чиновничество, и судъ, и полицію, и войско. Она позволитъ только тѣ реформы, которыя не затрогиваютъ учрежденій, служащихъ опорой для ея привиллегій, допуститъ къ употребленію только тѣ лѣкарства, которыя стремятся лишь облегчить болѣзнь, а не уничтожить ея причины. Мы сталкиваемся съ этими реформами съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ всеобщее избирательное право, потому что онѣ постоянно являются въ избирательныхъ программахъ политическихъ партій. Реформы эти таковы, что до тѣхъ поръ, пока онѣ не вышли изъ области проэктовъ, онѣ обѣщаютъ погрузить рабочаго въ океанъ блаженства; но стоитъ только имъ перейти въ жизнь, какъ онѣ въ лучшемъ случаѣ оказываются не приводящими ни какимъ замѣтнымъ результатамъ, а иногда и прямо становятся лишнимъ орудіемъ порабощенія и эксплуатаціи въ рукахъ правящихъ классовъ.

Дѣло въ томъ, что современное общество устроено такъ, что все, что въ немъ дѣлается прекраснаго и полезнаго, попадаетъ, въ концѣ концовъ, въ руки обладателей капитала. Какое-нибудь новое изобрѣтеніе служитъ только тому, кто имѣетъ средства его эксплуатировать; какое-нибудь усовершенствованіе, благодаря которому можно производить предметы быстрѣе и экономнѣе, окажется

выгоднымъ только для капиталиста, который уменьшитъ вслѣдствіе этого число рабочихъ. Часть этихъ рабочихъ окажется выброшенной на улицу и увеличитъ собою армію умирающихъ съ голоду безработныхъ; другая же будетъ попрежнему истомляться на той же долгой работѣ, а ея заработокъ даже упадетъ вслѣдствіе конкурренціи тѣхъ, которые окажутся выброшенными за бортъ.

Вотъ что намъ показываетъ опытъ, вотъ что намъ дали всѣ испробованныя реформы и вотъ тѣ неотразимые аргументы, которые мы выставляемъ противъ всѣхъ подобныхъ проэктовъ. Мы можемъ поэтому съ полнымъ правомъ возвратить упрекъ въ эмпиризмѣ тѣмъ, кто говоритъ, что анархическія идеи не основываются на опытныхъ данныхъ.

Самое главное возраженіе противъ анархистовъ всегда ставилось, впрочемъ, въ такой формѣ: «Конечно, ваши теоріи прекрасны, но онѣ неосуществимы». Но это — не аргументъ. Почему же онѣ неосуществимы? спросимъ мы, а на это намъ, вмѣсто всякихъ доводовъ, отвѣтятъ выраженіемъ ряда опасеній. «Въ виду недостатковъ человѣческой природы» скажутъ намъ, «можно опасаться, что люди захотятъ злоупотребить предоставленной имъ свободой и перестанутъ работать»; или: «разъ не будетъ регулирующей власти, можетъ случиться, что болѣе сильные станутъ эксплуатировать болѣе слабыхъ» и т. д.

Анархисты доказываютъ, что всѣ эти опасенія напрасны; они говорятъ, что злая воля личностей и недостатки ихъ характера развиваются и поощряются именно современной общественной организаціей, которая вооружаетъ людей другъ противъ друга, заставляя вести ихъ борьбу за возможность достать себѣ пропитаніе, которое общество доставляетъ имъ по большей части очень скупо.

Кромѣ того они говорятъ — и доказываютъ, — что всякая общественная организація, основанная на власти, должна неизбѣжно повести къ вреднымъ послѣдствіямъ, потому что власть будетъ находиться въ рукахъ людей, которымъ свойственны тѣ же недостатки, какъ и всѣмъ остальнымъ, а разъ люди не умѣютъ управлять сами собою, то они еще меньше съумѣютъ управлять другими.

Остается еще послѣднее возраженіе, это — что анар-

хизмъ до сихъ поръ не доказалъ своей осуществимости и долженъ навсегда остаться въ области заоблачныхъ мечтаній, потому что онъ не можетъ осуществиться безъ насильственнаго переворота, а послѣдній совершенно нежелателенъ. Но это возраженіе не выдерживаетъ критики.

Неужели же, только потому, что наши предшественники позволяли себя эксплуатировать, мы должны тоже терпѣть эксплуатацію? Неужели, если они позволили поработить себя государству, то и мы должны нести иго власти? Нѣтъ, мы вовсе не хотимъ отказываться отъ своего идеала свободы и справедливости, или ждать съ его осуществленіемъ, пока не будетъ больше трусливыхъ рутинеровъ, — ради того только, что этотъ идеалъ получилъ свое ясное выраженіе только теперь, а раньше былъ не больше, какъ смутнымъ и неопредѣленнымъ стремленіемъ.

Вы признаете сами, что нашъ идеалъ прекрасенъ; вы соглашаетесь и съ тѣмъ, что для его осуществленія нужно только, чтобы люди дѣйствительно захотѣли этого и выучились поступать соотвѣтственно. Этого съ насъ пока довольно. Пусть только всѣ тѣ, которые стремятся къ этому идеалу, распространяютъ свои идеи, организуются въ группы, держатся сплоченно между собою, а затѣмъ, когда у нихъ будетъ достаточно силъ, чтобы избавиться отъ стѣсняющихъ ихъ учрежденій, пусть устроятъ свою жизнь сообразно своимъ влеченіямъ и симпатіямъ.

Мы хотимъ быть свободными, и намъ нѣтъ никакого дѣла до трусливыхъ рабовъ, которые боятся потерять свои оковы и продолжаютъ жаться къ своимъ господамъ; намъ нечего обращать вниманія на ихъ жалобы, тѣмъ болѣе, что они перейдутъ на нашу сторону, какъ только побѣда окажется за нами. Мы хотимъ быть свободными и пусть тѣ, кто еще нуждается въ господахъ, устраиваются какъ хотятъ; да, впрочемъ, они обыкновенно провозглашаютъ необходимость власти только для другихъ.

Эмпирики именно тѣ, которые хотятъ уничтожить послѣдствія, не дотрогиваясь до причинъ, которые предлагаютъ намъ успокаивающія средства, когда намъ нуженъ ножъ хирурга, которые хотятъ усыпить больного, въ надеждѣ, что его излѣчитъ сама природа, между тѣмъ какъ

небольшая операція вѣрно и быстро избавила бы его отъ болѣзни.

Удивительно, какъ часто люди успокаиваются словами и какой вѣсъ вдругъ принимаютъ разнаго рода софизмы, когда рѣчь идетъ о сохраненіи рутины, о борьбѣ съ нововведеніями. Нужно двигаться впередъ потихоньку и ощупью, — говорятъ намъ, и при этомъ совершенно забываютъ, что подобнаго рода несмѣлыя попытки длятся (даже если взять однѣ только латинскія расы) уже около трехъ или четырехъ тысячъ лѣтъ, что за все это время эксплуатируемые не переставали ждать исполненія все тѣхъ же обѣщаній, не переставали страстно бороться за все тѣ же желанныя реформы — и ничего до сихъ поръ не измѣнилось въ ихъ положеніи. Мы страдаемъ все отъ тѣхъ же болѣзней, а намъ предлагаютъ, подъ предлогомъ раціональнаго образа дѣйствій, прибѣгнуть для ихъ излѣченія все къ тѣмъ же припаркамъ.

Человѣческій умъ развился, область науки расширилась, промышленность сдѣлала необычайные успѣхи, радости жизни стали утонченнѣе и многочисленнѣе, но кто воспользовался всѣмъ этимъ прогрессомъ? Все то же владѣющее богатствомъ и праздное меньшинство. А кто умираетъ съ голоду, производя все и не пользуясь ничѣмъ? Все та же обездоленная масса.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ человѣчествѣ создались первыя общества, эксплуатируемые не переставали заявлять о своихъ жалобахъ и требованіяхъ, не переставали бороться безъ устали, чтобы получить нѣкоторыя уступки, чтобы хоть немного облегчить свое положеніе; они то падали ницъ, какъ рабы, то поднимали голову, какъ свободные и гордые люди, то просили какъ нищіе, то брали силою; послѣднее происходило тогда, когда бѣдность и гнетъ доходили до высшей точки и принуждали ихъ къ возстанію, когда они предпочитали смерть своему настоящему положенію.

И однако ихъ положеніе не мѣняется. Часто случалось, что эксплуататорамъ приходилось уступать имъ мѣста въ законодательныхъ собраніяхъ, соглашаться на нѣкоторыя изъ требуемыхъ реформъ, или самимъ смягчать до извѣстной степени свой экономическій и полити-

ческій гнетъ. Но меньше ли становилось отъ этого угнетеніе управляемой ими массы? меньше ли эксплуатировался народъ? ослабѣвала ли бѣдность? переставало ли богатство съ каждымъ днемъ все больше сосредоточиваться въ рукахъ все меньшаго числа привиллегированныхъ?

Предлагать послѣ этого бѣднякамъ, чтобы они продолжали по прежнему идти эмпирическимъ путемъ и ограничивались требованіемъ поверхностныхъ реформъ (потому что тѣ, которыя могутъ искоренить зло, считаются нежелательными, какъ могущія повести къ революціи) — значитъ предлагать рабочей массѣ позволить эксплуатировать себя еще неопредѣленно-долгое время, потому что опытъ прошлаго показываетъ намъ, что пока не будутъ измѣнены самыя основы общества, всѣ такъ-называемыя реформы послужатъ только въ пользу обладателей капитала и власти.

Наши противники — по крайней мѣрѣ, добросовѣстные — сами признаютъ, что современный общественный порядокъ дуренъ, что положеніе рабочихъ въ высшей степени печально, что роскошная и праздная жизнь буржуазіи основывается исключительно на ихъ нуждѣ и непосильномъ трудѣ. Они соглашаются съ нами, что такое положеніе не можетъ продолжаться, что революція неизбѣжна и что самъ современный порядокъ къ ней ведетъ, потому что рано или поздно настанетъ моментъ, когда бѣднякъ не захочетъ больше голодать и работать какъ волъ. Но, въ такомъ случаѣ, разъ уже столкновеніе неизбѣжно, зачѣмъ тратить силы на то, чтобы стараться его предотвратить? Зачѣмъ внушать людямъ надежду на мирный исходъ, когда мы отлично знаемъ, что онъ невозможенъ?

Это значило бы только играть въ руку эксплуататорамъ, которые стараются усыпить эксплуатируемую массу, чтобы еще лучше поработить ее и еще прочнѣе установить свое господство. Вотъ еще одно изъ послѣдствій недостатковъ нашего современнаго строя: тотъ, кто не становится рѣшительно на сторону эксплуатируемыхъ и не принимаетъ всѣхъ ихъ требованій, оказывается силою вещей на сторонѣ эксплуататоровъ. Всѣ его доб-

рыя намѣренія, всѣ тѣ добрыя чувства, которыя заставляютъ его желать уменьшенія нашихъ бѣдствій, превращаются въ наркотическія средства, смягчающія острую боль и отдающія бѣдняковъ связанными по рукамъ и по ногамъ въ руки эксплуататоровъ.

Разъ уже борьба неизбѣжна, не лучше ли приготовиться къ ней заранѣе, не лучше ли постараться внушить людямъ нашъ идеалъ будущаго, который наши противники сами считаютъ хорошимъ и только вслѣдствіе рутины не могутъ признать осуществимымъ? Не лучше ли сдѣлать такъ, чтобы въ моментъ революціи люди съумѣли воспользоваться результатами борьбы, которую имъ придется вести? Пусть они знаютъ тогда, какія учрежденія вредны и должны быть разрушены, пусть не дадутъ эксплуататорамъ еще лишній разъ обмануть себя.

Не будетъ ли это раціональнѣе и научнѣе, чѣмъ терять время на сожалѣніе о томъ, чему помѣшать мы не можемъ, и на попытки сохраненія того, что мы сами считаемъ дурнымъ, но только боимся потерять изъ страха худшаго?

Логично ли, въ самомъ дѣлѣ, стараться отложить на неопредѣленное время осуществленіе новыхъ идей потому только, что онѣ нигдѣ еще не были приложены на практикѣ и неизвѣстно, что могутъ дать? Такъ разсуждать можно только изъ страха новизны и нежеланія отказаться отъ привычныхъ понятій; только исходя изъ этого можно проповѣдовать, что лучше удовольствоваться тѣмъ, что имѣешь, или пытаться улучшить его, чѣмъ рисковать попасть въ положеніе еще худшее.

Мы можемъ считать вполнѣ доказаннымъ, что современное общество улучшится только тогда, когда будутъ преобразованы самыя основы его; отвергать же какую-нибудь идею только потому, что она не доказала своей пригодности на практикѣ, значитъ разсуждать совершенно противо-научнымъ образомъ и осуждать человѣчество на полный застой. Новыя идеи всегда оказывались въ большемъ или меньшемъ противорѣчіи съ идеями, господствовавшими въ большинствѣ, и всякій разъ, когда дѣлалось какое-нибудь новое открытіе, чтобы убѣдиться въ его истинности, его приходилось провѣрять на опытѣ.

Если бы такой опытъ уже былъ когда-нибудь сдѣланъ въ прошломъ, это значило бы, что данная идея не нова и что, прежде чѣмъ добиться этого опыта, ей пришлось уже пережить нѣкоторую борьбу. Она была бы уже тогда совершенно готова къ осуществленію въ практической жизни.

Возьмемъ, наконецъ, простое и много разъ приводившееся, но, въ сущности, совершенно вѣрное сравненіе: когда у человѣка желтуха, то онъ не старается улучшить ее, а хочетъ совсѣмъ отъ нея избавиться. Мы гибнемъ отъ бѣдности и эксплуатаціи и стремимся освободиться отъ убивающаго насъ ига, что же съ нами еще можетъ случиться худшаго?

Я знаю заранѣе, что въ отвѣтъ на это мы услышимъ старую пѣсню объ опасности, грозящей прогрессу, о погибели науки во всеобщемъ катаклизмѣ, о томъ, что человѣческому уму грозитъ опасность пойти назадъ, разъ только побѣда достанется народнымъ массамъ, болѣе грубымъ и менѣе образованнымъ, чѣмъ правящіе классы.

Ниже мы покажемъ, что эти опасенія напрасны; но допустимъ на минуту ихъ справедливость. Какое значеніе могутъ они имѣть для тѣхъ, кто незаслуженно страдаетъ и кому, наконецъ, страдать надоѣло? Какое дѣло до прогресса и всѣхъ чудесъ промышленности тѣмъ, кого судьба заставляетъ только быть орудіями ихъ и никогда ими не пользоваться? Что такое наука и всѣ открытія человѣческаго ума, если они должны вѣчно служить только для большаго и большаго порабощенія и отупленія страдающей массы, которой общество отказываетъ въ возможности развитія?

Попробуйте-ка сказать рабочимъ, что, хотя вы и отъ души жалѣете объ ихъ бѣдственномъ положеніи и всѣмъ сердцемъ сочувствуете ихъ страданіямъ, но, такъ какъ внезапное освобожденіе ихъ можетъ привести къ остановкѣ хода прогресса, то они должны примириться съ своимъ непосильнымъ трудомъ и тяжелою жизнью: что это нужно ради того, чтобы ничтожная кучка ученыхъ изслѣдователей, окруженная другимъ меньшинствомъ паразитовъ, поглощающихъ для своей личной пользы продукты труда всѣхъ, могла свободно работать надъ разрѣшеніемъ научныхъ вопросовъ. Имѣйте смѣлость высказать ваше мнѣніе, ска-

жите все это тѣмъ, кто умираетъ съ голоду, чьи силы истощаются въ изнурительномъ, каторжномъ трудѣ — и вы увидите, какъ васъ встрѣтятъ.

Напрасно вы будете прибавлять, что ихъ терпѣніе пойдетъ въ пользу .... будущимъ поколѣніямъ, что эти послѣднія пожнутъ плоды самоотверженія предковъ .... тогда, когда будутъ, наконецъ, найдены и приложены полезныя реформы. Бѣдняки отвѣтятъ вамъ, что они отказались отъ христіанства именно потому, что оно обѣщало имъ рай только послѣ смерти; вы же можете обѣщать лучшее будущее только ихъ потомкамъ. Они скажутъ вамъ, что имъ надоѣло работать и страдать для другихъ, что они хотятъ пользоваться плодами своихъ трудовъ и страданій не въ лицѣ будущихъ поколѣній, а теперь, — и они будутъ совершенно правы.

Если вы не хотите гибели прогресса и исчезновенія науки, не сопротивляйтесь требованіямъ обездоленныхъ массъ; вмѣсто того, чтобы стараться сохранить нездоровое и уже разрушающееся зданіе, помогите намъ лучше очистить отъ него почву, чтобы, когда народная волна ударитъ въ мѣшающія ей учрежденія, не раздражать ее понапрасну безсмысленнымъ и несправедливымъ сопротивленіемъ. Вмѣсто того, чтобы становиться на сторону защитниковъ прошлаго, пусть всякій человѣкъ, мыслящій и дѣйствительно стремящійся служить развитію человѣческаго ума, перейдетъ на сторону тѣхъ, которые не требуютъ ничего другого, кромѣ возможности воспользоваться своей долей того счастья и свѣта, созданію котораго они сами содѣйствовали.

Предоставьте тѣхъ, кто совершенно несправедливо хочетъ захватить въ свою пользу плоды общаго солидарнаго труда, ихъ собственной участи; пусть представители прошлаго пытаются сколько угодно удержать свои привиллегіи, несправедливость которыхъ все больше и больше обнаруживается съ каждымъ шагомъ человѣческой эволюціи. Если вы такимъ образомъ и не предотвратите столкновенія (ихъ упорство дѣлаетъ его неизбѣжнымъ), то, по крайней мѣрѣ поможете спасти отъ гибели научныя завоеванія, потеря которыхъ была бы, несомнѣнно, огромнымъ вредомъ для человѣчества. Но помните, что есть

люди, которые страдаютъ и умираютъ съ голоду, которые не имѣютъ возможности развиваться ни физически, ни умственно, которыхъ лишили всѣхъ тѣхъ благъ, исчезновенія которыхъ вы такъ боитесь; этимъ людямъ надоѣло быть обездоленными и они хотятъ, наконецъ, пользоваться этимъ общимъ достояніемъ. Помогите имъ завоевать эти блага: справедливость требуетъ этого. Это — единственное средство ихъ сохранить. Если же вы этого не сдѣлаете, то пеняйте на себя и на свою трусость въ случаѣ, если побѣда народныхъ массъ поведетъ къ какимъ бы то ни было катастрофамъ (если только, дѣйствительно, такая опасность существуетъ).

Послѣднее возраженіе, которое намъ дѣлаютъ, заключается въ томъ, что, во всякомъ случаѣ, въ обществѣ замѣчается извѣстный прогрессъ, что общій уровень нравственнаго и умственнаго развитія рабочаго повышается, его положеніе становится лучше, его потребности возростаютъ и получаютъ возможность удовлетворенія, что даже самый законъ подвергается преобразованіямъ, и законодательство все болѣе и болѣе приспособляется къ требованіямъ общей пользы.

Посмотримъ, насколько и въ какихъ предѣлахъ всѣ эти положенія вѣрны.

Несомнѣнно, общій уровень развитія рабочаго повысился, его потребности возросли вмѣстѣ съ ростомъ возможности ихъ удовлетворенія; теперь, напримѣръ, рабочій*) ѣстъ за обѣдомъ мясо и пьетъ вино, чего онъ не могъ сдѣлать хотя бы только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Но нужно имѣть въ виду и то, что одновременно возросла очень сильно и производительность его труда, такъ что, расходуя гораздо больше силъ, онъ нуждается, для возстановленія ихъ, и въ гораздо большемъ числѣ питательныхъ веществъ.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ рабочій ходилъ по воскресеньямъ въ блузѣ и питался овощами и сыромъ; иногда, въ понедѣльникъ, ему случалось, гдѣ нибудь за городомъ, съѣсть жаренаго кролика и выпить нѣсколько бутылокъ

*) Французскій, конечно. Прим. пер.

вина, и это считалось уже необыкновеннымъ празднествомъ, о которомъ долго помнили и которое, конечно, не повторялось каждую недѣлю. Но за то онъ не былъ, въ своей мастерской, прикованъ къ быстро движущейся машинѣ, за которой нужно непрерывно слѣдить. Работа была по большей части ручная и дѣлалась не спѣша: рабочій производилъ, сколько могъ. Хозяинъ былъ часто товарищемъ своихъ рабочихъ, былъ не прочь выпить вмѣстѣ съ ними и требовалъ усиленной работы только тогда, когда ему нужно было къ сроку сдать спѣшный заказъ, въ остальное же время они производили сколько могли.

Въ наше время, рабочій — машина; своихъ эксплуататоровъ онъ по большей части даже не знаетъ. Въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ нравственныхъ условій работы, онъ, слѣдовательно, проигралъ.

Правда, его потребности увеличились и ему нужна теперь такая сравнительная роскошь, безъ которой онъ прежде могъ обходиться, но это зависитъ во-первыхъ, какъ мы уже говорили, отъ увеличенія затраты его силъ, а во-вторыхъ — отъ большаго умственнаго развитія. Въ то время, какъ внѣшнія условія ставятъ его на болѣе низкій уровень сравнительно съ его эксплуататорами, самъ онъ становится сознательнѣе и лучше умѣетъ оцѣнивать свое личное достоинство. Онъ знаетъ теперь, что и эта сравнительная роскошь, и эти болѣе высокія потребности вполнѣ законны, и что онъ самъ пріобрѣлъ на нихъ право собственными силами.

Да никто и не осмѣлится утверждать, что эти увеличившіеся расходы излишни для рабочаго; никто не рѣшится оспаривать его право на долю участія въ пользованіи тѣми благами, созданію которыхъ онъ содѣйствуетъ. Только у экономистовъ старой школы можетъ еще хватить глупости и нахальства упрекать рабочаго въ непредусмотрительности и говорить ему о бережливости, когда онъ и такъ имѣетъ возможность удовлетворить только ничтожную долю своихъ потребностей.

Современному рабочему можно тѣмъ менѣе поставить въ упрекъ развившіяся въ немъ новыя потребности, что онъ искупаетъ ихъ въ наше время очень тяжелыми лише-

ніями и что то — очень относительное — благосостояніе, которымъ онъ, дѣйствительно, пользовался во время наиболѣе быстраго роста промышленности, теперь составляетъ въ каждомъ ремеслѣ удѣлъ лишь небольшого меньшинства привиллегированныхъ рабочихъ. Большинство же принуждено жить на такую заработную плату, которая, если принять во вниманіе безработицу, оказывается нисколько не выше, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Если потребности рабочихъ увеличились, скажемъ, вдвое, то за то производительность труда увеличилась въ десять разъ; повышеніе заработной платы и удешевленіе продуктовъ позволили имъ дать удовлетвореніе этимъ возросшимъ потребностямъ; однако, въ конечномъ счетѣ, больше всего воспользовались этимъ развитіемъ производства все-таки капиталисты. Новыя потребности рабочаго, нарождающіяся въ наше время, уже не могутъ найти себѣ удовлетворенія, вслѣдствіе безработицы, и онъ оказывается въ положеніи еще худшемъ, чѣмъ раньше, такъ какъ, помимо его матеріальной нужды, въ немъ живетъ кромѣ того сознаніе, что эта нужда — незаслужена, такъ какъ онъ — единственный производитель всего, что потребляется, всего, что даетъ возможность наслаждаться жизнью.

Онъ видитъ, что магазины переполнены товарами, а самому ему приходится сидѣть безъ работы, и это происходитъ отъ того, что онъ и его семья принуждены лишать себя многаго и не могутъ потреблять столько, сколько имъ нужно. Онъ знаетъ, что его нужда зависитъ именно отъ тѣхъ причинъ, которыя создаютъ богатство его эксплуататоровъ. Если бы ему предоставили возможность пользоваться всѣми продуктами соотвѣтственно его потребностямъ и если бы его не принуждали переутомляться ради того, чтобы производить все больше и больше, товары не залеживались бы въ складахъ и не было бы безработицы, во время которой ему и его семьѣ приходится умирать съ голоду.

Вотъ что неизбѣжно говоритъ себѣ всякій мыслящій рабочій, когда онъ наблюдаетъ и обсуждаетъ тѣ явленія, съ которыми ему приходится сталкиваться въ жизни. Да, рабочій развился и понялъ цѣну прогресса — того прогресса, который тотчасъ же исчезаетъ, какъ только онъ

хочетъ имъ воспользоваться; поэтому его болѣе обострившіяся чувства заставляютъ его теперь страдать отъ такихъ причинъ, которыхъ онъ прежде даже не замѣчалъ. А опытъ, опять таки, не только не подаетъ ему надежды на улучшеніе, но, наоборотъ, предвѣщаетъ все большую нужду, все болѣе сильный и все болѣе унизительный гнетъ.

Намъ остается еще разобрать вопросъ о постепенномъ усовершенствованіи законовъ, якобы все болѣе приспособляющихся къ интересамъ общей пользы и къ ея охраненію. Но и здѣсь мы не находимъ ничего, кромѣ пустой приманки: самые лучшіе законы, по самому существу своему, на практикѣ совершенно отклоняются отъ своей первоначальной цѣли. Уголовный кодексъ, какъ и прежде, падаетъ всею своею тяжестью на бѣдняка, оставаясь снисходительнымъ и уступчивымъ по отношенію къ классу привиллегированному. Законъ все также строгъ къ тому, кто украдетъ у сосѣда кролика, но онъ все также оставляетъ безнаказанными банкировъ, ворочающихъ милліонами — биржевыхъ игроковъ, дѣльцовъ «Соединеннаго Общества» или Панамы, разныхъ участниковъ операцій Мари и Рейно, Масе и Берно; попрежнему мошенники, открывающіе розсыпи перца или залежи сахара, могутъ въ полной безопасности дурачить довѣрчивыхъ людей. Если иногда слѣдователь и оказывается вынужденнымъ вмѣшаться въ ихъ дѣла и спросить у нихъ кое-какихъ объясненій, то онъ не заставляетъ привести ихъ къ себѣ подъ конвоемъ двухъ полицейскихъ, какъ это дѣлается съ анархистами, а самъ смиренно является къ нимъ, сознавая всю неумѣстность своего нескромнаго вмѣшательства и, конечно, не даетъ дѣлу никакого хода. А потомъ онъ старается наверстать потерянное, строго осудивъ какого-нибудь бѣдняка, который за неимѣніемъ денегъ, пообѣдаетъ гдѣ-нибудь и не заплатитъ за обѣдъ.

Передъ закономъ всѣ равны — это мы прекрасно знаемъ; но если какому-нибудь пьяному случится оказать хоть малѣйшее сопротивленіе грубо схватившимъ его полицейскимъ или даже просто выразить свое недовольство, то его осудятъ за «оскорбленіе полиціи»; можетъ быть, въ участкѣ его звѣрски изобьютъ и оставятъ на койкѣ полумертвымъ, но и тогда онъ долженъ быть радъ, если его

при этомъ еще не осудятъ за «оскорбленіе дѣйствіемъ» тѣхъ же полицейскихъ.

Всѣ тѣ, кому случается бывать въ судѣ, отлично знаютъ, что когда человѣка судятъ за оскорбленіе полиціи или за сопротивленіе ей, то, какъ бы не было это обвиненіе ложно, адвокатъ всегда совѣтуетъ подсудимому не отрицать его, а только просить снисходительности суда, потому что, если подсудимый осмѣливается противорѣчить заключеніямъ слѣдователя и свидѣтельству полицейскихъ, судъ всегда примѣняетъ къ нему высшую мѣру наказанія.

Да, прекрасная вещь законъ! Онъ, несомнѣнно, справедливъ въ одномъ отношеніи: это — что если завтра власть перейдетъ въ другія руки, то новые правители употребятъ его какъ оружіе противъ тѣхъ, кто пользуется имъ теперь.

Итакъ, къ какой бы области мы не обратились, мы вездѣ увидимъ, что всѣ наши стремленія подавляются современнымъ общественнымъ строемъ, что масса оказывается повсюду угнетенной ничтожнымъ меньшинствомъ, которое гораздо больше беретъ отъ общества, чѣмъ само даетъ ему.

Опасенія, которыя высказываются относительно возможности исчезновенія въ будущей революціи нѣкоторыхъ сторонъ современной жизни, касаются только такихъ областей, до которыхъ массѣ нѣтъ и не должно быть ровно никакого дѣла. Что же касается положительныхъ знаній, то они могутъ только выиграть отъ общественнаго переворота. Не будемъ же останавливаться передъ напрасными страхами и примемся лучше съ удвоенной силой за разрушеніе существующаго общества, которое держится еще только благодаря лжи и софизмамъ!

Глава XXI

ЧТО-ЖЕ БУДЕТЪ ПОСЛѢ?

«А что же будетъ послѣ?» спрашиваютъ насъ иногда наши противники, когда намъ удастся, наконецъ, показать имъ недостатки нашего современнаго общественнаго строя и выяснить, что никакая реформа невозможна при его существованіи, что самыя лучшія изъ нихъ неизбѣжно, въ силу самыхъ существующихъ учрежденій, обращаются противъ своей первоначальной цѣли и только ухудшаютъ положеніе эксплуатируемыхъ; что всякая реформа, способная, дѣйствительно, улучшить положеніе рабочаго, должна для этого измѣнить существующія учрежденія въ самыхъ ихъ основахъ, а такъ какъ правящіе классы никогда на это не согласятся, то для ея осуществленія все равно придется прибѣгнуть къ революціи.

Но эта революція пугаетъ многихъ связанными съ нею потрясеніями, а потому, вполнѣ признавъ болѣзненное состояніе общества, они останавливаются передъ этимъ средствомъ къ его измѣненію.

«Конечно», говорятъ они, «можетъ быть вы и правы: общество, дѣйствительно, плохо устроено и должно измѣниться. Что касается революціи, то . . . пожалуй, я ничего не имѣю противъ нея . . . но что же будетъ дальше?»

«А дальше», отвѣчаемъ мы, «личностямъ будетъ предоставлена полная свобода и полная возможность удовлетворенія своихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ потребностей. Разъ власть и собственность будутъ уничтожены, разъ общество будетъ основано уже не на борьбѣ интересовъ, а, наоборотъ, на самой тѣсной солидарности, разъ людямъ не придется дрожать за будущее и постоянно думать о томъ, чтобы скопить копѣйку на черный день, — они перестанутъ смотрѣть другъ на друга

какъ на враговъ, каждую минуту готовыхъ перегрызться изъ-за куска хлѣба или возможности работать на какого-нибудь эксплуататора. Причины борьбы и вражды исчезнутъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ воцарится согласіе.

Будетъ, конечно, существовать соревнованіе между различными группами — соревнованіе въ достиженіи лучшаго, въ достиженіи той или другой идеальной цѣли, которая будетъ все больше и больше расширяться по мѣрѣ того, какъ стремленія личностей будутъ находить себѣ удовлетвореніе. Но это соревнованіе будетъ вполнѣ мирнымъ, потому что къ нему не будетъ примѣшиваться никакого торгашескаго или правительственнаго интереса; тѣ группы, которыя отстанутъ отъ другихъ, всегда смогутъ воспользоваться плодами дѣятельности болѣе передовыхъ.

Въ наше время существованіе бѣдности зависитъ отъ того, что торговые склады переполнены товарами, такъ что, пока они не найдутъ сбыта, очень многіе рабочіе остаются безъ работы и голодаютъ; это одно уже ясно показываетъ намъ всю ненормальность современнаго общественнаго строя.

Въ томъ обществѣ, къ которому мы стремимся, будетъ происходить обратное: чѣмъ въ большемъ изобиліи окажутся продукты, тѣмъ легче установится всеобщее согласіе, потому что людямъ не придется высчитывать размѣровъ своего потребленія; чѣмъ быстрѣе научатся они производить, чѣмъ больше будетъ введено усовершенствованныхъ машинъ, тѣмъ меньше будетъ количество труда, приходящееся на долю каждаго, и тѣмъ скорѣе этотъ трудъ сдѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. необходимой гимнастикой для упражненія мускуловъ.

Въ разумно устроенномъ обществѣ трудъ долженъ перестать быть для человѣка тягостью и страданіемъ, какимъ онъ является, благодаря своей чрезмѣрности, въ нашемъ эксплуататорскомъ строѣ. Онъ долженъ сдѣлаться ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ занятій въ ряду всевозможныхъ другихъ развлеченій и работъ — физическихъ и умственныхъ, — которыя люди будутъ выбирать себѣ сообразно своимъ склонностямъ и безъ которыхъ они постепенно превратились бы въ простые пищеварительные мѣшки, что не преминуло бы случиться съ буржуазіей,

если бы ей удалось упрочить свое господство, и что уже случилось съ однимъ видомъ муравьевъ, которые потеряли способность сами кормиться и умираютъ съ голоду, если возлѣ нихъ не окажется рабовъ.

„Конечно", возражаютъ наши противники, „все это очень хорошо и вашъ идеалъ, несомнѣнно, — высшій идеалъ, къ какому только можетъ стремиться человѣчество; но что вамъ ручается за то, что все пойдетъ такъ гладко, какъ вы думаете, что сильные не захотятъ угнетать слабыхъ, что не найдется лѣнтяевъ, которые предпочтутъ жить на счетъ чужого труда? Если напоръ толпы не будетъ сдерживаться никакой плотиной, то кто знаетъ, не окажется ли революція шагомъ назадъ, вмѣсто того, чтобы быть шагомъ впередъ? А если она будетъ побѣждена, то не приведетъ ли это къ застою въ идеяхъ на какіе нибудь двадцать, тридцать, пятьдесятъ, а можетъ быть и больше, лѣтъ?

„Если же вы побѣдите, то развѣ вы сможете помѣшать отдѣльнымъ случаямъ мести? развѣ вы сможете всегда сдержать толпу? И съ той, и съ другой стороны тогда разгорятся дикія, животныя страсти, свойственныя человѣку, вернувшемуся къ состоянію звѣря".

Мы отвѣтимъ на это, что все окружающее неизбѣжно ведетъ насъ къ этой революціи: и все обостряющійся экономическій кризисъ, и все большая трудность жизни, и политическія затрудненія, все усиливающіяся и заставляющія терять голову людей держащихъ „бразды правленія". Мы придемъ къ этому самой силой вещей, а потому единственное, что намъ остается, это — быть готовыми къ участію въ событіяхъ, чтобы по возможности повернуть ихъ въ пользу раздѣляемыхъ нами идей.

Но страхъ передъ неизвѣстностью такъ упорно сидитъ въ людяхъ, что, вполнѣ согласившись съ логичностью и правильностью нашихъ выводовъ, наши противники все таки продолжаютъ возражать: „Все это такъ, но все таки лучше было бы дѣйствовать съ осторожностью. Прогрессъ совершается мало по малу и сильныхъ потрясеній лучше избѣгать; можетъ быть удастся и такъ вынудить у буржуазіи кое-какія уступки".

Если бы это говорили только люди упрямые, нечестно

относящіеся къ дѣлу, сознательно не желающіе убѣдиться, то мы бы просто бросили всякій споръ съ ними. Но, къ несчастью, между ними есть и люди въ высшей степени добросовѣстные, но просто захваченные вліяніемъ среды, воспитанія и привычки видѣть повсюду дѣятельность власти, — люди, которые думаютъ, что все погибло, какъ только эта власть исчезла съ горизонта. Не находя никакихъ новыхъ возраженій, они тогда невольно возвращаются къ первому своему аргументу — что нельзя себѣ представить такого общества, гдѣ не было бы ни законовъ, ни судей, ни полицейскихъ и гдѣ люди жили бы безъ всякой борьбы, мирно помогая другъ другу.

Что сказать имъ въ отвѣтъ? Они требуютъ доказательствъ того, что общество будетъ функціонировать именно такъ, какъ мы думаемъ; мы приводимъ имъ доказательства, почерпнутыя изъ логики фактовъ, изъ сравненія и разбора ихъ, но что касается доказательствъ болѣе осязательныхъ, то ихъ можетъ дать только опытъ, а чтобы его продѣлать, нужно прежде разрушить существующее общество!

Намъ остается тогда отвѣтить имъ слѣдующее:

Мы доказали вамъ, что современный строй вызываетъ бѣдность и голодъ, что онъ держитъ въ невѣжествѣ цѣлый — и наиболѣе многочисленный — классъ народа, что онъ мѣшаетъ развиваться цѣлымъ поколѣніямъ, передавая имъ по наслѣдству всевозможные предразсудки и ложныя понятія.

Мы доказали, что вся современная общественная организація ведетъ только къ эксплуатаціи массы въ пользу привиллегированнаго меньшинства.

Мы доказали и то, что какъ недостатки общественнаго устройства, такъ и развитіе новыхъ стремленій среди рабочихъ, неизбѣжно ведутъ насъ къ революціи. Что же мы можемъ прибавить еще? Если намъ все равно придется сражаться, то будемъ же лучше сражаться за то, что кажется намъ лучшимъ и справедливѣйшимъ.

Окажемся ли мы побѣдителями, или побѣжденными? Этого никто предсказать не можетъ. Но если мы будемъ ждать съ нашими требованіями до тѣхъ поръ, когда будемъ увѣрены въ побѣдѣ, то наше освобожденіе можетъ

отдалиться на цѣлые вѣка. Да и не въ нашихъ силахъ управлять обстоятельствами: по большей части, наоборотъ, они увлекаютъ насъ за собою и единственное, что мы можемъ сдѣлать, это — постараться предвидѣть ихъ, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. А разъ борьба начнется, дѣло анархистовъ — приложить всю свою энергію для того, чтобы своимъ примѣромъ увлечь за собою массу.

Что въ готовящейся революціи будутъ отдѣльные случаи мести, будутъ убійства, будутъ даже проявленія дикости — это очень вѣроятно и этого слѣдуетъ ожидать; но можемъ ли мы эти случаи предотвратить?

Имъ не только никто не можетъ помѣшать, но даже и не долженъ мѣшать. Если толпа пойдетъ дальше самихъ пропагандистовъ — что-жъ! тѣмъ лучше. Лучше пусть она разстрѣляетъ тѣхъ, кто захочетъ проявить излишнюю сантиментальность, чѣмъ дастъ остановить себя ради спасенія нѣсколькихъ жертвъ: иначе она, пожалуй, позволитъ удержать себя и тѣмъ, кто захочетъ сдѣлать это съ цѣлью усмирить революціонный духъ или помѣшать ей разрушить нѣкоторыя учрежденія, которыя должны исчезнуть, или ради желанія спасти кое-что изъ того, что должно быть уничтожено. Разъ борьба началась, чувствительность нужно оставить; пусть лучше толпа не довѣряетъ разнымъ сантиментальнымъ фразерамъ; пусть она неумолимо разрушитъ все то, что захочетъ стать ей поперекъ дороги.

Все, что мы можемъ сдѣлать, это — теперь же заявить, что исчезновеніе той или другой личности не должно имѣть значенія для рабочихъ, что предметомъ ихъ разрушительной работы должны быть учрежденія, что именно ихъ нужно вырвать съ корнемъ и окончательно уничтожить, не оставивъ ничего такого, что дало бы имъ возможность вновь возродиться подъ другимъ названіемъ.

Буржуазія сильна только благодаря своимъ учрежденіямъ, да еще благодаря тому, что ей удалось внушить эксплуатируемымъ, что они заинтересованы въ сохраненіи этихъ учрежденій, и заставить ихъ сдѣлаться ихъ вольными или невольными защитниками. Предоставленная самой себѣ, она не сможетъ сопротивляться революціи, да и много ли найдется среди нея людей, которые

сдѣлаютъ этого рода попытку? Вотъ почему отдѣльныя личности сами по себѣ не представляютъ для насъ никакой опасности.

Но если найдутся въ моментъ революціи такія, которыя явятся препятствіемъ, пусть тогда революціонная буря унесетъ ихъ; если встрѣтятся отдѣльные случаи мести, то виноваты въ этомъ будутъ тѣ, кто вооружилъ противъ себя массу. Должно быть эти люди сдѣлали много зла, если ненависть къ нимъ не успокоилась на уничтоженіи ихъ класса, на отмѣнѣ ихъ привиллегій; пусть же тѣ, которые хотятъ ихъ защищать, выпутываются изъ этого положенія какъ имъ будетъ угодно. Толпа никогда не идетъ слишкомъ далеко, хотя это иногда и говорятъ нѣкоторые изъ ея вожаковъ, боящіеся нравственной или фактической отвѣтственности.

Отбросимъ же въ сторону глупый сантиментализмъ — даже если и случится, что гнѣвъ толпы обратится на болѣе или менѣе невинную голову. Чтобы заглушить въ себѣ чувство жалости, намъ достаточно будетъ вспомнить, сколько тысячъ жертвъ поглощаетъ теперь ежедневно пасть общественнаго минотавра ради выгоды сытой буржуазіи. И если окажется, что нѣсколько буржуа будутъ повѣшены гдѣ нибудь на фонарѣ, убиты на улицѣ или брошены въ воду, то они только пожнутъ то, что сами посѣяли. Тѣмъ хуже для нихъ! Кто не съ толпой, тотъ противъ нея.

Для насъ, рабочихъ, положеніе дѣлъ очень ясно; съ одной стороны — настоящее, современное общество со всѣми его бѣдствіями, съ неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, съ лишеніями и страданіями безъ всякой надежды на улучшеніе, общество, въ которомъ мы задыхаемся, гдѣ нашъ мозгъ глохнетъ, гдѣ мы должны подавлять въ себѣ всякое стремленіе къ добру, къ красотѣ, всякое чувство справедливости и любви къ людямъ; съ другой — будущее, идеалъ свободы, счастья, умственнаго и физическаго удовлетворенія, однимъ словомъ — полный расцвѣтъ нашей личности. Колебаній въ выборѣ у насъ быть не можетъ. Какова бы ни была судьба будущей революціи и что бы съ нами не случалось, ничто не можетъ быть для насъ хуже настоящаго положенія. Соэре-

менное общество стѣсняетъ насъ, мы должны его низвергнуть, и будь что будетъ съ тѣми, кто окажется раздавленнымъ подъ его тяжестью! Они сами виноваты въ томъ, что хотѣли укрыться у его стѣнъ, удержаться за его гнилыя подпорки, вмѣсто того, чтобы стать на сторону разрушителей.

Глава XXII

ОСУЩЕСТВИМЪ ЛИ АНАРХИЧЕСКІЙ ИДЕАЛЪ?

„Въ теоріи, ваши идеи очень хороши, но на практикѣ онѣ не примѣнимы: людямъ нужна власть, которая бы поддерживала равновѣсіе и заставляла ихъ подчиняться общественному договору“, — вотъ возраженіе, которое выставляютъ противъ насъ сторонники современнаго порядка вещей, когда всѣ другіе аргументы ихъ уже исчерпаны и намъ удалось уже доказать имъ, что при сохраненіи существующаго общественнаго порядка рабочему нечего разсчитывать ни на какое улучшеніе своего положенія.

„Ваши идеи прекрасны, но неосуществимы: человѣкъ еще не достаточно развитъ для того, чтобы жить въ такомъ идеальномъ обществѣ. Для того, чтобы оно стало возможнымъ, нужно, чтобы человѣкъ былъ совершеннымъ“, говорятъ точно также многіе, вполнѣ искренніе, люди, которые, благодаря рутинѣ и полученному воспитанію, видятъ повсюду одни только препятствія и не имѣютъ достаточно убѣжденности, чтобы работать для проведенія въ жизнь своихъ убѣжденій.

А затѣмъ, рядомъ съ открытыми врагами и людьми индифферентными, которые могутъ стать друзьями, существуетъ еще третья категорія личностей, болѣе опасная, чѣмъ прямые враги. Это — люди, которые заявляютъ себя восторженными сторонниками нашихъ взглядовъ, которые громко провозглашаютъ, что прекраснѣе нашего идеала быть ничего не можетъ, что современный строй никуда не годится, что онъ долженъ исчезнуть и уступить мѣсто новому, что такова именно цѣль, къ которой должно стремиться человѣчество и т. д. „Но“, прибав-

ляютъ они, «эти идеи пока еще неосуществимы: къ нимъ нужно еще подготовить человѣчество, нужно еще заставить его понять всѣ преимущества новаго строя». И вотъ, подъ предлогомъ большей практичности, они стараются подновить кое-какіе старые проэкты реформъ, всю безполезность которыхъ мы уже показали, поощряя такимъ образомъ, существующіе предразсудки и содѣйствуя ихъ сохраненію. Затѣмъ, они стараются извлечь изъ существующаго положенія какъ можно больше выгодъ для себя лично, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ идеалъ все болѣе и болѣе стушевывается и уступаетъ мѣсто инстинктивному стремленію сохранить настоящее.

Къ несчастью, конечная цѣль нашихъ стремленій, дѣйствительно, неосуществима сейчасъ же. Наши идеи понятны пока еще для слишкомъ незначительнаго меньшинства, а потому не могутъ еще имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ событій общественной жизни. Но развѣ это должно мѣшать намъ работать для ихъ осуществленія?

Если мы убѣждены въ ихъ справедливости, то почему же намъ не стараться примѣнить ихъ на практикѣ? Вѣдь если всѣ будутъ говорить: «это невозможно», и на этомъ основаніи покорно склоняться подъ игомъ современнаго общества, то буржуазный строй и въ самомъ дѣлѣ сможетъ разсчитывать еще на долгіе годы существованія.

Если бы первые мыслители, боровшіеся противъ церкви и монархіи за независимую и разумную мысль и шедшіе за исповѣданіе ея на костеръ и эшафотъ, думали такъ о своемъ идеалѣ, то въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ царили бы мистицизмъ и феодальное право. Если въ наше время человѣкъ начинаетъ понемногу узнавать исторію своего происхожденія и избавляться отъ всякихъ предразсудковъ относительно божеской или человѣческой власти, онъ обязанъ этимъ только тому, что всегда были «непрактичные» люди, твердо убѣжденные въ истинности своихъ идей и стремившіеся всѣми силами ихъ распространить.

М. Гюйо, въ одной изъ главъ своей въ высшей степени замѣчательной книги: «Очеркъ системы нравственности безъ принужденія и санкціи» развиваетъ ту мысль, что «если человѣкъ не поступаетъ соотвѣтственно своей

мысли, то это значитъ, что самая его мысль неполна». Это совершенно вѣрно. Тотъ, кто вполнѣ убѣжденъ въ справедливости какой нибудь идеи, не можетъ не стараться о ея распространеніи, о ея проведеніи въ жизнь.

Какъ часто случается, что два пріятеля спорятъ и ссорятся изъ-за пустяковъ только потому, что каждый стоитъ за свой взглядъ и увѣренъ въ справедливости того, что говоритъ. Казалось бы, что стоитъ сдѣлать удовольствіе пріятелю, или просто воздержаться отъ доставленія ему непріятности? Отчего не пропустить молча мысль, съ которой вы несогласны, разъ только эта мысль не затрогиваетъ существенныхъ пунктовъ вашихъ убѣжденій? Вы такъ и дѣлаете сплошь да рядомъ, когда рѣчь идетъ о предметахъ, о которыхъ у васъ нѣтъ опредѣленнаго мнѣнія; но какъ только дѣло коснется того, о чемъ у васъ мнѣніе составилось, то, хотя бы это былъ совершенный пустякъ, вы сейчасъ же вступаете въ споръ и защищаете свой взглядъ даже противъ лучшаго друга. А если такъ бываетъ въ вопросахъ пустяшныхъ, то что же сказать о вопросахъ и идеяхъ, касающихся будущности всего человѣчества, освобожденія нашего класса, нашихъ потомковъ и насъ самихъ?

Мы, конечно, вполнѣ понимаемъ, что не всякій одинаково способенъ на сопротивленіе и борьбу, не всякій можетъ проявить одинаковую энергію въ дѣлѣ разрушенія существующихъ учрежденій; не всѣ темпераменты, не всѣ характеры обладаютъ достаточной для этого твердостью. Трудностей такъ много, лишенія такъ тяжелы, преслѣдованія такъ сильны, что мы вполнѣ понимаемъ, что въ дѣлѣ распространенія тѣхъ идей, которыя мы считаемъ истинными и справедливыми, должны существовать различныя степени. Но энергія нашей дѣятельности, во всякомъ случаѣ, всегда будетъ пропорціональна силѣ первоначальнаго толчка, даннаго намъ, и степени нашей вѣры въ данную идею. Очень часто васъ могутъ останавливать разныя соображенія, касающіяся семьи, окружающей среды, необходимости сохранить хлѣбъ насущный; но, какова бы ни была сила этихъ соображеній, если вы — человѣкъ дѣйствительно убѣжденный, они никогда не заставятъ васъ примириться со всѣми совершающи-

мися на вашихъ глазахъ безобразіями; придетъ минута, когда вы отбросите все это въ сторону и будете помнить только одно: что вы — человѣкъ и что вы мечтали когда то о чемъ-то лучшемъ, чѣмъ то, что вамъ приходится выносить.

Тотъ, кто неспособенъ ни на какую жертву ради убѣжденій, которыя онъ якобы исповѣдуетъ, въ дѣйствительности не имѣетъ ровно никакихъ убѣжденій: онъ просто прикрывается ими, какъ ярлыкомъ, для вида, потому что въ данную минуту они въ модѣ, или потому что онъ хочетъ оправдать ими какіе нибудь дурные поступки; берегитесь довѣриться такому человѣку: онъ васъ обманываетъ. Что же касается тѣхъ, которые хотятъ прибѣгнуть къ помощи существующихъ учрежденій якобы для пропаганды новыхъ идей, то это — не болѣе, какъ честолюбцы, которые подъ предлогомъ будущаго хотятъ только свободно пользоваться жизнью въ настоящемъ.

Изъ этого одного видно, что нашъ идеалъ не можетъ быть осуществленъ сейчасъ, и мы вполнѣ готовы это признать; но онъ будетъ становиться все болѣе и болѣе осуществимымъ въ той мѣрѣ, въ которой люди, его усвоившіе, съумѣютъ приложить къ этому свою энергію. Чѣмъ живѣе будетъ ихъ пропаганда, тѣмъ ближе будетъ и достиженіе цѣли. Если мы будемъ входить въ сдѣлки съ существующими учрежденіями, мы не разрушимъ ихъ; если мы будемъ прятать наши убѣжденія въ карманъ, мы не добьемся ихъ распространенія.

Чтобы бороться съ современнымъ строемъ и работать для воплощенія въ жизнь новыхъ идей, нужна энергія, а эту энергію даетъ только твердое убѣжденіе. Вотъ почему тѣ, кто такія убѣжденія имѣетъ, должны стараться быть «ловцами людей».

Выше мы показали, что никакія реформы не дѣйствительны въ нашемъ обществѣ; поэтому, проповѣдывать ихъ рабочимъ значило бы сознательно обманывать ихъ. Мы знаемъ, съ другой стороны, что сами событія неизбѣжно приведутъ рабочихъ къ революціи, что экономическіе кризисы, безработица, развитіе машинизма, политическія усложненія — все содѣйствуетъ тому, что выброшенный на улицу рабочій оказывается вынужденнымъ

громкимъ протестомъ заявлять о своемъ правѣ на существованіе. А разъ уже революція неизбѣжна, разъ всѣ реформы ни къ чему не служатъ, то единственное, что намъ остается, это — подготовиться къ ней. Это именно мы и дѣлаемъ, когда стремимся идти прямо къ цѣли, предоставляя разнымъ честолюбцамъ создавать себѣ карьеру и обогащаться на счетъ той самой нужды, которой они якобы хотятъ помочь.

Здѣсь мы предвидимъ еще одно возраженіе. «Разъ вы сами признаете», скажутъ намъ, «что ваши идеи еще не созрѣли для осуществленія на практикѣ, то вы, значитъ, требуете отъ современнаго поколѣнія, чтобы оно жертвовало собою для поколѣній будущихъ, чтобы оно боролось за идеалъ, немедленнаго осуществленія котораго вы ему обезпечить не можете?»

Мы вовсе не проповѣдуемъ никакого самоотреченія; мы только не хотимъ обольщать себя ложными надеждами и не хотимъ помогать энтузіастамъ ими обольщаться. Мы беремъ факты какъ они есть, разсматриваемъ ихъ и дѣлаемъ выводы; мы видимъ, съ одной стороны, общественный классъ, владѣющій всѣмъ и ни отъ чего не соглашающійся отказаться; съ другой — классъ, производящій все и ничего не имѣющій, классъ, которому остается или покорно склонить голову передъ своими эксплуататорами, потерявъ всякую гордость, всякое чувство собственнаго достоинства, все, что возвышаетъ характеръ человѣка, и терпѣливо ждать, пока ему бросятъ кость, или же возстать и рѣшительно потребовать того, чего онъ не можетъ добиться никакими колѣнопреклоненіями. Для тѣхъ, кто думаетъ только о себѣ, кто хочетъ наслаждаться жизнью во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣною, въ этой альтернативѣ, конечно, нѣтъ ничего пріятнаго. Такимъ людямъ мы посовѣтуемъ примириться съ требованіями современнаго общества и постараться пробить себѣ дорогу, не обращая вниманія на то, что попадается имъ по пути и не боясь раздавить того, кто можетъ имъ помѣшать; съ ними у насъ нѣтъ ничего общаго.

Но тому, кто считаетъ, что его свобода — только тогда настоящая свобода, когда она не нарушаетъ свободы болѣе слабыхъ; тому, кто не можетъ пользоваться

наслажденіями, если онъ знаетъ, что они куплены цѣною слезъ другихъ, обездоленныхъ, людей — тому мы скажемъ, что въ признаніи, что для освобожденія нужна борьба, нѣтъ никакого самоотреченія съ чьей бы то ни было стороны.

Мы признаемъ, какъ несомнѣнный фактъ, что только приложеніе нашихъ идей можетъ дѣйствительно повести къ освобожденію человѣчества; его дѣло — хочетъ ли оно освободиться сразу и цѣликомъ, или же всѣми плодами прогресса всегда должно пользоваться лишь незначительное привиллегированное меньшинство, на счетъ тѣхъ, кто гибнетъ, производя богатства для другихъ.

Увидимъ ли мы зарю этого освобожденія? Выпадетъ ли это на долю современнаго поколѣнія, или того, которое за нимъ послѣдуетъ, или еще позднѣйшаго? Этого мы не знаемъ и этимъ мы не занимаемся. Достиженіе цѣли выпадетъ на долю тѣхъ, у кого хватитъ энергіи и огня въ сердцѣ, чтобы настойчиво захотѣть быть свободными.

Глава XXIII

ПРАВДА БЕЗЪ ПРИКРАСЪ.

Все сказанное въ предыдущей главѣ, несомнѣнно, противорѣчитъ обыкновеннымъ рѣчамъ членовъ различныхъ политическихъ партій, которые всегда обѣщаютъ золотыя горы и отъ малѣйшей реформы ждутъ наступленія земного рая для ея сторонниковъ. Но мы, которые не ждемъ отъ увлеченій массы никакой личной выгоды, которые хотимъ, чтобы она выучилась сама управлять собою, — мы не станемъ обольщать ее ложными надеждами. Для того, чтобы наша мысль была сильнѣе, и наша дѣятельность имѣла больше значенія, мы должны ясно видѣть путь, лежащій передъ нами, не обольщаясь никакими иллюзіями, не останавливаясь ни передъ какими предразсудками, которые могли бы заставить насъ свернуть съ истиннаго пути.

Наши идеи станутъ приложимыми только благодаря энергіи, съ которой люди ихъ усвоившіе будутъ вести свою пропаганду. Ихъ успѣхъ зависитъ отъ той силы, которую мы сможемъ отдать въ распоряженіе революціи; если же мы до сихъ поръ не прилагаемъ этой силы, не стараемся сразу перейти отъ теоріи къ практикѣ, то причина этого — мы вполнѣ это признаемъ — лежитъ въ существованіи различнаго рода препятствій. Если бы наши убѣжденія можно было приложить къ жизни сейчасъ же, то съ нашей стороны было бы непростительнымъ не попытаться этого сдѣлать. Но препятствія существуютъ, и наше дѣло — не отрицать ихъ, а наоборотъ узнать, въ чемъ они заключаются, и постараться ихъ преодолѣть. Мы потому именно и ведемъ пропаганду, что наши взгляды еще нужно стараться проводить въ жизнь: если бы они были уже готовы къ осуществленію, то для этого достаточно было бы естественнаго хода событій.

Мы должны привыкнуть принимать вещи хладнокровно: не смотрѣть въ увеличительное стекло на то, къ чему мы стремимся, и, наоборотъ, въ противуположное стекло бинокля — на то, что представляетъ для насъ опасность. Мы ищемъ правды и если мы будемъ обманывать себя и другихъ, то ту революцію, которую мы, можетъ быть, вызовемъ, придется начинать сначала.

Наши противники говорятъ намъ о неосуществимости нашего идеала обыкновенно только тогда, когда у нихъ нѣтъ другихъ аргументовъ, и этотъ послѣдній аргументъ довольно затруднителенъ, если не по существу, то по формѣ, потому что въ современномъ обществѣ, нашъ идеалъ въ самомъ дѣлѣ можетъ очень легко показаться утопіей. Человѣку, никогда не выходившему умственно за предѣлы существующаго, очень трудно представить себѣ, что можно жить безъ правительства, безъ законовъ, безъ судей, безъ полиціи и безъ всякой другой власти, безъ какихъ бы то ни было денежныхъ знаковъ, когда въ наше время людямъ и такъ уже трудно столковаться между собою, несмотря на существованіе законовъ, которые считаются обыкновенно созданными именно для облегченія соглашеній между людьми.

Мы не можемъ выставить противъ этого возраженія никакихъ фактическихъ доказательствъ, потому что нашъ идеалъ пока еще находится въ будущемъ. Мы можемъ, конечно, указывать на существующія въ современномъ человѣчествѣ теченія, на разныя частичныя попытки осуществленія этого идеала въ маленькихъ размѣрахъ, но какое все это можетъ имѣть вліяніе на предубѣжденный умъ, не идущій въ своихъ стремленіяхъ дальше улучшенія того, что существуетъ?

Совершенно отвергнуть этотъ аргументъ? Это значило бы спрятать, какъ страусъ, голову подъ крыло: возраженіе осталось бы все таки въ полной силѣ. Отвѣтить какими-нибудь софизмами? Мы оказались бы въ глухомъ переулкѣ, выйти изъ котораго можно только при помощи новыхъ софизмовъ. Отъ этого рода пріемовъ идеи никогда ничего не выигрываютъ. Если мы хотимъ дѣйствительно выяснить вопросъ и отвѣтить на всѣ противупоставляемые намъ аргументы, мы должны сами ис-

кать возраженій, должны стараться вызывать ихъ, чтобы затѣмъ по возможности найти на нихъ отвѣтъ. И прежде всего мы должны высказываться ясно и опредѣленно, не пугаясь настоящей правды, потому что мы стремимся именно къ правдѣ. Разъ мы заявили, что она лежитъ въ основѣ нашихъ идей, мы должны доказать это тѣмъ, чтобы всегда и повсюду стремиться найти ее.

Мы вполнѣ сознаемъ, что такое признаніе не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго для массы, что оно не можетъ увлечь ее за собою; нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, можетъ быть, даже обвинятъ насъ въ томъ, что, недостаточно скрывая темныя стороны нашего общественнаго міросозерцанія, мы сѣемъ въ нашихъ рядахъ безнадежность и разочарованіе.

Такой упрекъ будетъ ничѣмъ инымъ, какъ слѣдомъ вліянія различныхъ политическихъ партій. Съ какой стати мы будемъ обѣщать то, исполненіе чего отъ насъ не зависитъ, и подготовлять, такимъ образомъ, реакцію, которая обратится противъ насъ?

Если бы мы составляли политическую партію, стремящуюся къ завоеванію власти, тогда, конечно, мы могли бы обѣщать людямъ все, что угодно, лишь бы только они помогли намъ въ нашемъ предпріятіи; но у анархистовъ дѣло обстоитъ иначе: намъ нечего обѣщать, нечего просить, нечего давать. И когда намъ возражаютъ, что нашъ идеалъ неосуществимъ, намъ не остается ничего другого, какъ указать на факты, въ которыхъ обнаруживается стремленіе человѣчества пойти именно по этому направленію, а затѣмъ вновь показать вытекающія изъ современнаго строя бѣдствія, ложность его основъ и недѣйствительность всѣхъ реформъ, предлагавшихся до сихъ поръ въ видахъ успокоенія умовъ. Мы скажемъ затѣмъ, что передъ людьми, въ концѣ концовъ, стоитъ все та же альтернатива: или продолжать терпѣть эксплуатацію, или прибѣгнуть къ революціи, причемъ успѣшность этой революціи будетъ зависѣть отъ того, насколько сильно они *захотятъ* осуществленія идеала, который они признаютъ желательнымъ. Вотъ все, что мы можемъ сдѣлать; остальное же будетъ зависѣть не отъ насъ.

Мы, лично, не сторонники пропаганды при помощи

громкихъ — высокопарныхъ или сантиментальныхъ — фразъ: онѣ только заставляютъ людей надѣяться на немедленное исполненіе ихъ желаній, а это — невозможно. Люди входятъ въ движеніе полными огня и энтузіазма, думая, что вотъ-вотъ достигнутъ намѣченной цѣли, а затѣмъ понемногу разочаровываются и безслѣдно исчезаютъ одинъ за другимъ. Сколько мы видѣли за послѣдніе десять лѣтъ въ нашихъ кружкахъ такихъ товарищей, которые хотѣли разрушить сейчасъ же, какъ Самсонъ, зданіе храма? А гдѣ они теперь?

Мы хотимъ дѣлать дѣло менѣе громкое, менѣе блестящее, но болѣе прочное. Мы хотимъ дѣйствовать не только на чувство людей, но и на ихъ умъ, на ихъ логику. Это не значитъ, что мы относимся отрицательно къ пропагандистамъ, которые, главнымъ образомъ, умѣютъ дѣйствовать на чувство: всякій дѣлаетъ свое дѣло сообразно своимъ взглядамъ, своему темпераменту. Но мы ищемъ, не людей в ѣ р у ю щ и х ъ, а людей у б ѣ ж д е н н ы х ъ. Пусть тѣ, которые входятъ въ наше движеніе, знаютъ заранѣе всѣ трудности, съ которыми имъ придется встрѣтиться, они должны подготовиться къ борьбѣ съ ними, чтобы не впасть въ разочарованіе при первой же неудачѣ. Путь нашъ дологъ и труденъ и прежде, чѣмъ вступить на него, мы должны испробовать силу своей воли и своихъ мышцъ: многіе изранятъ себя о придорожные камни, придется намъ иногда оставлять на дорогѣ и трупы товарищей. Пусть тѣ, въ комъ нѣтъ достаточной силы духа, лучше остаются дома: они только послужатъ помѣхой для двигающагося впередъ отряда.

Другой предразсудокъ, довольно распространенный среди анархистовъ, состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть на массу какъ на какое-то тѣсто, изъ которой можно вылѣпить что угодно и которой, поэтому заниматься не стоитъ. Источникъ его коренится въ томъ, что люди, сдѣлавшіе, сравнительно съ другими, шагъ впередъ, считаютъ себя какими то пророками, стоящими выше обыкновенныхъ смертныхъ. «Мы заставимъ массу сдѣлать то-то, мы поведемъ ее за собою», говорятъ они, совершенно уподобляясь въ этомъ любому диктатору. Этотъ взглядъ

на массу — ничто иное, какъ наслѣдіе нашего прошлаго, основаннаго на понятіи о власти.

Мы нисколько не отрицаемъ вліянія меньшинства на толпу: наоборотъ, мы именно потому и стараемся дѣйствовать какъ можно энергичнѣе, что убѣждены въ этомъ вліяніи; но мы думаемъ, что единственный путь, которымъ анархисты могутъ, въ моментъ революціи, повліять на массу, это — практическое дѣло, пропаганда собственнымъ примѣромъ, который одинъ только можетъ увлечь толпу. При этомъ нужно имѣть въ виду, что такое вліяніе будетъ возможно только тогда, когда эта масса будетъ до извѣстной степени подготовлена предварительной, ясной, и опредѣленной пропагандой, когда она сама придетъ въ движеніе подъ вліяніемъ воспринятыхъ раньше идей.

И вотъ, если мы съумѣемъ надлежащимъ образомъ распространить теперь наши взгляды, въ этотъ моментъ окажется ихъ вліяніе; только при условіи, если мы будемъ выяснять ихъ и дѣлать доступными для всѣхъ, можемъ мы разсчитывать на долю участія въ будущемъ общественномъ переворотѣ. Тогда намъ не придется уже бояться, что за нами не пойдутъ; единственной опасностью будутъ тогда, наоборотъ, тѣ преграды, которыя захотятъ поставить движенію люди, которые будутъ считать себя его вожаками.

Въ революціяхъ толпа всегда идетъ дальше предшественниковъ движенія. Будемъ же поэтому какъ можно шире распространять наши убѣжденія, будемъ какъ можно лучше выяснять ихъ, будемъ даже повторяться, если нужно, — и не будемъ закрывать глаза на правду. И такая пропаганда не только не оттолкнетъ людей отъ нашего дѣла, но, наоборотъ, привлечетъ къ нему всѣхъ тѣхъ, кто жаждетъ свободы и справедливости.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава — стр.

I. — Идея анархизма и ея развитіе . . . 1
II. — Индивидуализмъ и солидарность. . . 9
III. — Можно-ли упрекнуть насъ въ отвлеченности . . . 19
IV. — Дуренъ-ли человѣкъ самъ по себѣ? . . 27
V. — Собственность . . . 34
VI. — Семья . . . 45
VII. — Государственная власть . . . 52
VIII. — Судебная власть. . . . 60
IX. — Право карать преступленія и отношеніе къ нему ученыхъ . . . 68
X. — Вліяніе среды . . . 79
XI. — Патріотизмъ . . . 90
XII. — Патріотизмъ правящихъ классовъ . . 95
XIII. — Милитаризмъ . . . 104
XIV. — Колонизація . . . 114
XV. — Теорія «низшихъ» расъ . . . 122
XVI. — Почему мы — революціонеры? . . . 133
XVII. — Принципы и средства борьбы . . . 143
XVIII. — Революція и анархизмъ . . . 152
XIX. — Безполезность реформъ . . . 159
XX. — Экспериментальный методъ . . . 178
XXI. — Что-же будетъ послѣ? . . . 195
XXII. — Осуществимъ-ли анархическій идеалъ? . 202
XXIII. — Правда безъ прикрасъ . . . 208

ИЗДАНІЕ ГРУППЫ
РУССКИХЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ ПРОДАЮТСЯ:

Въ Лондонѣ: въ Фондѣ Вольной Русской Прессы, 15 Augustus Rd',
Hammersmith, W.

Въ Парижѣ: Société Nouvelle, 17 rue Cujas.

Въ Женевѣ: E. Held, 49 route de Carouge (складъ).

Складъ изданія (обращаться только письменно): Sophie Kropotknie.
Bromley, Kent, England.

Современная наука и Анархизмъ, *П. Кропоткина.* . 40 сант.

Парижская Коммуна и понятіе о государственности,
М. Бакунина, съ предисловіемъ *П. Кропоткина* . 25 „

Распаденіе современнаго строя (Parole d'un Révolté),
П. Кропоткина. 1-ый выпускъ. . . . . . . 1 фр.

Анархія, *Элизе Реклю* . . . . 25 сант.

Рѣчь на судѣ, *Софьи Бардиной* (разошлось)

Рѣчь на судѣ, *Эмиля Анри* . . . . 20 „

Религіозная Язва, *Іоанна Моста* . . . . . . 25 „

Анархія, ея философія, ея идеалъ, публичная лекція
П. Кропоткина. . . . . 1 фр.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Хлѣбъ и Воля (переводъ La conquête du Pain), *П. Кропоткина*
(на дняхъ).

Доклады Парижскому Интернаціональному Революціонному Конгрессу 1900 года (на дняхъ).

Будущее Общество. *Ж. Грава.*

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Распаденіе Современнаго Строя, 2-ой выпускъ.

Государство, его роль въ Исторіи, *П. Кропоткина.*

Prix: 2 Francs

